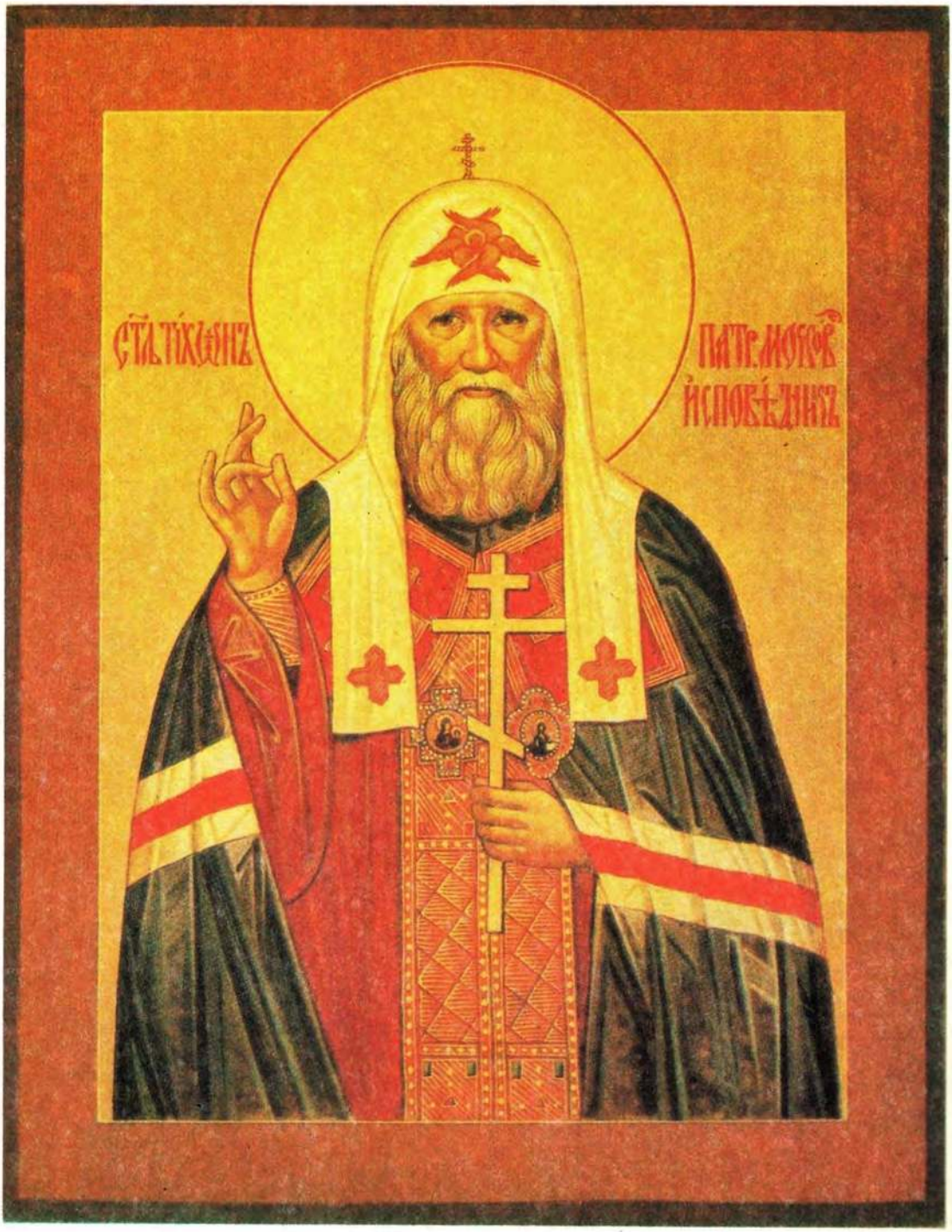
ISSN 0132-862X

3
1994

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ

(† 25 марта 1925 года по ст. ст.)

Икона современного письма

1994 · 3

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор-председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

65 лет Святейшему Патриарху Алексию II 2

Заявление Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II 11
Обращение Патриарха АЛЕКСИЯ II к духовным лидерам Азербайджана и Армении . . 12
О встрече Патриарха АЛЕКСИЯ II и министра обороны Российской Федерации П. С. Грачева 12

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Памяти Святейшего Патриарха Тихона

Н. А. КЛЕПИНИН. Кончина Святейшего Патриарха Тихона как русская национальная утрата 14
Михаил ВОСТРЫШЕВ. Холмская Русь 17
Архимандрит ТИХОН (Беллавин). Вегетарианство и его отличие от христианского поста 25

ПРОПОВЕДЬ

Игумен КИРИЛЛ. Перед исповедью 32
Митрополит МАНУИЛ (Лемешевский). Отче, прими нас, кающихся 33
Протоиерей Александр ШМЕМАН. Великий пост: путь к Пасхе 35
Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин). Прииди и виждь и научись спасению верой . . . 40
Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин). Слово в Неделю Торжества Православия . . . 44
Святейший Патриарх ТИХОН. Россия в проказе 45
Протоиерей Всеволод ШПИЛЛЕР. От земли к Небу.... 46

БОГОСЛОВИЕ

К. ЖАРИКОВ. Экклезиология святого Иринея Лионского 50

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Священник Михаил ЧЕЛЬЦОВ. Христианство и политика 54
Е. ПОЛИЩУК. О статье Михаила Чельцова "Христианство и политика". 66
Николай БОЛЬСУНОВ. Подлинное отношение христиан к коммунизму 68
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Повинуясь велению времени 73
Владимир ГАЛАЙКО. Не умирать – побеждать! 81

К 400-летию основания Ниловой пустыни

Архимандрит ВАССИАН. Нилова пустынь 90
Житие преподобного Нила, Столобенского чудотворца 92
Игумен ВАРЛААМ. Уральский Афон 96

ПАСТЫРЬ И ПАСТВА

Михаил ВОСТРЫШЕВ. Подвиг смирения (памяти святителя Агафангела, Митрополита Ярославского и Ростовского) 98
Архимандрит МАКАРИЙ. Три тезоименитых Святителя-современника 104

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Н. О. ЛОССКИЙ. Достоевский и его христианское миропонимание *(Окончание)* . . . 108
А. Б. СВЕНЦИЦКИЙ. Воспоминания московского прихожанина *(Продолжение следует)* . . 129

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. С. И о а н н, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. СПб., 1993. 302 с. 140

Редакционная почта

Протоиерей Василий МОХОВ. О Богородско-Уфимской иконе Божией Матери . . . 142

65 лет Святейшему Патриарху Алексию II

"У каждого свой крест. Тяжел крест пастырского служения, и во много раз труднее ноша Предстоятеля, ибо на нем лежит ответственность за будущее Церкви".

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

23 февраля Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II исполнилось 65 лет. "Только не надо называть это юбилеем", – повторяет он. В свой день рождения он совершил Божественную литургию в домовом Владимирском храме своей резиденции в Чистом переулке – иерейским чином, без большого числа гостей и сослуживших архиереев. После службы Святейшего поздравил с днем рождения от лица Священного Синода митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, а от работников Московской Патриархии – епископ Истринский Арсений.

После праздничного завтрака в кругу ближайших соработников Святейший Патриарх весь день вел прием посетителей. Единственным официальным мероприятием, в котором он принял участие в свой день рождения, стал праздничный вечер, посвященный девяностолетию Пятой градской больницы – год назад она получила имя Святителя Московского Алексия и перешла под управление Московской Патриархии. В своем слове к собравшимся Предстоятель Церкви подчеркнул, сколь необходимы сегодня всем нам дела милосердия.

На следующий день вечером, в канун дня памяти своего Небесного покровителя Святителя Алексия, в Богоявленском кафедральном соборе Святейший Патриарх Алексий совершил всенощную в сослужении более чем пятидесяти архипастырей и собора духовенства.

25 февраля, в день своих именин, Патриарх Алексий совершил в Богоявленском соборе Божественную литургию в сослужении тех же архипастырей. После молебна Предстоятеля Церкви от лица архипастырей, пастырей Русской Православной Церкви, синодальных учреждений, монастырей, духовных школ и мирян поздравил митрополит Киевский и всея Украины Владимир. Он также вручил Патриарху высшую награду Русской Православной Церкви – орден святого апостола Андрея Первозванного и огласил наградную грамоту Священного Синода: "Ваше Святейшество! Отмечая Ваши обширные самоотверженные труды Предстоятеля Русской Православной Церкви по возвращению и устроению церковной жизни, в укреплении межправославного сотрудничества и миротворческие усилия, Священный Синод в день Вашего 65-летия просит принять орден святого апостола Андрея Первозванного".

В середине дня в рабочую резиденцию в Чистом переулке приехал поздравить Святейшего Патриарха с днем Ангела и 65-летием Президент России Б. Н. Ельцин. Состоялась часовая беседа, в ходе которой отмечалась роль Русской Православной Церкви и лично Святейшего Патриарха Алексия в возрождении свободной России, умиротворении общественных сил, поднимался ряд вопросов духовной жизни общества. (В частности, Святейший Патриарх высказал Президенту недоумение по поводу продолжающегося засилья на государственном теле-

Митрополит Киевский и всея Украины Владимир поздравляет Святейшего Патриарха Алексия II с днем Ангела после Божественной литургии в Богоявленском кафедральном соборе 25 февраля 1994 года

видении зарубежных проповедников и отсутствия своей передачи у Русской Православной Церкви.)

"Вы, Ваше Святейшество, сделали очень много, – подчеркнул Президент, – во имя того, чтобы Россия процветала, во имя развития духовности, и Российское государство и власть, и российский народ Вам очень благодарны за то, что Вы сделали. Я как Президент поздравляю Вас с именинами, желаю прежде всего исполнения Ваших благих намерений во имя и Церкви, и, конечно, народа. Я желаю Вам здоровья, Ваше Святейшество, я от души скажу Вам, что я очень уважаю Вас". Президент наградил Святейшего Патриарха орденом Дружбы народов.

Вечером 25 февраля в официальной резиденции Патриарха в Даниловом монастыре состоялся праздничный прием, на который прибыли Председатель Совета федерации В. Шумейко, Председатель Государственной Думы И. Рыбкин, мэр Москвы Ю. Лужков, члены кабинета министров, другие официальные лица, представители епископата Русской Православной Церкви, представители других конфессий России, дипломаты, интеллигенция, духовенство.

Из поздравления митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла после Божественной литургии в домовом Владимирском храме Патриаршей резиденции в Чистом переулке 23 февраля, в день рождения Святейшего Патриарха Алексия II:

Ваше Святейшество! В день Вашего 65-летия от лица всех, кто собрался сегодня вокруг Вас, совершающего Божественную евхаристию, позвольте сердечно поздравить Вас с этим знаменательным днем и принести сыновние, от сердца идущие поздравления и самые искренние и добрые пожелания долгих лет жизни, крепости сил, помощи Божией в том великом служении, к которому Вас призвал Господь. В эти и последующие дни, наверное, много будет сказано о Вас как о совершенно особом церковном служителе и деятеле, имя которого уже вписано золотыми буквами в нашу отечественную церковную историю. Господь действительно призвал Вас к этому великому служению во время особое – переходное, переломное, смутное. И сколько сил и дарований требуется для того, чтобы в это время провести мудро церковный корабль неповрежденным для спасения чад Церкви Русской!

Я сегодня в узком кругу не хотел бы говорить об этом, ибо будет еще возможность сказать об этом специально. Мне хотелось бы сегодня сказать о чем-то совсем ином, что открывается нам, людям, общающимся с Вами каждый день, составляющими Ваше ближайшее служебное, а также и личное окружение, – сказать о том, что открывается нам в этом человеческом общении.

Наше время – время стрессов, переживаний, огромных нагрузок на человеческую психику, здоровье и силы. И вот в общении друг с другом мы можем либо усугублять стрессы времени, либо, беря на себя часть недуга другого, облегчать его. Я могу свидетельствовать и убежден, что многие скажут то же самое: в личном общении с Вами открывается то, что Вы как человек – не как Патриарх и не как руководитель, а как человек – делаете все для того, чтобы никаких добавочных стрессов и переживаний те люди, которые Вас окружают, не испытывали. И за это Вам огромная благодарность.

Действительно, Ваш стиль руководства, стиль общения создает такие условия, при которых каждый из нас трудится в меру сил искренне, преданно и вместе с тем с радостью, зная, что в человеческом плане в Вас всегда мы имеем поддержку, опору и большую помощь. И вот это то, что хотелось бы сегодня сказать, намеренно подчеркивая человеческую сторону в Ваших отношениях с теми, кто вокруг Вас. Ведь это тоже подвиг, потому что и Вы находитесь под тяжелейшим воздействием "окружающей среды" и тяжких обстоятельств времени, и, снимая тяжесть труда и переживаний с нас, Вы принимаете их на себя. И вот за этот подвиг человеческого общения, за эту жертву, которую Вы несете в общении с нами, за Вашу огромную выдержку, которую Вы проявляете даже в самых стрессовых, в самых трудных ситуациях, большая Вам благодарность.

Ваше доброе, ровное, спокойное, всегда выдержанное, корректное, я бы сказал, высокоинтеллигентное отношение к людям является огромным стимулом, вдохновляющим всех в нашей повседневной работе. За это человеческое отношение, Ваше Святейшество, мы благодарим Вас и, подчеркивая Вашу добродетель, хотим от всего сердца пожелать, чтобы хватило Вам сил на всех нас, хватило сил, чтобы принять нас такими, какие мы есть, хватило Вам сил и впредь приносить себя в жертву настолько, чтобы другие в полной мере могли раскрывать свои способности и приносить тот плод, который они способны принести, в служении Святой Церкви.

Я хотел бы пожелать Вам еще раз от Ваших ближайших сотрудников, от тех, кто трудится рядом с Вами каждый день, от Вашего ближайшего окружения всего того, что необходимо Вам в великом пастырском патриаршем служении. И да дарует Господь Вам долгие лета, мирные, спокойные и столь же плодотворные,

Президент России Б. Н. Ельцин поздравляет Святейшего Патриарха Алексия II с 65-летием и днем Ангела. Рабочая резиденция Святейшего Патриарха Алексия II, 25 февраля 1994 года

сколь были плодотворны первые годы Вашего великого патриаршего служения.

От имени всех нас, Ваше Святейшество, примите сию святую просфору, как знак нашего молитвенного общения, нашей преданности и искренней о Господе любви, и да дарует Вам Господь многая и благая лета.

Из поздравления епископа Истринского Арсения после Божественной литургии в домовом Владимирском храме Патриаршей резиденции 23 февраля, в день рождения Святейшего Патриарха Алексия:

Ваше Святейшество, разрешите и нам, малым патриархийным работникам, принести Вам поздравление с днем рождения. Нас не так много, но все мы люди искренние, несмотря ни на какие жизненные трудности, верны делу Святой Церкви и Вашему Святейшеству. Ваше Первосвятительское служение включает в себя все епархии России, и куда бы Вы ни ездили, там всегда прославляется лик Пречистой. Примите сей образ собора Богоматери земли Русской в знак уважения и глубокой преданности. Ну, а мы молимся, чтобы Господь даровал Вам многие и обильные силы для Вашего служения.

Из ответного слова Святейшего Патриарха Алексия II после Божественной литургии в домовом Владимирском храме Патриаршей резиденции 23 февраля:

Ваше Высокопреосвященство, собратья-архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Сегодня праздник личный, поэтому я не хотел совершать в кафедральном соборе при множестве народа, множестве сослужащих архипастырей и духовенства богослужение, но я не мыслю этот день без Божественной евхаристии, потому что в течение 44 лет являюсь смиренным служителем алтаря Господня и совершителем Божественной евхаристии. Спасибо Вам, Ваше Высокопреосвященство, за трогательные и сердечные слова приветствия. Спасибо сотрудникам Патриархии за их приветствие и поздравление.

Я не считаю, что 65-летие является юбилейной датой, я осознаю, что мой жизненный путь подошел к вечеру. Я осознаю, что нет, может быть, тех сил, которые нужны были для этого великого служения в это особое, переломное время.

Я хотел бы сердечно поблагодарить всех ближайших сотрудников, разделяющих, помогающих, облегчающих несение нелегкого патриаршего служения в это непростое, трудное время, которые на разных местах церковного послушания с ответственностью, любовью и преданностью возрождают то, что было уничтожено, то, что необходимо восстановить, потому что сегодня закладывается будущее Церкви, несмотря на все трудности, несмотря на противостояние и нетерпимость, которые мы порой наблюдаем в жизни людей, в жизни нашего общества. И к основному нашему служению, пастырскому, добавляется еще и общественное служение – звать людей к миру и согласию, звать наш народ вернуться к отеческим традициям, к вере отцов, ибо 70-летний разрыв пагубно отразился на жизни наших соотечественников и, может быть, сегодняшнее отсутствие любви Христовой есть проявление богоборчества, начавшегося в послереволюционный период.

Мы являемся свидетелями чуда Божия, когда Церковь Христова выстояла и все силы ада не смогли уничтожить ее. Нам выпала ответственная задача вернуть во всем многообразии присущее ранее Церкви служение, возродить порушенное, вернуть мир в души людей, согласие и доброжелательность.

Сердечно благодарю всех, кто несет в это трудное время служение, кто помогает нести нелегкий патриарший жребий, кто возглавляет структуры церковные. Спасибо вам за ваши труды, спасибо за поддержку, которую я постоянно ощущаю – она дает мне силы.

Спасибо за каждодневное общение, потому что оно дает нам силы, помогает нам пережить трудности и увидеть, что мы не одиноки и не одни на жизненном пути в этом бурном житейском море, когда дуют ветры, поднимаются волны, когда мы ощущаем подводные рифы и камни. Пройти по бурному житейскому морю мы можем с помощью Божией и в единстве церковном и с Божией помощью пройдем. Да поможет нам Господь пережить этот трудный период плавания и да дарует Он нам силы, мужество и крепость. И главное – не терять веру, не терять надежду на Господа, не терять любовь друг ко другу, доброту и милосердие.

Из слова Святейшего Патриарха Алексия II на вечере, посвященном 90-летию Клинической больницы имени Святителя Алексия, состоявшегося 23 февраля, в театре им. К.С.Станиславского и В. И. Немировича-Данченко:

Дорогие друзья, дорогие труженики самой благородной профессии! Хочу сердечно поздравить вас не с юбилеем, но со знаменательной датой, которую отмечает в этом году ваша больница – 90-летием. Я также сердечно благодарю Владыку-архиепископа и всех вас, поздравивших меня с 65-летием.

Я рад, что в этот день мы посвящаем наши общие усилия святому благородному делу служения ближним. Ваша больница на протяжении всей своей исто-

рии служила делу милосердия. Сначала она была богадельней для неизлечимых больных. В годы Великой Отечественной войны здесь лечили раненых.

Сегодня объединяются усилия медицинских работников и Церкви в деле милосердия. К сожалению, Церковь в послереволюционный период надолго изолировали от общественной жизни, запретили заниматься благотворительностью. И лишь сейчас мы получили возможность возродить социальное служение Церкви, всегда ей присущее.

У Церкви были и богадельни, и приюты, и дома трудолюбия. Церковь помогала преодолеть пороки, алкоголизм, духовно укрепляла и лечила людей. В минувшие десятилетия мы, к сожалению, были отлучены не только от дел милосердия, но и от медицинских работников. Мы были лишены возможности напутствовать умирающего в больнице, причастить больного на дому. Верю, что, объединив наши усилия, мы многое можем сделать, потому что милосердие возвращается к нам, потому что доброта не ушла из нашей жизни. И если мы будем щедро ее сеять, будем сострадательны и милосердны к нуждающимся в помощи, поддержке и человеческом участии, наши усилия не пропадут даром.

Благодарю всех, кто трудится сейчас в Клинической больнице Святителя Алексия, митрополита Московского. В основном это сотрудники Пятой Градской больницы, которые выразили готовность и желание продолжить свой труд вместе с Церковью. Пусть новое десятилетие, которое начинает больница, станет успешным.

Помощи Божией вам всем, мира душевного, которого не хватает, к сожалению, сейчас многим. Мне хочется напомнить вам слова великого подвижника земли Русской преподобного Серафима Саровского: "Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя".

Думаю, каждый из нас на личном опыте смог убедиться, что если на душе спокойно и мирно, то это спокойствие распространяется и на окружающих нас, если неспокойно – беспокойство внутреннее передается другим. Поэтому от каждого человека зависит душевный мир окружающих.

Да благословит вас всех Господь, да поможет Он вам в вашем благородном труде.

Из приветствия митрополита Киевского и всея Украины Владимира после литургии в Богоявленском кафедральном соборе 25 февраля, в день Ангела Святейшего Патриарха Алексия II:

Божией милостью Вы сегодня отмечаете день своего тезоименитства и 65-летие со дня рождения. Примите от всей Полноты нашей Святой Церкви сердечные поздравления и молитвенные благопожелания.

Праздник Предстоятеля Церкви – это праздник всей Церкви. С самого начала Вашего первосвятительского служения Вам поверил народ, Вас полюбили люди, и сегодня мы ценим Ваше отношение к своему высокому служению, к патриаршему подвигу.

Мы благодарим Вас за великие труды, которые Вы совершаете во имя того, чтобы восторжествовало согласие в обществе, сохранились мир и единство в Церкви, чтобы было взаимное согласие и понимание между православными Божиими Поместными Церквами, должное разумение между всеми христианами, а также должное взаимопонимание между Церковью и властями государств, на территории которых наша Святая Церковь совершает свою священную миссию.

Каждый человек обязательно несет в своей жизни крест, и крест этот бывает нелегок. Нелегок этот крест и у нашего духовенства, епископата, служение которого часто сравнивается с бескровным мученичеством. Нелегок этот крест и у Первосвятителя Церкви нашей, потому что он должен постоянно предстоять перед Богом и миром, молясь за Церковь, молясь о спасении душ человеческих.

И сегодня мы слагаем сугубые молитвы к Богу, чтобы Господь укреплял Вас в несении Первосвятительского креста, чтобы Вы по-прежнему на свешнице первопрестольной сияли миру добрыми делами, верою, усердием, заботой об окормлении Церкви Божией и Божиего народа.

От имени Священного Синода и от имени всех, кто с Вами сегодня здесь предстоит и молится, примите, Ваше Святейшество, образ Вашего Небесного покровителя Святителя и чудотворца Алексия. И Бог по его молитвам да укрепит Вас на многая и благая лета во славу Божию, во славу нашей Церкви, в личное спасение и во спасение всех вверенных вам душ человеческих.

Ответное слово Святейшего Патриарха Алексия II после литургии в Богоявленском кафедральном соборе 25 февраля:

Собратья-архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры! Сердечно благодарю Его Высокопреосвященство митрополита Киевского и всея Украины Владимира за приветствия и поздравления и за переданный мне в дар образ Святителя и чудотворца Алексия, моего Небесного покровителя, молитвы которого, верю, сопутствуют мне в нелегком патриаршем служении.

Со смущением принимаю я от ближайших своих помощников и членов Священного Синода высший орден Русской Православной Церкви – орден святого апостола Андрея Первозванного. Во время нашего официального визита в Элладскую Церковь Господь сподобил меня и моих спутников поклониться честной главе Апостола Андрея, кресту, на котором он мученически закончил свой жизненный подвиг.

Благодарю за высокую оценку моих скромных трудов; все, что я делаю, я должен делать, ибо Господь учил Своих Апостолов: "Когда совершите все повеленное вам, говорите: мы, рабы неключимые, сделали то, что должны были сделать". Мы, смиренные служители алтаря Господня, далеко не все то сделали, что должны были сделать. И поэтому, выполняя – а может быть, и далеко не выполняя – свой долг, я особенно благодарен за помощь, которая оказывается мне моими собратьями архиереями, и – повторю – со смущением принимаю высший орден Русской Православной Церкви, ибо считаю, что все то, что делал, делаю и буду делать, должен делать в силу того избрания и в силу той ответственности, которая возложена на меня.

Принимая эту высокую награду Церкви, уповаю, что святой апостол Андрей Первозванный поможет мне и всей Церкви Русской в нашем крестоношении, даст силы и мужество нести наше служение с честью и с достоинством.

Благодарю Бога за то, что Он даровал мне в течение сорока четырех лет предстоять у Престола, быть совершителем Божественной евхаристии, святых Таинств Церкви Христовой и быть недостойным молитвенником за тех чад, которые были вручены моему духовному водительству.

Владыка Владимир сказал, что у каждого человека нелегкий жизненный крест: и у мирянина, и у пастыря, и у архипастыря, и у труженика церковного. Ответствен и многотруден он у Предстоятеля Церкви, ибо он должен отвечать за сегодняшний и завтрашний день Церкви Христовой в это особое время, в которое мы живем, – время больших возможностей, но и больших испытаний.

За четыре года своего патриаршего служения я имел радость посетить многие епархии Русской Православной Церкви. Физически иногда это бывало и тяжело, но радостно видеть, как возрождается Церковь, как открываются порушенные храмы и обители, как возобновляются во всем многообразии церковное служение, просвещение народа Божия, катехизаторская деятельность, дела милосердия и благотворительности, идет образование и воспитание будущих пастырей Церкви Христовой.

Благодарю духовенство Москвы, епископом которой я являюсь, за его ревностное служение, за труды по возрождению храмов и церковноприходской жизни. Благодарю за переданную мне святую панагию с изображением Казанской иконы Божией Матери, которая будет напоминать о возрождении храма Заступницы усердной в центре Москвы на Красной площади. Благодарю за трогательное приветствие от воскресных школ нашего города. Всегда радуешься, видя мальчиков и девочек, которые, посещая наши воскресные школы, воцерковляются, получают начатки веры, духовности и нравственности, и, когда смотришь в их глаза, на их лица, вселяется надежда, что это поколение мы не потеряем для Церкви и для общества.

Несмотря на то что наша Церковь осуществляет сегодня свое служение во многих суверенных государствах, единство церковное, духовную связь и духовное единство мы должны сохранять, в нем наша сила и наше будущее. Мы должны всеми доступными средствами помогать сохранению мира и согласия в обществе, в котором много нетерпимости, противостояния, озлобленности. И каждый из нас, будь он священнослужитель, труженик церковный, воспитатель и наставник будущих пастырей Церкви, инок или инокиня, архипастырь или Патриарх, должен осознавать, что от его усилия зависит будущее нашего общества, будущее Церкви.

Всем нам и перед Богом, и перед историей придется ответить, насколько каждый из нас воспользовался нынешним временем больших возможностей, благоприятным для Церкви, для ее возрождения, после десятилетий испытаний, трудностей и гонений; какой вклад внес он в будущее Церкви, ее возрождение, в достижение единства и согласия между народами государств, образовавшихся на канонической территории Московского Патриархата.

Молитвенно желаю вам помощи Божией в трудах. Благодарю за сегодняшнюю радость молитвенного общения архипастырей и пастырей, народ Божий, представителей духовных учебных заведений, обителей, наших братств и сестричеств, благодарю прихожан за молитвенное участие в сегодняшнем празднике, за святые молитвы, которые укрепляют нас на жизненном пути. Спаси, Господи.

Из слова Святейшего Патриарха Алексия II на встрече с Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным 25 февраля:

Спасибо, Борис Николаевич, за высокую честь, которую Вы оказываете своим посещением, спасибо за добрые слова, за высокую оценку моих скромных трудов. Хочу сказать, что до последнего биения моего сердца я буду служить делу возрождения церковной жизни, служить духовному и нравственному здоровью нашего народа, всеми силами способствовать возрождению России.

Думаю, что врученный мне сегодня орден Дружбы народов символичен, потому что Церковь наша всегда служила укреплению дружбы, взаимопонимания между народами, мира и согласия. Сейчас это самое необходимое. Не будет согласия в стране – мы не решим задачи, стоящие перед Россией.

Хочу заверить Вас, что Русская Православная Церковь всемерно будет содействовать укреплению нашего государства, восстановлению всех порушенных в предыдущие десятилетия духовных традиций, восстановлению души русского человека, а также души всех народов, которые живут в бывших республиках Советского Союза, ныне суверенных государствах. Это наша каноническая территория, и мы переживаем за них, болеем душой, когда там нарушается мир, когда там нарушаются права человека, нарушается религиозная свобода.

Из слова Святейшего Патриарха Алексия II на праздничном приеме в Даниловом монастыре 25 февраля:

Благодарю за теплые слова, сказанные в этот памятный для меня день, день памяти моего Небесного покровителя Святителя Алексия, митрополита Московского, и в связи с днем моего рождения.

Непростое время, в которое мы живем, требует от нас максимум усилий: каждый ответствен за будущее Отечества, от его вклада зависит завтрашний день России.

Сердечно благодарю всех, кто откликнулся на приглашение Священного Синода и почтил нас своим присутствием. От души желаю всем вам, дорогие и уважаемые гости, многой помощи Божией в ваших трудах, в вашем служении интересам Отечества, Святой нашей Церкви, нашей Родины, народов земли нашей. Позвольте мне поднять свой бокал за Ваше здоровье и пожелать всем многой и щедрой помощи Божией, мудрости и здоровья, сил и многая, многая и благая лета.

Материалы предоставлены
Издательским домом Московского Патриархата "Хроника"

Заявление

Патриарха Московского и всея Руси

АЛЕКСИЯ II

Вооруженный конфликт в пределах Боснии и Герцеговины уже длительное время вызывает глубокую тревогу Полноты Русской Православной Церкви. Многочисленные жертвы, какие несут воюющие стороны, тяжкие страдания мирного населения, разрушения городов и сел, гибель среды обитания – вот трагические последствия братоубийственной войны, в которую оказались втянутыми народы, населяющие этот регион.

В мае 1993 года Патриархом и Священным Синодом Русской Православной Церкви было сделано Заявление по современному положению на территории бывшей Югославии. Мы заявили в нем о сопереживании тяжким страданиям сербского народа, связанного с нами многовековыми узами братства и единой православной верой, а также о сострадании другим народам бывшей Югославии, к католикам, мусульманам, людям нерелигиозным. "Мы обращаемся, – говорится в этом Заявлении, – ко всем руководителям народов, вовлеченных в вооруженный конфликт, с призывом немедленно прекратить военные действия и перейти к мирному, посредством мирных уступок, разрешению существующих спорных вопросов.

Мы молимся и призываем эти народы, в том числе и единоверный нам сербский народ, к жизни в мире и добром согласии друг с другом.

Мы призываем мировое сообщество отказаться от планов вооруженного вмешательства в конфликт, от односторонней военной поддержки или односторонней экономической блокады какой-либо одной из вовлеченных сторон....

Мы приветствуем любые мирные шаги, откуда бы они ни исходили, и молимся об их успехе".

Однако, к нашей глубокой горечи, трагическая обстановка, сложившаяся в отношениях между воюющими сторонами, радикально положительных изменений пока не претерпела. Более того, ультимативные заявления о планах бомбардировки сербских огневых позиций под Сараево авиацией стран НАТО, какими бы различными ни были к ним подходы, безусловно приведут, в случае осуществления этих планов, к большим человеческим жертвам, включая гибель мирного населения. Бомбардировка способна вызвать самые непредсказуемые военные и политические последствия и сама по себе явится крайне опасным прецедентом.

Мы призываем всех, от кого это зависит, не допустить столь опасного развития событий и отбросить саму мысль о бомбардировке. Необходимо настойчиво искать мирное, и только мирное решение проблемы. На пути к этому воюющие части должны беспромедлительно совершить одновременный отвод своих тяжелых вооружений или поставить их под международный контроль, чтобы город Сараево был наконец разблокирован, чтобы гуманитарная помощь его измученному населению могла в конце концов беспрепятственно доставляться.

Да вразумит Господь всех принимающих решения, да услышат они глас Его, зовущий к миру и примирению. Господь *скажет мир народу Своему и избранным Своим; но да не впадут они снова в безрассудство* (Пс. 84, 9).

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский и всея Руси

17 февраля 1994 года, г. Москва

Обращение

Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

к духовным лидерам Азербайджана и Армении

Святейший Патриарх Алексий II обратился с посланием к Верховному Патриарху и Католикосу всех армян Васкену I и председателю Высшего религиозного совета народов Кавказа, духовному главе мусульман Азербайджана Шейх-уль-Исламу Аллахшукюру Паша-заде. В послании говорится:

"22 февраля минуло шесть лет с момента начала братоубийственного конфликта, в который ныне вовлечены азербайджанский и армянский народы. Шесть лет льется кровь. Шесть лет два народа, прежде жившие в мире, приносят жертвы ненасытному идолу войны.

Мне думается, что настало время сказать самим себе: уже сегодня, сейчас мы должны сделать все, чтобы хронометр кровопролитной распри остановился. И мы, как духовные наставники верующих, просто обязаны дать исстрадавшимся людям новую надежду на мир.

Позвольте в связи с этим предложить вам, дорогие братья, как можно скорее вместе обратиться к лидерам всех вовлеченных в конфликт сторон с призывом немедленно прекратить кровопролитие и развести войска на удаленные друг от друга позиции. Это могло бы стать основой для диалога по спорным вопросам, который, верю, приведет стороны противостояния к справедливому и мирному разрешению существующих проблем.

Со своей стороны я выражаю готовность обратиться к государственному руководству России с просьбой помочь достижению мира в районе конфликта. Я также обещаю взять на себя любую форму посредничества в контактах религиозных общин Армении и Азербайджана, если таковое вы сочтете потребным.

С отрадой вспоминая наши встречи с вами в Москве в прошедшем году и подписанные в ходе этих встреч документы, наполненные жаждой мира и согласия, я твердо верю, что и сейчас, когда Всевышний может дать нам шанс на прекращение войны, мы вновь в единомыслии станем живым мостом между враждующими и, с помощью Божией, приведем их к согласию и братству".

О встрече Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ II и министра обороны Российской Федерации П. С. Грачева

2 марта 1994 года состоялась встреча святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и министра обороны Российской Федерации П. С. Грачева. От Министерства обороны во встрече приняли участие генерал-полковник В. И. Миронов, заместитель министра, генерал-лейтенант В. М. Лапшов, помощник министра, генерал-лейтенант И. И. Микулин, заместитель начальника Главного управления по работе с личным составом, и Е. А. Агапова, помощник министра по связям с общественностью и прессой. От Русской Православной Церкви: митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, протоиерей Виктор Петлюченко, заместитель председателя ОВЦС МП, священник Геннадий Героев, сотрудник сектора по связям с общественностью ОВЦС, А. С. Буевский, ответственный секретарь ОВЦС.

Прошедшая встреча ознаменовалась принятием Совместного заявления и стала выражением готовности Церкви и Армии сотрудничать во имя интересов Отечества и народов России.

Совместное заявление

Мы, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и министр обороны Российской Федерации П. С. Грачев, полномочно представляющие Русскую Православную Церковь и Российские Вооруженные Силы, выражая готовность сотрудничать во имя интересов Отечества и народов России, выступаем с Совместным заявлением.

Сотрудничество Церкви и Российской Армии имеет многовековую историю успешного совместного служения. Сегодня, в преддверии 50-летия великой Победы, возрождение этой традиции, по нашему общему убеждению, послужит укреплению духовно-нравственных начал в жизни российского воинства, расширит возможности для реализации прав верующих военнослужащих, поможет решить многие насущные проблемы, стоящие перед Российскими Вооруженными Силами и Русской Православной Церковью.

Имея в виду эти благие цели, мы заявляем о готовности совместно предпринять следующие практические шаги:

1. Образовать совместный Координационный комитет по взаимодействию между Вооруженными Силами Российской Федерации и Русской Православной Церковью, сопредседателями которого назначить заместителя начальника Главного управления по работе с личным составом Министерства обороны Российской Федерации генерал-лейтенанта И. И. Микулина и заместителя Председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата протоиерея Виктора Петлюченко.

2. Поручить Координационному комитету разработать перспективную программу взаимодействия Церкви и армии в научной, культурной и духовно-нравственной области, изучения религиозной ситуации в Российских Вооруженных Силах для подготовки соответствующих предложений их руководству.

3. Организовать взаимодействие в деле возрождения российской духовности и традиций верного служения Отечеству, всемерно развивать сотрудничество, в том числе в благотворительной области, в интересах социальной защиты военнослужащих и членов их семей, ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил Российской Федерации, граждан России, получивших ранения при исполнении воинского долга, семей погибших военнослужащих, по достойному сохранению захоронений павших защитников Отечества.

4. Предложить командованию воинских частей и соответствующим церковным структурам оказывать содействие в организации пастырских посещений священнослужителями православных верующих военнослужащих и членов их семей в военных гарнизонах, осуществляемых силами духовенства епархий Русской Православной Церкви, для проведения духовно-нравственных и просветительских бесед, в обеспечении возможности присутствия военнослужащих и членов их семей за богослужениями и в отправлении для них необходимых треб в свободное от службы время на добровольной основе.

5. По желанию командования и личного состава, способствовать обеспечению воинских частей духовной литературой и периодическими изданиями, другими материалами духовно-просветительского характера.

Верим, что возрождающееся ныне сотрудничество Российской армии и Русской Церкви послужит благу Отечества и народов его.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ	МИНИСТР ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Алексий II (подпись)	П. С. Грачев (подпись)

Памяти Святейшего Патриарха Тихона

Кончина Святейшего Патриарха Тихона как русская национальная утрата

Когда сюда, в наше "рассеяние", пришло известие о кончине в Москве Святейшего Патриарха Тихона, эта весть отозвалась глубокой скорбью в сердцах всех русских. Помимо тяжелой утраты для Церкви и веры, мы ярко ощутили, что ушел еще один оплот России. Это наша церковная и народная скорбь одновременно, потому что для нас Россия неотделима от Русской Православной Церкви.

Государство и его культура есть явление во времени, а потому и подвержены законам временного, то есть возникновению, созреванию, тяжким болезням, расцвету, одряхлению, разрушению. Все может разрушиться и исчезнуть. И вот среди этого великого, но подверженного разрушению есть один незыблемый оплот, которому и дан обет неразрушимости – Православная Церковь – вечное, данное во временном и преходящем. Но хотя Церковь – единое вечное, незыблемое и вселенское, мы знаем, что она не только не отрицает национальное, но, наоборот, именно в Церкви национальное получает свое истинное утверждение.

Христианство утверждает реальность и данность жизни и совершенно отвергает те отвлеченные, не существующие, а потому лицемерные обобщения, кумиры человечества, цивилизации и прогресса, в жертву которым атеистический разум приносит величайшую ценность – живую человеческую индивидуальность.

Величайший и глубочайший богослов святой апостол и евангелист Иоанн учит: *Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит" (1 Ин. 4, 20). И Сам Спаситель говорит: Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17) – исполнить как закон, данный через Откровение еврейскому народу, так и закон естественный, по словам Апостола Павла, издревле написанный в человеческих сердцах, – любовь к правде, к истине, к семье, к детям, к родителям, к своей родине и народу, тот закон, исполнение которого даже в языческом мире приводило к жертвенному подвигу.

Христианство учит все в мире обращать на служение Богу. Как из камней, кирпича, железа и золота создается храм и этот обыденный материал становится частью святыни, как вода, не меняя своих материальных свойств в купели Крещения, освященная Святым Духом, омывает грехи человека, как, наконец, Сам Владыка Господь, чтобы прийти в снедь верным, требует от нас приношения ес-

---

Статья Н. А. Клепинина, председателя Русского национального кружка им. преподобного Серафима Саровского и Сергия Радонежского в Белграде, была опубликована в 1925 году в журнале "Благовест" (Нови-Сад, Югославия) и представляет собой запись доклада, сделанного в собрании кружка по случаю кончины Святейшего Патриарха Тихона. – *Ред.*

тественных плодов земли – хлеба и вина, так и любовь к своим родным, к своим близким, к своему народу, к своей родине для каждого нормального, не извращенного человека – простая, неоспоримая и естественная – может быть и должна быть обращена на служение Богу. И мы видим, что Церковь освящает брак, семью, освящает и государство, не отвергая их ущербленности и дефективности при воплощении в жизнь, проистекающих от первородного греха.

Каждому народу дан свой талант, и этот талант должен быть развит и принесен Богу. И путь к вселенскому лежит через национальное, в возрастании из любви в любовь: от любви к родителям к любви к близким, от любви к близким к любви к своему народу, от любви к своему народу к любви вселенской.

Поэтому и вселенская Православная Церковь, будучи постоянно неизменной, по-разному открывает себя в разных народах. Она отыскивает талант, скрытый в данном народе, выявляет его и учит развивать его, указывая на неправильности и отклонения.

В течение русской истории Русская Православная Церковь неустанно развивала в народе естественную любовь к Родине и обращала ее на служение Богу. Целый ряд ее представителей в лице не только иерархов, но и пустынножителей поддерживали и укрепляли небольшое Московское княжество в его внешней и внутренней борьбе за русское единство. Перед кем не стоит пример Преподобного Сергия Радонежского, благословившего Димитрия Донского на Куликовскую битву и ходившего за сотни верст убеждать непокорных князей повиноваться Москве и не губить Русской земли междоусобием.

Из глубины церковного сознания главная историческая миссия России как хранительницы Православия – идея Третьего Рима. Из того же сознания пришло понимание царской власти как жертвенного подвига, основанного на воле Провидения.

Благодаря этой связи религиозного и национального, строительства Церкви и устройства царства учреждение Патриаршества в 1589 году было не только церковным, но и национальным событием.

В последующие годы смуты и гибели государства Церковь как незыблемый оплот всецело принимает на себя национальную миссию и несет ее среди взбаламученного моря центробежных сил и разыгравшихся личных страстей. В такие годы особенно важна сильная организация Церкви и наличие единого Главы, который является живым воплощением церковного единства, потому и видимым воплощением национальных заветов Церкви.

Мученическая смерть Патриарха Гермогена, защита Троице-Сергиевой Лавры, значение грамот, посылаемых городам, памятны всякому.

Россия вышла из лет смуты, и не будет преувеличением сказать, что Русская Церковь вынесла ее на своих плечах: и дальше русское церковно-национальное сознание, часто незаметно и косвенно, перебороло многие извне приходившие и русскому существу чуждые влияния, которые были слишком сильны благодаря нашему чрезмерному увлечению чужеземным. В последние три века русской истории, в периоды государственной мощи, национальная миссия Церкви в видимости меркнет. Отмена Патриаршества указывает на преобладание государства над Церковью в жизни нации. Но когда в 1917 году изменническим переворотом была низвергнута законная царская власть и ей на смену пришла сначала власть слабая и, уж конечно, национальной идеи не представляющая, а потом совершенно неминуемо и власть прямо воинствующая против России и Православия, снова просияла национальная миссия Русской Церкви.

Восстановление Патриаршества в 1917 году было великим национальным событием, отнюдь не меньшим, чем поднявшееся на окраинах России белое движение. Это восстановление было совершенно необходимой потребностью.

Есть силы в жизни невидимые, но которые сильнее жизни и всех ее ужасов и

несчастий. Божия правда и правда народа, видящего свой религиозно-национальный путь, пока она еще жива в сердцах, больше и сильнее всех восстающих вражеских сил, хотя бы они видимо и торжествовали окончательную победу. Но хотя мы, верующие, и знаем это, по нашему маловерию нам нужно и живое воплощение этой силы в жизнь. Поэтому среди несчастия и унижения нам так особенно дорого было это живое пребывание русского единства и русского национального духа в нашей бедной и скудной жизни. Этим живым камнем прежней и истинной России и были для нас Русская Церковь и ее глава, ныне в Бозе почивший, Святейший Патриарх Тихон.

После прихода большевиков, да и раньше, с февральским переворотом, Россия, видимо, перестала существовать. Мы вглядываемся с болью: русская природа, русские леса и поля, русские города, русские лица, русская речь, но нет России, словно отнята душа. Осталась только Россия, заключенная в сердцах русских, в укладе жизни некоторых крепких семейств и видимо и реально в Церкви и в том, что ее окружает. Одна Церковь осталась неизменной и прежней. Так же горят лампады, так же совершаются богослужения, те же облачения, та же жизнь, раз навсегда закрепленная церковными канонами и правилами. Ушедшие из советского ада знают, как, только входя в храмы, они чувствовали себя всецело в прежней России, словно вырвавшись из окружавшего их чуждого иноверческого быта.

Россия перестала существовать даже по имени. Вместо России теперь непонятные и трудно выговариваемые согласные буквы, обозначающие союз самостоятельных республик. И потому так дорого и бесконечно близко звучало поминовение Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, и так больно и сиротливо сделалось на душе, когда это поминовение замолкло. Патриарх был единым видимым символом русского единства.

Здесь, за границей, мы знаем, что мы едины с теми, кто остался на Родине. Но внешней связи нет, между ними и нами легла роковая черта. Лишь в нашей Церкви возносились моления, так же как и в каждой церкви там, на Родине, за Святейшего Тихона, Патриарха всея России. Той России, в которой и мы и они, если мы о ней помним и ее любим, настоящей, прежней, не Советороссии, не СССР – России.

Сама жизнь и деятельность Святейшего Патриарха бодрила унывающих и отчаивающихся. Подчас казалось, что все уже погибло. И вот среди разрушения есть Глава Церкви. Его гонят и преследуют, а он твердо ведет постоянную творческую работу Церкви. Бурные волны жизни обрушиваются на него, а он все так же идет вперед "против течения", так же исполняет свой долг перед Богом. Этим ободряющим и поднимающим сердца и взоры вверх было само наличие в России единого Главы Церкви – Патриарха.

Теперь по воле Божией Патриарх Тихон ушел от нас. С его кончиною на наши плечи возлагается еще большая ответственность перед Богом, Церковью и Родиной. Не только на плечи наших вождей, но на каждого из нас. Господь попустил смерть Патриарха и в эти тяжелые дни требует от нас большей зрелости и большей твердости. Видимый оплот Церкви и России ушел, и неизвестно, будет ли дано избрать заместителя. Нет живого воплощения церковного и национального единства, и мы должны тем крепче держаться за то невидимое, что сохраняет свою силу всегда, независимо от того, дано ли ему воплотиться во внешности или нет. Пусть Патриарх ушел, эта невидимая сила, единственная, истинная сила осталась и останется с нами, пока мы будем хранить веру, твердость и надежду. Живого, реального единства в лице единого Патриарха нет больше с нами, тем неуклонней должны мы ощущать и держаться *нашего единства в духе и вере.* Мы должны быть верны и служить Божией правде и нашей русской правде, которую мы подчас забывали и забываем и за это наказаны, правде, создававшей Россию и которая заключается в воле служить целым нашим народом, всем его талан-

том, насколько это в наших слабых силах, Божией правде и торжеству Единой Православной Церкви и смиренно умолять Бога, чтобы Он восполнил недостающие силы.

Теперь в советских газетах опубликовано завещание Патриарха Тихона, сфабрикованное большевиками или пусть даже вымученное у Патриарха. Но мы знаем и другое завещание. Это завещание писалось каждый день и каждый час жизнью Патриарха. Теперь оно подписано и скреплено мученической смертью. Мы узнали его без услужливости советской печати. Оно пришло в сердце сразу, первым живым ощущением, когда мы узнали о кончине Патриарха, и поэтому оно больше говорит, чем напечатанное на бумаге.

Это завещание – твердо и непреклонно стоять за православную веру и за Россию, против всяких соблазнов, гонений и невзгод. Патриарх завещал нам это своей жизнью, и *нашей жизнью* должны мы это завещание исполнить.

Н. А. КЛЕПИНИН

(Публикация К. К. ТАРАСОВА)

Холмская Русь

Одна из неисследованных страниц жизни Святителя Тихона, Всероссийского Патриарха, – его служение в 1892–1898 годах в Холмской Руси. Бытует мнение, что "церковная карьера Василия Беллавина – сына священника, семинариста, выпускника Санкт-Петербургской Духовной Академии, преподавателя, а затем ректора Семинарии, архимандрита и, наконец, епископа Люблинского, викария Холмской епархии, – была обычной для человека его круга и призвания. В ней не было ни академического блеска, ни исключительных достижений" (Православная беседа, 1993, № 2). Странное заключение по меньшей мере. Ведь именно в молодые годы отчетливо проявились пастырские дарования Святителя Тихона, еще в Духовной Академии получил он провидческое наименование Патриарха.

В ненастный весенний день 1892 года поезд подъезжал к уездному городу Холму Люблинской губернии Царства Польского*. Около окна стоял молодой иеромонах Тихон, назначенный Определением Святейшего Синода от 17 марта 1892 года инспектором Холмской Духовной Семинарии...

Холмская земля в древности называлась Червонной Русью (по городу Червен, уничтоженному иноземными захватчиками), и ее границы простирались в глубину польских губерний – Радомской, Петроковской, Келецкой, Плоцкой. Здесь жили славянские народы – бужане, волыняне, дулебы, хорваты. Еще в 907 году они предприняли с русским князем Олегом поход на Царьград. С времен равноапостольного святого князя Владимира эти земли становятся уделом князей из его рода. Особенно заботился о духовном окормлении и благосостоянии Холмской Руси владимиро-волынский князь Даниил Романович. Он и учредил в 1235 году особую Холмскую епархию.

Далекую западную окраину, прижавшуюся к реке Бугу, зачастую забывали даже почесть за русский край. Холмщина, никем не понятая и не поддержанная, изнемогла в неравной борьбе с воинственными соседями и наконец была полностью покорена поляками. Лишь к 1795 году (третьему разделу Польши) Россия вернула себе

* Ныне город Хелм в Польше.

Западный край. А 11 мая 1875 года было провозглашено воссоединение холмских греко-униатов с Православной Церковью.

...Туман надежно прятал от взора молодого иеромонаха древнерусский город. И вдруг сквозь тучи прорвался луч света, озарил Холм с его дивной святою горой, на которой возвышался кафедральный собор. Там, в иконостасе над царскими вратами, сияет величайшая святыня края – чудотворная Холмская икона Божией Матери, написанная, по преданию, святым евангелистом Лукой.

Позади осталась родная Псковская земля, родители, товарищи. Впереди – чужой город, чужие люди. Но внезапный луч света помог справиться с унынием, навеянным воспоминаниями о покинутой родине, настроить себя на ощущение радости от предстоящей встречи с многотрудной работой во славу Господа.

Под Твою милость прибегаю, Богородице Дево.

Холмская Духовная Семинария, основанная в 1759 году как униатская, уже семнадцать лет жила по православным обычаям и третий год находилась в новом обширном здании с домовой церковью во имя святителя Леонтия, епископа Ростовского. Ко времени прибытия нового инспектора в ней получали знания и духовное окормление 115 воспитанников.

Казалось, судьба ненадолго связала отца Тихона с Холмской Русью. Уже 24 июня 1892 года последовало Определение Святейшего Синода о назначении его ректором Казанской Духовной Семинарии с возведением в городе Холме в сан архимандрита. Не успел новонареченный архимандрит свыкнуться с мыслью о новом назначении, как 15 июля Святейший Синод в связи с переводом ректора Холмской Семинарии архимандрита Климента на должность ректора Московской Семинарии перемещает отца Тихона на его место.

"Преблагий Господь судил мне, взятому от вас, возлюбленные братья, в далекую Казань, – говорил отец ректор преподавателям и воспитанникам 4 сентября 1892 года, – снова быть вместе с вами, молиться и трудиться вкупе и, как новому предстоятелю сего учебного заведения, открыть молитвою наши годичные занятия..."

Просто и доходчиво разъяснял отец ректор воспитанникам смысл их обучения:

"Будущим пастырям Церкви необходимо самое тщательное и основательное знакомство с учением Церкви. Очень многие у нас склонны думать, что учение церковное есть что-то сухое, мертвое, отвлеченное, не имеющее никакого отношения к жизни. Поэтому и светские люди часто отвращаются от этой якобы схоластики, да и духовные (люди. – *Ред.*) изучают ее скорее по необходимости, чем по любви. Между тем такой взгляд на учение Церкви есть только одно печальное заблуждение, основывающееся на нежелании или неумении проникнуть в суть дела, понять его как следует. Церковное учение, будет ли то краткое наставление веры или целая богословская система, есть самое ближайшее выражение истинной жизни и истинных потребностей нашего духа, стремящегося к Богу как источнику истины и любви... Для успеха будущего вашего служения необходимо также заранее воспитывать в себе повиновение уставам Святой Церкви. Подчиняясь ее уставам, вы закалите свою слабую волю в добре, приобретете себе силу самоограничения, силу воли, столь необходимую для будущей вашей деятельности... Успеху вашего будущего служения много поможет также и то, если вы воспитаете в себе любовь к храму Божию и богослужению. Относясь к ним с любовью, вы тем самым воспитаете в себе вкус к красоте церковной, так пленяющей душу народа, среди которого вам придется действовать: еще и поныне для многих в народе храм Божий является единственным училищем, где "во тьме седящие" просвещаются и поучаются Словом Божиим, молитвами, священнодействиями..."

Деяния же воспитателей отец Ти-

хон сравнивал с работой садовника, который ухаживает за молодым деревцем, удобряет почву для него, поливает его, отрезает омертвевшие сучки. "Воспитатели заботятся о питомцах, развивая в них все доброе и уничтожая худое и негодное, что может вредить правильному росту их, пока воспитанники, созревши и выросши, не сделаются самостоятельными и не выйдут на свободу из-под опеки своих пестунов".

Кроме своих основных обязанностей по воспитанию и обучению будущих пастырей, большинство служащих Холмской Семинарии занимались литературным трудом, публикуя свои статьи в газетах и журналах Санкт-Петербурга, Варшавы, Холма, а также принимая участие в составлении ежегодного "Холмского народного календаря", в чем и отчитывались перед отцом ректором.

Но особенно интересны и многочисленны были статьи самого отца ректора, в которых удачно сочетался талант ученого-богослова и простонародного рассказчика. Так, в 1893 году в журнале "Странник" он публикует статью "Взгляд святой Церкви на брак", где полемизирует с Львом Толстым по поводу его произведений "Крейцерова соната" и "Юлий и Памфил", убедительно доказывая, что учение Церкви о браке неизмеримо выше рассуждений на ту же тему яснополянского графа.

Христианский брак, поясняет отец Тихон, есть не только нравственная связь супругов, но и Таинство, подобное благодатному союзу Христа с Церковью. Если человеку был нужен помощник в стране блаженства, то не нужнее ли он стал в юдоли плача и печали? И, как бы видя перед собой своих родителей, отец Тихон пишет: "Таким помощником для мужа и является жена. Как живущая преимущественно сердцем, женщина со свойственными ее сердцу чертами – нежной любовью, покорной преданностью, кротостью, сострадательностью, долготерпением – является лучшим товарищем, другом, утешителем и помощником мужчины, как человека по преимуществу ума, твердости, мужества, характера. Муж получает восполнение своих сил из даров женской природы; в жене он находит себе поддержку и помощь".

Отец Тихон не упражняется в схоластике, а пытается с помощью учения Церкви ответить на вопросы повседневной жизни. Это отчетливо прослеживается во всех его статьях "холмского периода": "О подвижничестве", "Вегетарианство и его отличие от христианского поста", "За что Церковь называют матерью нашей", "Орган при богослужении", "Весна – образ нашего обновления", "Милость Божия к русскому народу", "Слово о духовном образовании", "Чему поучает нас осень?", "Что такое храм для христианина?" и др.

За пять лет управления духовной школой раскрылся и организационный талант молодого ректора. Его стараниями в Семинарии был устроен второй храм – во имя новоявленного угодника Божия святителя Феодосия Черниговского (храм обустраивался исключительно на средства благочестивых жертвователей, среди которых первыми были отец Иоанн Кронштадтский и служащие Холмской Семинарии). По воскресениям преподаватели стали проводить публичные чтения для всех горожан, ищущих религиозно-нравственного просвещения, что сблизило Семинарию с местным обществом. По почину отца Тихона в Холме, где не было монастыря, появилось отрадное нововведение – пение с канонархом... Кроме того, на отца ректора были возложены многие обязанности вне Семинарии: член Холмско-Варшавского училищного совета и Совета Холмского Свято-Богородицкого братства, а потом и председатель, цензор изданий братства, благочинный женских монастырей епархии... Сослуживцы отмечали его "энергичный и предприимчивый характер, способность к разносторонней деятельности, осторожность, бережливость и хозяйственную расчетливость".

Никогда отец Тихон не отказывал священникам, приглашавшим его украсить своим служением небогатые

сельские храмы. К любимому холмичанами архимандриту всецело относятся слова о духовном облике пастыря, с которыми он обратился к оканчивающим Семинарию воспитанникам в 1893 году:

"Кому не известно, что центр тяжести всякого нравственного влияния и воспитания заключается в силе любви? Разве не бывает, что часто даже порочный человек скорее готов послушать одного слова того, кто его любит, чем целых речей и убеждений тех, которые к нему равнодушны? Воля влияет на волю лишь тогда, когда выходит из себялюбивой самозамкнутости и любовно сливается с волею другого. Поэтому и у пастыря должна как бы исчезать личная жизнь и он должен сливаться со своею паствою, радоваться ее радостями, болеть ее печалями. Как истинная мать теряет ощущение личной жизни и переносит ее в семью, как птица насыщается сытостью своих детенышей, так подобное же перенесение своей личной жизни в жизнь других должно быть и у пастыря. Это мы видим на примере Пастыреначальника нашего Христа Спасителя: через всю жизнь Его проходят самоотречение и любовь".

Архиепископ Холмский и Варшавский Флавиан уже в декабре 1896 года сделал представление Святейшему Синоду о назначении архимандрита Тихона, за уходом на покой епископа Гедеона, викарием Холмско-Варшавской епархии. Ходатайство было отклонено ввиду того, что кандидату не исполнилось даже тридцати двух лет, тогда как по правилам Церкви в епископы посвящали с тридцати трех.

Архиепископ Флавиан около года оставался без викария и вновь обратился с ходатайством в Святейший Синод, теперь уже не только от своего имени, но и от православного населения края. 4 октября 1897 года государь император утвердил доклад Святейшего Синода "о бытии ректору Холмской духовной семинарии архимандриту Тихону епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии, с тем чтобы наречение и посвящение его в епископский сан произведено было в г. С.-Петербурге".

18 октября 1897 года при наречении в Святейшем Синоде во епископа Люблинского архимандрит Тихон обратился к присутствующим на этом торжественном акте (во главе с первенствующим членом Святейшего Синода митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Палладием) с речью:

"Ваше Святейшество, богомудрые архипастыри и милостивые отцы!

Ныне услышал я, *что речет о мне Господь Бог* (Пс. 84, 9), призывающий меня чрез Ваше Святейшество к епископскому служению, и ныне изрек на сие: *благодарю, приемлю и ничтоже вопреки глаголю*. А между тем в Священном Писании, которое всех нас умудряет во спасение и полезно для нашего научения и наставления (2 Тим. 3, 15–16), есть примеры того, как иные избранники Божии, сознавая трудность служения и свою немощь, уклонялись от бремени, на них возлагаемого. Вот Моисей, которому Господь повелевает вывести народ Божий из работы Египетской; он говорит: *кто я, чтобы идти к фараону? что сказать мне сынам Израиля? не поверят мне и не послушают голоса моего! и человек я не речистый! Господи, пошли другого* (см.: Исх. 3 и 4 гл.). А вот Иеремия; Господь от чрева матери избрал его, освятил и после поставляет пророком, а он отвечает: *о, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод* (Иер. 1, 6). И из истории Церкви Христовой известно, что многие избранники Божии были при своем избрании *в страсе и трепете мнозе* и что великие и сильные духом Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие ужасались высоты, трудности и ответственности святительского служения и уклонялись от избрания на оное. А я, немощный, *ничтоже вопреки глаголю на сие!*

Да не подумает кто-либо при этом, что мне совсем неведома трудность епископского служения. Конечно, неведома она мне на опыте, на деле, но научен и

знаю, что епископство воистину есть бремя. Когда-то, в дни ранней юности, епископское служение представлялось мне – да и мне ли одному! – состоящим из почета, поклонения, силы, власти. *Егда бех младенец, яко младенец мудрствовах и яко младенец смышлях; егда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. 13, 11). Ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почесть и власть, а дело, труд, подвиг. И в самом деле, легко ли быть *всем вся* (1 Кор. 9, 22)? Легко ли *изнемогать за всех, кто изнемогает, и воспламеняется за всех, кто соблазняется* (2 Кор. 11, 29)? Легко ли быть *образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12)? Легко ли суметь, когда следует одного обличить, другому запретить, третьего умолить со всяким долготерпением (2 Тим. 4,2)? Легко ли нести ответственность и за себя, и за паству и пастырей? Легко ли все сие? Святый апостол Павел свидетельствовал о себе: *по вся дни умираю* (2 Кор. 15, 31). И истинная жизнь епископа есть постоянное умирание от забот, трудов и печалей.

Труды сии и печали епископского делания усугубляются в той области нашего Отечества, в которую поставляюсь я архиереем.

У пророка Иезекииля говорится, что некогда израильтяне блуждали, как овцы без пастыря, и, рассеявшись, сделались добычею хищных зверей, пока Сам Господь не стал отыскивать и собирать их (гл. 34). И у нас, в Холмской Руси, почти триста лет овцы "не имели истинных пастырей"; они рассеялись и "блуждали по высокому холму" и сделались добычею чуждых пастырей, которые "правили ими с насилием и жестокостию", о благе их не заботились и лишь "ели тук их и волною их одевались". Сжалился Господь над овцами и изрек: *взыщу овец Моих от руки пастырей ложных, и не дам им более пасти овец, и исторгну из челюстей их, и не будут оне пищею их* (гл. 34, 18). Четверть века тому назад одне из блуждавших овец сами пожелали возвратиться в истинный двор Христов, а другие стали разыскивать "по всем местам, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный". Но в долгое странствие и блуждание кроткие овцы переменились в дикие козлища. К тому же и прежние обладатели их не хотели без бою уступать их. И вот теперь и приходится отыскивать потерявшихся овец, возвращать угнанных, перевязывать поранных, укреплять больных, сокрушать разжиревших и буйных (ст. 16) и вести борьбу с похищавшими овец.

Не думаю, чтобы это было легко для всякого, и наипаче для меня.

Бремя епископства возлагается на меня в сравнительно юные годы. Правда, в молодые годы у человека силы свежие и больше у него отзывчивости, бодрости и одушевления, но зато не богат он житейскою опытностью, постоянством, настойчивостью, терпением, хладнокровием, серьезностью, рассудительностью – словом, не богат тем, что так необходимо для успеха всякому делателю. В молодые годы человек сам нуждается в руководстве, а на меня возлагают руководительство других! Невольно при сем предносится мне предостережение святого апостола Павла Тимофею: *никто же о юности твоей да не радит* (1 Тим. 4, 12), то есть не доведи себя до того, чтобы тобою пренебрегали из-за юности твоей; напротив, поступай так, чтобы дела твои не давали видеть твоего возраста и все имели тебя не как юного, а как старца; чтобы старшие возрастом краснели, не являя себя подобным тебе в добрых нравах, а юные имели в тебе – сверстнике своем – учителя (см. св. Амвросия Медиоланского); для сего *будь образцом для верных в слове, житии, в любви, в духе, в вере и чистоте* (1 Тим. 4, 12).

Но откуда же мне – слабому и немощному – взять сил для сего? Оттуда, откуда почерпал их и святый Тимофей. Не *неради*, – пишет ему святый апостол Павел, – *о даровании, живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества* (1 Тим. 4, 14).

Верую и исповедую, что, по слову святого апостола, *не довольни есмы от себе помыслити, что, яко от себе, но довольство наше от Бога* (2 Кор. 3, 5); что благо-

успешность в прохождении служения зависит не столько от человеческих сил и достоинств, сколько от силы Божией, которая и *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

Вем и истинно известен есмь, яко несмь достоин к толикой тайне архиерейства приступити, но нем воистину и верую от всего сердца и усты исповедую, яко силен есть Господь мя удостоити сего (из молитвы св. Амвросия Медиоланского).

Верую и исповедую, что возложением святительских рук ваших будет и мне сообщена благодать Божия, которая уврачует мою немощь и восполнит мою скудость.

О сем молю вы, святитилие Божии, да молитвы ваши соделают *мене искусным пред Богом, делателем непостыдным, право правящим слово истины* (2 Тим. 15).

Уповаю также, что руководитель и покровитель мой Владыка Флавиан и впредь не оставит меня своей любовию, своими мудрыми и опытными советами и отеческими указаниями.

Уповая на все сие, я и *не отметаю* ныне *благодати* епископства и дерзаю глаголати Вашему Святейшеству: *се раб Господень: буди мне по глаголу вашему!*"

На следующий день в Троицком соборе Александро-Невской Лавры была совершена хиротония архимандрита Тихона во епископа Люблинского. Преосвященный Тихон, самый юный из современных ему иерархов Русской Церкви, уготовил себе "постоянное умирание от забот, трудов и печалей". Он задержался еще на неделю в Петербурге, чтобы принять участие в посвящении во епископа настоятеля Черменецкого монастыря архимандрита Вениамина (Муратовского). Спустя три десятилетия архиепископ Вениамин, став одним из главарей обновленческого раскола, позорно подпишет постановление о лишении томящегося в тюрьме Патриарха Тихона сана и монашества.

Епископ Тихон понимал нужды своего разноплеменного края, умел смягчить противоречия между польским и русским населением, содействовал умиротворению народа и добровольному переходу униатов в лоно Русской Церкви. Многие римо-католики доброжелательно отзывались о новом православном епископате, видя в нем "архиерея, примиряющего и объединяющего всех не мерами прещения и угрозами, а благодатным зовом доброго сердца, рукою помощи и счастья".

Архимандрит Евлогий*, назначенный ректором Холмской Духовной Семинарии, вспоминал:

"Епископ Тихон, добрый, веселый, приветливый, встретил меня радушно.

– Я так Вам рад...

Завязалась беседа, мы хорошо поговорили. Я почувствовал себя в той братской атмосфере, в которой нет и тени покровительственной ласки. Я понял, что всякую официальность в отношениях, к которым я привык во Владимире**, надо отбросить и к моему новому начальству относиться попросту, с открытой душой... Милый и обаятельный, он всегда был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко".

За десять месяцев своего епископства в Холмской Руси Владыка Тихон посетил 110 монастырей и сельских приходов и в каждой церкви служил – где всенощную, где литургию, где молебен с крестным ходом вокруг

---

*С 1922 года – митрополит Евлогий (Георгиевский), управляющий русскими приходами в Западной Европе.

**В 1895–1897 годах иеромонах Евлогий был инспектором во Владимирской Духовной Семинарии.

храма. Народ в селах толпился возле него, благодарил, "що приехалы подывиться на нас, помолиться з нами, благословиты нас".

Но Владыка умел быть и твердым, требовательным. Ревизуя привислинские монастыри, он нашел в одном из них, при станции Лесная Полесской железной дороги, отсутствие всякой отчетности и полный произвол графини-игумении в распоряжении монастырским добром, о чем Преосвященный Тихон заявил своему архиепископу. Когда об этом доложили графине-игумении, она, воспылав гневом, поспешила в Петербург к влиятельным знакомым требовать управы на молодого епископа. Святейший Синод решил не портить отношения с высокопоставленной игуменией, тем более что почитавший Владыку Тихона за своего духовного сына архиепископ Флавиан покинул Холмско-Варшавскую епархию*, и 14 сентября 1898 года государем императором был утвержден доклад о бытии "викарию Холмско-Варшавской епархии, Преосвященному Люблинскому Тихону, епископом Алеутским и Аляскинским".

Жители Холмской Руси уже успели сродниться со своим православным епископом, и, когда до них дошла печальная весть, по словам экономa Холмской Семинарии диакона Владимира Очередко, "весь край пришел в смятение и обильно проливал слезы разлуки с любимым архипастырем". Народ недоумевал: зачем берут из края епископа, для которого невозможно найти заместителя, равного по опытности и знанию местных условий?

Прощание с Владыкой сопровождалось трогательными картинами выражения скорби со стороны паствы. Храмы, где совершал службы Преосвященный Тихон по получении известия о перемещении, переполнялись плачущими богомольцами. Бедняки ходили смущенные, что отнимается их кормилец. Даже евреи недоумевали, зачем берут из Холма хорошего архиерея.

Когда настало воскресенье 11 октября, люди всякого возраста, звания, состояния и положения пришли на святую холмскую гору к кафедральному собору. Они представляли собой сплоченное стадо Христово, скорбевшее о разлуке со своим пастырем. Владыка Тихон служил в этот день последнюю литургию на Холмской земле, в конце службы он обратился к богомольцам с прощальной речью:

"Ровно год тому назад в сей самый день было совершено мною последнее богослужение в семинарском храме, я уезжал из Холма для того, чтобы, восприяв благодать архиерейства, возвратиться сюда же. По человеческим соображениям казалось, что я долгое время буду иметь утешение жить во граде, любезном мне, и трудиться с людьми, мне ведомыми и желанными. Ничто не предвещало скорого отшествия моего отсюда. Но Господь судил иначе. Ныне совершаю последнее богослужение в сем святом храме, и один Бог ведает, придется ли когда-нибудь мне быть здесь и видеть вас. Покорясь воле Божией, изреченной через высшее начальство, иду ныне от вас в страну далекую, к людям мне неведомым, и вас покидаю, может быть, навсегда.

Итак, прости ты, святой храм мой кафедральный, прости и ты, драгоценное сокровище храма, кивот Нового Завета, чудотворная икона Богоматери; здесь приносил я молитвы Всевышнему о пастве моей и о своем недостоинстве, здесь утешался молениями и песнопениями, здесь пред иконою Богоматери изливал свои радости и скорби, здесь находил подкрепление и обличение. О Пречистая Владычица Богомати! Пробави милость Твою ведущим Тя, но и не ведущим и не

---

21 февраля 1898 года Высокопреосвященный Флавиан был назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, Экзархом Грузии.

ищущим Тя явлена буди. Расеянныя собери, заблудшия на путь правый настави. Буди града и страны сея всемощною Заступницею и скорою Ходатаицею. Даруй всем вся по коегождо потребе.

Прости и ты, гора святая, и град Холм, наверху горы стоящий, прости ты, многострадальная и многопечальная Холмская Русь. К вам я привязался и с вами сроднился за шесть лет пребывания здесь. Потщуся и по исходе своем отсюда память о вас творити, наипаче же молити о том, да высится все больше и больше гора сия и храм на ней стоящий, да устремляются люди, и да текут языцы к сему свещнику, да приидет сюда Царство Христово, царство правды, мира и любви, да раскуются здесь мечи на орала и копья на серпы.

Простите вы, духовные отцы, пастыри, сомолитвенники и соработники мои. В вас я находил в своем делании помощь и совет, вы радовали меня и утешали своим усердием к делу и покорностью высшему водительству. И в предняя не ослабевайте в ревности и бдении о душах и в преданности святительскому сану, образы бывайте стаду словом, житием, любовию, верою, чистотою, духом.

Прости и ты, первая моя паства возлюбленная. Ты встретила меня с любовью, с вниманием слушала мои наставления, с усердием посещала мои служения, не без сожаления расстаешься со мною. Да воздаст тебе Господь за сие блага и вечныя, и временныя, небесныя и земныя, да утвердит тя в единомыслии и Православии и да дарует тебе изобилие плодов земных, благорастворение воздухов.

Простите мя, отцы и братья, простите, аще кого из вас укорих, оклеветах, досадих или опечалих, простите, аще на кого прогневахся, лукавое помыслих, неподобная глаголах, аще пред кем величахся, разгордехся, аще над кем смеяхся, простите, аще нерадих о молитве за вас, о научении вас или ино что содеях лукавое не помню; та бо вся и больша сих содеях. Оставити ми и отпустите моя прегрешения, простите мя, да с миром отъиду от вас. Наипаче же молю вас, вознесите моления о мне ко Господу, да направит Он стези мои на путь правды и да сохранит мя цела, честна, право правяща слово истины. *Аминь!*"

Грустный и величественный, в сопровождении двадцати двух иереев Владыка вышел на середину храма на молебен. А вечером того же дня отбыл на вокзал, где собрался весь Холм. Многие не могли примириться с этой разлукой и настаивали на необходимости силою удержать епископа Тихона, для чего вошли в готовый к отъезду поезд, удалили поездную прислугу и легли на полотно железной дороги, чтобы не дать возможности поезду отойти. Лишь просьбы начальствующих лиц и сердечное обращение Владыки отпустить его с миром на указанное ему Богом новое поле делания успокоили народ. Раздался третий звонок. Все торопливо сняли шапки. Поезд медленно тронулся.

Преосвященный Тихон с площадки вагона все благословлял и благословлял удаляющийся Холм.

Литература

1. Громадский Александр. Краткий исторический очерк Холмской Руси. М., 1917.
2. Холмско-Варшавский епархиальный вестник, 1892–1898.
3. Странник, 1893, т. 3; 1895, т. 1; 1897, т. 2.
4. Церковные ведомости, 1892, № 27, 30.
5. Прибавления к церковным ведомостям, 1897, № 43.
6. Мануил, митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 год. Куйбышев, 1966. Машинопись.
7. Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты 20–30-х годов XX века. Т.1, 1960. Машинопись.

8. Евлогий, митрополит. Пути моей жизни. Париж, 1954.
9. Афанасий, епископ (Сахаров). Жизнеописание Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Машинопись.
10. Святейший Патриарх Тихон. Нью-Йорк, 1922.

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Архимандрит ТИХОН (Беллавин)

Вегетарианство и его отличие от христианского поста

Христианский пост многократно и многообразно подвергался нападениям и нареканиям со стороны "плотских" людей. Нападения эти становятся тем ожесточеннее, чем более в известное время люди ходят по плоти и заботятся об угождении ей. В такие времена господства плоти и измельчания духа голоса в защиту поста раздаются редко и робко. Тем приятнее слышать голос в пользу поста, раздавшийся в наши дни из мира светского, который далеко не часто поет в унисон с миром духовным, церковным. Разумеем вегетарианское движение, возникновению которого оставалось бы только радоваться, если бы сами вегетарианцы не допускали в своем учении немалых промахов и погрешностей.

Под именем вегетарианства разумеется такое направление в воззрениях современного общества, которым допускается употребление в пищу только растительных продуктов, а не мяса и рыбы[1] (отсюда произошло и название вегетарианства от латинского слова vegetare – произрастать). В защиту своего учения вегетарианцы приводят данные 1) из *анатомии:* человек принадлежит к разряду существ плотоядных, а не всеядных и плотоядных; 2) из *органической химии:* растительная пища содержит все необходимое для питания и может поддерживать силы и здоровье человека в той же степени, как и пища смешанная, то есть животно-растительная; 3) из *физиологии:* растительная пища лучше усвояется, чем мясная; 4) из *медицины:* мясное питание возбуждает организм и сокращает жизнь, а вегетарианское, напротив, сохраняет и удлиняет ее; 5) из *экономии:* растительная пища дешевле мясной; 6) приводятся, наконец, и *нравственные* соображения: убивание животных противно нравственному чувству человека, тогда как вегетарианство вносит мир и в собственную жизнь человека, и в его отношения к миру животных. Некоторые из этих соображений высказывались еще в глубокой древности, в мире языческом (Пифагором, Платоном, Сакиа-Муни); в мире христианском они чаще повторялись, но все же высказывавшие их были единичными личностями и не составляли общества; только в половине нынешнего столетия в Англии, а затем и в других странах возникли целые общества вегетарианцев. С тех пор движение вегетарианское все более и более возрастает; все больше и чаще встречается последователей его, которые ревностно распространяют свои взгляды и стараются осуществить их на деле; так в Западной Европе есть немало вегетарианских ресторанов (в одном Лондоне их до тридцати), в которых кушанья готовятся исключительно из растительной пищи; издаются книги вегетарианского поваренного искусства, в которых содержатся описания кушаний и наставлений

Перепечатка из журнала "Странник" (СПб.: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 1895, т.1, с. 487–499).

для приготовления более восьмисот блюд. У нас в России также есть последователи вегетарианства, к числу которых принадлежит и известный писатель граф Лев Толстой.

Вегетарианству обещают[2] широкое будущее, так как, говорят, человечество волей-неволей в конце концов придет к способу питания вегетарианцев. Уже и теперь в некоторых странах Европы замечается явление уменьшения скота, а в Азии это явление почти уже совершилось, особенно в наиболее населенных странах – в Китае и Японии, так что в будущем, хотя и не близком, совсем не будет скота, а следовательно, и мясной пищи. Если это так, то вегетарианство имеет ту заслугу, что его последователи разрабатывают способы питания и образа жизни, к которому рано или поздно люди должны будут примкнуть. Но, кроме этой проблематичной заслуги, вегетарианству принадлежит та несомненная заслуга, что оно предъявляет по адресу нашего сластолюбивого и изнеженного века настойчивый призыв к воздержанию.

"Присмотритесь, – говорит Толстой, – к нашей жизни, к тому, чем движимо большинство людей нашего мира; спросите себя, какой главный интерес этого большинства? И как ни странно это может показаться нам, привыкшим скрывать наши настоящие интересы и выставлять фальшивые, искусственные, главный интерес жизни большинства людей нашего времени – это удовлетворение вкуса, удовольствие еды. Начиная с беднейших до богатейших сословий общества, обжорство, я думаю, есть главная цель, есть главное удовольствие нашей жизни. Бедный, рабочий народ составляет исключение только в той мере, в которой нужда мешает ему предаваться этой страсти. Как только у него есть время и средства к тому, он, подражая высшим классам, приобретает самое вкусное и сладкое... А посмотрите на жизнь людей образованных, послушайте их разговоры. Какие все возвышенные предметы как будто занимают их: и философия, и наука, и искусство, и поэзия, и распределение богатств, и благосостояние народа, и воспитание юношества; но все это для огромного большинства – ложь, все это их занимает между делом, между настоящим делом – завтраком и обедом, пока желудок полон, и нельзя есть еще. Интерес один живой, настоящий интерес большинства – это еда. Как поесть, что поесть, когда, где? Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно открытие чего бы то ни было не обходится без еды. Люди притворяются, что обед, еда им не нужны, даже в тягость; но это ложь. Попробуйте вместо ожидаемых ими утонченных блюд дать им, не говорю – хлеба с водою, но каши и лапши, и посмотрите, какую бурю это вызовет, и как окажется, то, что действительно есть, именно то, что в собрании этих людей главный интерес не тот, который они выставляют, а интерес еды"[3].

Конечно, в приведенной характеристике современного общества есть некоторое преувеличение, но есть и значительная доля правды. Посему и настойчивый призыв со стороны вегетарианцев к воздержанию, к сокращению прихотей является как нельзя более кстати; и если бы они ограничились этим призывом, то оставалось бы только радоваться успеху и росту вегетарианского движения. Но нередко успех кружит голову и надмевает человека. То же случилось и с последователями вегетарианства: они приписывают ему то, чего оно не имеет и не может иметь.

Вегетарианцы думают, что если бы люди не употребляли мясной пищи, то на земле давно уже водворилось бы полное благоденствие. Еще Платон, который показал нам пример того, как можно умно рассуждать об идеях и тому подобных высоких материях и в то же время далеко не умно решать вопросы из области государственной и общественной жизни, еще Платон в своем диалоге "О республике" корень несправедливости, источник войн и других зол находил в том, что люди не хотят довольствоваться простым образом жизни и суровой растительной пищей, а едят мясо[4]. А у другого сторонника вегетарианства, уже из христиан,

анабаптиста Трайона (ум. в 1703), находятся на этот счет слова, которые автор "Этики пищи" приводит в своей книге с особым *удовольствием*. "Если бы люди, – говорит Трайон, – прекратили раздоры, отказались от угнетения и от того, что способствует и располагает их к тому – от умерщвления животных и употребления в пищу их крови и мяса, – тогда в короткое время ослабели бы, а может быть, и совсем перестали бы существовать между ними взаимные смертоубийства, дьявольские распри и жестокости... Тогда прекратится всякая вражда, не будет слышно жалостных стонов ни людей, ни скотов. Тогда не будет ни потоков крови убитых животных, ни зловонья мясных рынков, ни окровавленных мясников, ни грома пушек, ни сожжения городов. Исчезнут смрадные тюрьмы, рушатся железные затворы, за которыми томятся люди вдали от жен, детей, свежего вольного воздуха; смолкнут вопли просящих пищи или одежды. Не будет ни возмущений, ни хитроумных изобретений для разрушения в один день того, что созидалось тяжким трудом тысяч людей, ни страшных ругательств, ни грубых речей. Не будет ни напрасного истязания животных непосильной работой, ни растления девиц. Не будет отдачи в аренду земель и ферм по таким ценам, которые принуждают съемщика изнурять и себя, и слуг, и скот почти до смерти и все-таки оставаться в неоплатном долгу. Не будет угнетения низших высшими, не будет нужды за отсутствием излишеств и обжорства; смолкнут стоны раненых; не нужно будет медиков для вырезывания пуль из их тел, для отнятия раздробленных или поломанных рук и ног. Затихнут крики и стоны страждущих от подагры или других тяжких болезней (вроде проказы или чахотки), кроме недугов старости. И дети перестанут быть жертвами бесчисленных страданий и будут такими же здоровыми, как ягнята, телята или детеныши всяких иных животных, не знающих недугов"[5].

Вот какую обольстительную картину рисуют вегетарианцы, и как легко всего этого достигнуть: стоит не есть мяса – и на земле водворится настоящий рай, жизнь безмятежная и беспечальная.

Позволительно, однако, более чем усомниться в осуществимости всех радужных мечтаний вегетарианцев. Хотя они и заявляют, что "их система поражает самый корень зла и обещает выгоды не утопические"[6], однако от того, что люди перестанут есть мясо, едва ли водворится на земле рай, Царство Божие, ибо Царство Божие, по премудрому слову Апостола Павла, *не пища и питие, но праведность, мир и радость в Святом Духе* (Рим. 14,17). Христианское учение всегда было чуждо духа мечтательности. Оно тем и отличается от разных утопических теорий, что ясно различает идеал и действительность и, указывая человеческим стремлениям конечную цель в идеале, в то же время никогда не теряет из виду и действительности. А в этой-то действительности и невозможно полное осуществление идеального счастья. Нужды, горе и ссоры всегда будут отравлять земную жизнь человека, всегда будут спутниками в нашем настоящем состоянии, так как причина этих несчастных явлений не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая, внутренняя, заключающаяся в греховном состоянии самой природы человека, в повреждении ее грехом. Пока такое состояние человеческой природы будет продолжаться, пока не изменятся в корне ненормальные условия нашей жизни, пока не восстановятся у нас правильные отношения к Богу, к собственному назначению и к внешнему миру, то есть пока настоящая жизнь не сменится новой, Вечной жизнью, пока не откроется для человечества *новое небо и новая земля, в которых правда живет* (2 Пет. 3,13) – до тех пор всегда будут нужды, бедность, горе и болезнь. А так как корень всех этих бедствий лежит гораздо глубже, чем думают вегетарианцы и подобные им мечтатели, то и средство, на которое они указывают, одно само по себе не может уврачевать зла: оно слишком для этого мало, поверхностно и незначительно.

То правда, что воздержание вообще и в частности от употребления мясной пищи обуздывает наши страсти и похоти плотские, дает большую легкость наше-

му духу и помогает ему высвободиться из-под владычества плоти и покорить ее своему господству и управлению. Однако было бы ошибочно полагать это телесное воздержание в *основу* нравственности, выводить из него все высокие нравственные качества и думать вместе с вегетарианцами, что "растительная пища сама по себе создает много добродетелей"[7]. Вопреки мечтам вегетарианцев, один из подвижников благочестия (преподобный Иоанн Кассиан), которых, конечно, никак уже нельзя заподозрить в небрежении к посту, при виде трапезы которых, напротив, даже Ангелы небесные радовались, по выражению Святителя Иоанна Златоуста, говорил, что *мы не полагаем надежды на один пост* (телесный). Он не есть сам по себе благо или сам по себе необходим. Он с пользою соблюдается для приобретения чистоты сердца и тела, чтобы, притупив жало плоти, человек приобрел умиротворение духа. Но пост иногда обращается даже в погибель души, если неблаговременно соблюдается. Надобно стараться, чтобы те добродетели, которые составляют истинное добро, были приобретаемы постом, а не для поста должны быть совершаемы действия тех добродетелей. Итак, для того полезно сокрушение плоти, для того к нему должно быть присоединяемо врачество воздержания от пищи, чтобы чрез него мы могли достигнуть любви, в которой заключается неизменное и постоянное добро"[8].

Значит, пост телесный служит только средством и пособием для приобретения добродетелей – чистоты и целомудрия – и должен необходимо соединяться с постом духовным – с воздержанием от страстей и пороков, с удалением от худых помыслов и злых дел. А без этого сам по себе он не достаточен для спасения. Не делаем выписок о сем из творений святых отцов, так как трудно "вместити пишемых": все отцы и подвижники согласно учат, что истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от зла. Взамен всего приведем характерный рассказ о святом Макарии Великом. Ему однажды сам искуситель сказал: "Я не силен против тебя, Макарий. Все, что ты делаешь, и я делаю. Ты постишься, а я совсем не ем. Ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним только ты побеждаешь меня". "Чем же?" – спросил Макарий. "Смирением, – отвечал диавол. – Вот почему я не силен против тебя"[9]. Отсюда видно, что нельзя еще возлагать все надежды на один телесный пост.

Не считая одного телесного поста достаточным для спасения, подвижники благочестия в то же время не признавали и того, чтобы пост этот был *для всех всегда* обязателен (как хотят того вегетарианцы); ибо, говорит святой Нил Сорский, "все организмы невозможно подчинять одному и тому же правилу: тела имеют большое различие в силе, как медь и железо в сравнении с воском"[10]. Проповедуя только постоянную умеренность в пище и питии и сами воздерживаясь от вкушения мяса, они для других не запрещали вкушения по временам мясной пищи. Нужно все употреблять во славу Божию, говорили они, ни от чего совершенно не удаляясь, как делают еретики, безрассудно отвергающие то, что Бог сотворил весьма хорошим. От всех находящихся снедей, хотя бы и сладких, нужно брать понемногу. Таково рассуждение мудрых, а не то, чтобы некоторые роды пищи выбирать, а другие оставлять; дабы и Бога благодарить и сохранить ненадменность души: так мы избегнем возношения и не будем гнушаться тем, что Бог сотворил хорошим[11]. Тех же людей, которые останавливаются на веществе снедей и пития, оставляя в стороне "разумение", – таковых отцы называют "нерассудительными". Эти нерассудительные люди ревнуют посту и трудам святых с неправильным разумением и намерением и думают, что они проходят добродетель. Диавол же, стерегущий их как свою добычу, ввергает в них семя радостного мнения о себе, от которого зарождается и воспитывается внутренний фарисей, и предает таковых совершенной гордыни. Ибо ничто столь удобно не побуждает к гордости, как знающая о многих своих заслугах совесть и душа, живущая в уповании на оные[12]. К таким людям обращается с предостережением и пресвитер Исидор. "Если подви-

заетесь, – говорит он, – то не гордитесь; если же тщеславитесь сим, то лучше есть мясо, ибо не так вредно есть мясо, как гордиться и надмеваться". А отцы Гангрского Собора даже возглашают анафему тому, "если кто осуждает человека, который с благоговением и верою вкушает мясо (кроме крови и идоложертвенного)".

Таков поистине мудрый взгляд Святой Церкви на вкушение мяса. В своих постановлениях она всегда имеет в виду не какого-то отвлеченного, бесстрастного и бесплотного человека, какового нередко имеют в виду разные мечтатели, вроде вегетарианцев, а человека живого, плоть носящего, человека со всеми его нуждами, потребностями, немощами; и к ним Церковь, следуя примеру Своего Божественного Основателя, относится с величайшей снисходительностью и милосердием. Бывали примеры, что великие подвижники и святые мужи – эти лучшие выразители церковных воззрений, – "сразсуждая немощному естеству человеческому", не только не укоряли тех, которые ели в пост "неподобающие снеди", но даже и сами "мало" вкушали от сих снедей.

Так, о Святителе Тихоне рассказывают, что, когда он жил на покое в Задонском монастыре, то однажды в пятницу, на шестой неделе Великого поста, посетил монастырского схимника Митрофана. У сего последнего в это время был гость, некто Косма Студеникин, елецкий гражданин, которого за его благочестивую жизнь любил и Святитель. Случилось, что в этот день знакомый рыбак принес отцу Митрофану для Вербного воскресенья живого верезуба. Так как гость не рассчитывал пробыть до воскресенья в обители, то схимник и распорядился сразу же приготовить из верезуба уху и холодное. За этими яствами и застал Святитель Митрофана и его гостя. Схимник, испугавшись такого неожиданного посещения и считая себя виновным в нарушении поста, пал к ногам Святителя Тихона и умолял его о прощении. Но Святитель, зная строгую жизнь обоих друзей, сказал им: "Садитесь, я знаю вас; любовь – выше поста". При этом сел сам за стол, съел ложки две ухи и угощал Космы. Такое снисхождение и доброта Святителя поразили друзей: им известно было, что Святитель Тихон во весь Великий пост по понедельникам, средам и пяткам не употреблял даже масла, а тем более рыбы[13].

А о другом подвижнике благочестия, еще при жизни прославившемся даром чудотворения, святом Спиридоне Тримифунтском, рассказывается, что некто зашел к нему с пути уже по наступлению Великого поста, когда святитель с домашними держал по обыкновению строжайший пост и вкушал пищу только в известные дни, оставаясь в прочие совсем без пищи. Видя, что странник очень устал, Спиридон велел дочери своей предложить путнику покушать. Та отвечала, что нет ни хлеба, ни муки, ибо запас этого по причине поста был бы излишен. Тогда святитель помолился, попросил прощения и приказал дочери изжарить случившегося в доме соленого свиного мяса. После изготовления его Спиридон, посадив с собою странника, начал есть мясо и убеждал и своего гостя делать то же; а когда последний отказывался, называя себя христианином, святитель сказал: "Тем менее надобно отказываться, ибо Слово Божие изрекло: *для чистых все чисто*" (Тит. 1, 15)[14].

Не знаем, известны ли эти случаи вегетарианцам и как они к ним относятся; но думается, что с вегетарианской точки зрения указанные святые мужи представляются "немощными". Однако святой апостол Павел в Послании к римлянам (гл. 14, ст. 2), где тоже в свое время были споры о том, есть ли мясо или только овощи, называет немощным того, кто считает позволительным для христианина есть только овощи – и кто на вкушение мяса смотрит как на что-то безнравственное и преступное (так и смотрят наши вегетарианцы).

И действительно, такой человек есть немощный христианин, готовый, по словам Апостола, возвратиться к немощным и бедным вещественным началам и снова поработить себя им (см.: Гал. 4, 9). Такой человек думает, что пища *сама по себе* может приблизить нас к Богу (см.: 1Кор. 8,8), как будто Царство Божие есть

пища и питие, а не праведность, мир и радость во Святом Духе (см.: Рим. 14,17); он забывает, что все чисто (см.: Рим. 14,20), и всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением (см.: 1 Тим. 4,4). Не предосудительно посему и вкушение мяса в те дни, когда оно разрешается Святой Церковью.

Вначале роду человеческому были назначены Богом в пищу семена и плоды (см.: Быт. 1,23). Но когда человек грехом повредил всю свою природу и навлек проклятие и на землю, то растительная пища оказалась недостаточною для рода человеческого, и из Библии мы знаем, что после потопа Сам Бог наряду с зеленью травною дает в пищу людям и животных, и птиц, и рыб (см.: Быт. 9,3). Стало быть, употребление мясной пищи разрешено самим Богом[15], и, как такое, оно не заключает в себе ничего противозаконного и безнравственного.

Но, убивая животных в пищу, человек этим самым, по словам вегетарианцев, нарушает принципы справедливости и сострадания к животным. Он лишает их жизни, которую дал им не он, и причиняет им столь ужасные страдания, что даже привычным людям иногда становится жутко при виде мучений, испытываемых животными. В сочинениях вегетарианцев ("Научные основания вегетарианства", "Этика пищи") целые страницы посвящены картинному описанию тех жестоких мучений, которым подвергает животных человек, этот "сластолюбивый обжора", "ненасытный чревоугодник", "злой палач". Сострадание, конечно, чувство в высшей степени почтенное, но только в таком случае, если оно носит трезвый и здравый характер, а не ложный и сентиментальный. Встречаются иногда особы, которые падают в обморок при визге собаки, но которые остаются безучастны к слезам и горю человека. Кто же такое чувство сострадания признает здравым и истинным? Или кто одобрит индийцев, устроявших госпитали для кур, голубей и в то же время допускавших, чтобы парии тысячами умирали от жажды во время засухи и не позволявших им пользоваться водою из колодцев людей знатных. В таких случаях сострадание и любовь к животным развиваются за счет людей и в прямой ущерб этим последним.

Этот недостаток индусов, религией которых так восхищаются вегетарианцы главным образом за ее "возвышенные принципы милосердия к животным", присущ и вегетарианству. Защищая права животных, вегетарианцы, как говорится, "хватили через край". Очень многие из них[16] признают, что "животные совершенно *однородны* с человеком и в физическом, и в нравственном отношении", как и человек "наделены разумом и нравственным чувством", иногда даже "в большей степени", "имеют те же понятия, чувства и способности"[17]; "животные одного с человеком класса", "имеют одинаковое с ним право на жизнь", "они наши братья", и посему убиение их есть "братоубийство".

Но, рассуждая так, вегетарианцы этим самым заявляют себя сторонниками материализма, который тоже не видит существенной разницы между человеком и животными. А материализм давно уже потерял всякий кредит в глазах ученого мира: нет ни одного серьезного и беспристрастного ученого, который бы стал утверждать, что внутренний мир человека и животных один и тот же[18].

Эти материалистические тенденции очень вредят чистоте вегетарианского учения, и нельзя не пожалеть, что вегетарианцы вместо того, чтобы вести дело проповеди своих идей в союзе со Святой Церковью и в духе учения Христова, предпочитают почерпать подкрепление своим воззрениям из мутных кладезей ложных учений.

Примечания

[1] Лишь некоторые вегетарианцы допускают употребление в пищу молока и яиц. (Здесь и далее примеч. автора.)

[2] Например, см.: проф. А. Н. Б е к е т о в. Питание человека в настоящем и будущем. СПб., 1879.

[3] У и л ь я м с Х. Этика пищи, или Нравственные основы безубойного питания для человека: Собрание жизнеописаний и выдержек из сочинений выдающихся мыслителей всех времен. М.: Посредник, 1893, с. 21-23.

[4] Там же, с. 27.

[5] Там же, с. 138,140.

[6] Там же, с. 280.

[7] Там же, с. 215.

[8] Монашеская жизнь по изречениям по ней святых отцов-подвижников. 4-е изд. Вильна, 1888, вып. 1, с. 77–78.

[9] Там же, с. 101.

[10] Там же, с. 68.

[11] Там же, с. 69,81.

[12] Там же, с. 98.

[13] Жизнь святителя Тихона Задонского. М., 1863, с. 165-167.

[14] С о з о м е н. Церковная история, кн. 1, гл. 11.

[15] На это Уильямс, автор "Этики пищи...", возражает, что если защищать мясоедение на основании Библии, то придется, чтобы быть последовательным, защищать и рабство, и многоженство, и самые варварские войны (с. 208, примеч.). Но для всякого непредубежденного человека ясно видно, что есть существенная разница между вкушением мясной пищи и хотя бы, например, многоженством; и из Библии видно, что первое Бог разрешает и благословляет, а второе *только на время попускает*.

[16] Например, Освальд, Бентам, Никольсон, Глейзе, Мишле, Гольтц и, наконец, сам автор "Этики пищи...".

[17] "Неужели души всех животных, кроме человеческой, смертны или созданы совершенно иначе?" – вопрошает вегетарианец (У и л ь я м с Х. Этика пищи..., с. 346).

[18] Если и были "философы", которые утверждали противное, то еще святой Василий Великий говорил своим современникам: "Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою и говорить о себе, что они были некогда и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя и не скажу, бывали ли они когда-нибудь рыбами, однако же со всем усилием готов утверждать, что когда писали сие, то были бессмысленнее рыб".

Перед исповедью

Покаяние – это великий дар Бога человеку, оно возвращает нам потерянную после крещения благодать.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) так говорит о покаянии: "Ничто так не умерщвляет страсти, как исповедь. Они отступают от того человека, который без пощады их исповедует".

Многие люди отвыкли от настоящей исповеди, не чувствуют глубины своей греховности, не замечают множества своих грехов. Хорошо бы им обратить внимание на то, какие пороки видят в них близкие люди, в чем упрекают их. Почти всегда это будет верное указание на наши действительные недостатки.

Неплохо перед исповедью записать то, в чем мы намереваемся каяться. Замечено, что враг нашего спасения часто похищает у кающегося память о грехах, с тем чтобы воспрепятствовать его очищению. Бывает, что человек забывает о своих грехах на исповеди от невнимательной жизни, черствости, душевного окаменения. Грех, тяготящий совесть, никогда не забудется. Нередко бывает, что человек ходит в церковь много лет, часто исповедуется, а в таких смертных грехах, как гордость, блуд, убийство детей во чреве, не раскаялся. Как же он причащался тогда? Апостол Павел строго предупреждает: *Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей* (1 Кор. 11, 27–28).

Нужно учиться каяться. Святые отцы советуют постепенно приучаться контролировать себя: свои поступки, слова, мысли. Преподобный Дорофей советует: "Утром испытывай себя, как провел ночь, и вечером также, как провел день. А среди дня, когда отяготишься помыслами, рассмотри себя". Преподобный Симеон Новый Богослов призывает: "Совершай каждый день суд над собой, как день провел. Не осудил ли кого? Не досадил ли кому словом? Не соблазнил ли кого? Не смотрел ли страстно на чье-либо лицо?" И, если мы так внимательно будем проверять себя каждый день, тогда на исповеди не будем отделываться общими словами: согрешил, мол, делом, словом, помышлением, а будем, как и положено, называть каждый свой грех. Нужно помнить, что Господь ждет от нас такого покаяния, когда мы не других обвиняем в своих согрешениях, а самих себя.

Во время исповеди враг нашего спасения часто наводит ложный стыд на кающегося. Но нам нужно стыдиться не каяться, а грешить. Нужно помнить, что в день Страшного суда все свои нераскаянные грехи мы увидим, как в зеркале, все они будут открыты на позор перед всем миром. И, если кто сознательно утаит на исповеди хоть один грех, пусть знает, что его исповедь недействительна.

Очень много ошибок и опрометчивых поступков бывает у нас оттого, что мы живем по своей воле, а она у нас часто бывает направлена не к добру, а ко злу. И вот, если в делах житейских мы часто обращаемся за советом к более опытным, чем мы, людям, то тем более в духовной жизни, где встречается множество преткновений и опасностей, нам необходим опытный советчик, духовный руководитель. Нужно знать, что, по правилам Православной Церкви, каждый христианин должен иметь духовного отца.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: "Как корабль, имеющий хорошего кормчего, при помощи Божией безбедно входит в пристань, так и душа, имея доброго пастыря, удобно восходит на небо, хотя и много грехов некогда соделала". И священник на исповеди всегда знает, когда подходит к нему человек, не имеющий духовного наставника, живущий по своей воле, самочинно.

Еще хотелось бы обратить ваше внимание на то, что исповедаться нужно по возможности чаще. Тело свое мы несколько раз в день омываем водой от грязи физической, а

ведь душа наша несравненно выше тела, она нуждается в регулярном очищении от грязи греховной.

Итак, приступим к спасительному Таинству Покаяния, помня, что каемся мы Богу, а не священнику, который является лишь только свидетелем нашего покаяния. Чистосердечно, искренне раскаемся во всех своих грехах, с тем чтобы нам сподобиться неосужденно причаститься Святых Христовых Таин во оставление грехов и в жизнь Вечную. *Аминь.*

Игумен КИРИЛЛ, председатель Союза православных братств

Отче, прими нас, кающихся

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа!

Святая Церковь, постепенно приготовляя нас к подвигу Великого поста, призывая к очищению от грехов через покаяние, как чадолюбивая мать в сегодняшней евангельской притче о блудном сыне, представляет нам наглядный пример того, до какого бедственного состояния может дойти человек, лишивший себя попечения Отца Небесного, удалившись от Него на путь порочной и беспечной жизни. Церковь вместе с тем указывает путь исхода из той бездны погибели, в которую низвергает грех.

Придя в себя, повествует нам евангельская притча, блудный сын понял, до какой степени он пал, оскорбив отца самовольным уходом, по легкомыслию и упорству своему принудив его при этом выдать часть имения.

Он понял, как далеко отошел от отца своего, каких лишился благ, расточив все свое имение в беспутной жизни с блудницами и друзьями, жаждавшими легкой наживы, забав и наслаждений.

Некогда окруженный ласкою и любовью родителей своих, заботами и покоем родительского дома, ни в чем нужды не имевший, ныне он оказался в бедственном, жалком состоянии: он нищий, голодный, терпящий унижения и оскорбления от окружающих его, ныне оставлен, покинутый друзьями, брошенный всеми теми, кто погряз в грехе, рабствуя плоти своей, и его увлекли в сети обольстительных похотей (ср.: Еф. 4, 22), в пропасть и бездну безысходного нравственного падения.

И вот в глубоком сознании своей греховности, своей безграничной виновности пред отцом своим блудный сын твердо решает бросить порочную, а ныне уже и скорбную жизнь, перестать быть пастухом бессловесных скотов и возвратиться к отцу своему, дабы под кровом родительского дома опять найти потерянный покой и довольство. В этой решимости он ободряет себя мыслью: *сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода* (Лк. 15, 17), и, мысленно обращаясь к отцу своему, в глубоком раскаянии он восклицает: *Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих* (ст. 18–19).

С таким покаянным чувством, а не с мыслями о возможном отказе, с глубокой верой в милосердие отца своего решает он идти к нему из дальней и чужой страны. Крепкая вера не посрамляет его: он обласкан, а не отвергнут, он получает полное прощение от сжалившегося над ним отца своего и, облеченный в лучшие одежды, снова становится дорогим и любимым сыном, некогда пропавшим и умершим, а ныне снова нашедшимся и ожившим.

А мы, братия, разве не оставляем дом Отца Небесного и не забываем Его, не исполняя Его закона и во зло употребляя Его дары?

А мы, братия, разве не блудные сыны Отца нашего Небесного, расточители Божиих даров, себялюбцы, попиратели обетования о вечном блаженстве, маловеры? Разве все мы не нуждаемся в покаянии, разве мы не должны подражать покаянному порыву евангельского блудного сына и, придя в себя, с сокрушенным сердцем последовать по пути исправления и обращения к Ходатаю и Спасителю нашему Господу Иисусу Христу?

Не этот ли блудный сын был богат, не он ли нищим стал? Не он ли был некогда гордым, как и мы, но должен был смириться,

пройдя чрез житейские невзгоды? Не его ли некогда почитали все за его богатство, но эти же все и отвернулись от него, как скоро он дошел до того, что стал нищим, оборванным, голодным? Не он ли стремился, как и мы, к земным и телесным наслаждениям в упоении своей беспечной и праздной жизнью, но, разорившись, устыдившись всего содеянного, не он ли пошел к отцу просить прощения, просить честной и трудовой жизни хотя бы в звании простого наемника отца своего?

Неужели нас, братия, ничему не научит пример евангельского блудного сына, неужели мы пожелаем идти по широкому и скользкому, порочному и гибельному пути и, погрязая во грехах, удалимся от Отца нашего Небесного?

Братия, ныне же, *придя в себя*, обратимся к Нему с покаянным воздыханием: *Отче!* Мы согрешили *против неба и пред Тобою* и уже недостойны детьми Твоими называться. Мы стали недостойными неба и земли, огорчили и разгневали Тебя, Владыко. Нет в нас ничего доброго, мы нечисты сердцем, и все существо наше пропитано греховным ядом, но Ты, Отче, пощади нас и прими нас хотя бы в число наемников Твоих! Со смирением повергнемся пред Ним в сознании крайней нашей греховности и возопим: "Прими наше покаяние, не хотящий смерти грешника не отринь, наших воздыханий о помиловании и крайнюю нищету души нашей восполни нам, как блудному сыну, Твоим милосердием".

И, придя в себя и памятуя о безграничном к нам милосердии Отца Небесного, с плачем возопием к Нему: Отче! Согрешили мы против неба и пред Тобою, но, как и блудного сына, не отвергай нас в гневе Твоем, даруй нам время на покаяние, укрепи волю нашу, сокруши окаменение сердец наших, исторгни слезы из глубины душ наших и помилуй нас по Твоему неизреченному благоутробию!

И, вспоминая неисчислимые благодеяния Господа к блудному сыну, к оправданному мытарю, к помилованной хананеянке, к разбойнику, на кресте рай получившему, паки и паки будем взывать к Нему: Отче! Согрешили мы *против Неба и пред Тобою*, но Ты, поражающий и исцеляющий, умертвляющий и оживляющий, оживотвори и нас Твоею милостию, даруй и нам блаженство тех, коим уже прощены грехи и чьи прегрешения покрыты Твоим милосердием и любовью!

Всеблагий Отец наш Небесный ждет нас. Он уже вышел на распутье нашей жизни и призывает нас к покаянию и Вечной жизни. Основав на земле духовную лечебницу – Церковь (Мф. 16, 18–19; 18, 17), снабдив ее средствами для нашего очищения и спасения (Иак. 5, 14–16; Ин. 6, 53–56), широко открывает Он вход в сию лечебницу и благодатною силою приемлет человеков, обращающихся к Нему с молитвой и покаянием.

Почему же мы медлим, употребляя во зло долготерпение Божие, пренебрегая Божественной любовью, почему мы не идем, почему не решаемся последовать примеру оправданного Отцом евангельского блудного сына и откладываем день за днем начало нашего спасения? Неужели только страх и стыд удерживают нас от сего нужного нам шага: стыд за содеянные нами согрешения, страх за возможное и заслуженное наказание?

Милосердный Отец ожидает нашего обращения и покаянного прихода, отверсты для нас объятия любви и милосердия Его. Он ждет, что мы, изгнав из сердца нашего гордыню, облеченные в одежды смирения и покаяния, с твердой решимостью больше не предаваться греху исповедуем Ему все глубины нашего падения, обнажим изболевшую сомнениями и погрязшую в бездне грехов свою душу и припадем к Нему с упованием на Его милость, на Его отеческую любовь к грешному роду человеческому. *Аминь.*

Митрополит МАНУИЛ (Лемешевский;
† 1968)

Великий пост: путь к Пасхе

В первые века христианства главной задачей поста было приготовление оглашенных, то есть новообращенных христиан, к Крещению, которое совершалось во время пасхальной литургии. Но, даже когда Церковь редко крестит взрослых и самое учреждение оглашенных больше не существует, главное значение поста остается тем же. Потому что, хотя мы и крещены, мы постоянно теряем и изменяем именно тому, что мы получили при Крещении. Вот почему Пасха есть ежегодное возвращение к нашему собственному Крещению, тогда как пост готовит нас к этому возвращению, он есть постепенное и постоянное усилие, ведущее нас к Пасхе, к конечному переходу в новую жизнь во Христе.

Желание (Неделя о Закхее)

Задолго до начала самого поста Церковь возвещает нам о нем и зовет нас вступить в приготовительный период. К каждому из важных событий церковного годового круга, к главным праздникам, посту Церковь готовит нас предпразднествами, или приготовительными неделями к посту, — это характерная черта православной литургической традиции. Почему? Потому что у Церкви глубокое духовное прозрение человеческой природы. Церковь знает недостаточную сосредоточенность и ужасное обмирщение нашей жизни, нашу неспособность быстро изменяться, перейти от одного переживания к другому. Поэтому задолго до начала настоящего подвига поста Церковь обращает наше внимание на его важность и призывает к размышлению о его значении. До начала действительного подвига поста нам объясняется его значение. Это приготовление продолжается в течение пяти недель, предшествующих посту, каждое из воскресных евангельских чтений посвящено одному из основных моментов покаяния.

Первое возвещение о посте мы слышим в воскресном чтении Евангелия о Закхее (Лк. 19, 1—10). Это история человека, который был слишком мал ростом, чтобы видеть Иисуса, но так сильно было его желание Его увидеть, что он влез для этого на дерево. Иисус ответил на его желание и вошел в дом его. Человек следует своему желанию. Можно даже сказать, что человек сам есть желание, и эта основная психологическая правда о человеческой природе отражается в Евангелии. ... *Где сокровище ваше,* — говорит Христос, — *там и сердце ваше будет* (Лк. 12, 34). Сильное желание побеждает природную ограниченность человека. Когда он страстно чего-нибудь желает, он делает вещи, на которые обычно не способен. Будучи *мал ростом*, Закхей сам себя возвышает. Поэтому единственный вопрос заключается в том, правильно ли желание человека, направлено ли оно к хорошей цели или, по словам экзистенциалиста, атеиста Жана Поля Сартра, человек — "бесполезная страсть".

Желание Закхея — правильное, хорошее; он хочет увидеть Христа, приблизиться к Нему. В Закхее мы видим первый символ раскаяния, так как раскаяние начинается с того, что человек сознает глубину желания Бога, Его справедливости, желания настоящей жизни. Закхей — "мал", мелок, грешен и ограничен, но его желание превосходит и побеждает все это. Он *усилием* привлекает внимание Христа, приводит Его в свой дом.

Вот каков первый призыв Церкви: мы должны *желать* того настоящего, что заложено в самой глубине нашей души, жаждать Абсолютного, которое в нас есть, сознаем ли мы это или нет. Если же мы отворачиваемся и отвращаем наше желание от него, мы превращаемся действительно в "бесполезную страсть". И если мы достаточно глубоко, достаточно сильно желаем, Христос нам ответит.

Из бесед отца Александра о посте. Публикуется с незначительной стилистической правкой.

Смирение (Неделя о мытаре и фарисее)

Следующая неделя называется "Неделя о мытаре и фарисее". Накануне этого дня, в субботу на вечерне, впервые открывается Триодь Постная, книга богослужений Великого поста, и к обычным воскресным стихирам и канонам прибавляются стихиры и каноны недели о мытаре и фарисее. Они посвящены главным образом смирению, необходимому для истинного покаяния.

В Евангельской притче (Лк. 18, 10–14) показан человек, всегда довольный собой, думающий, что он исполняет *весь закон*, все требования Церкви. Он самоуверен и гордится собой. Однако на самом деле он извращает и не понимает смысл этих требований. Он видит в них только требования исполнения внешних обрядов и оценивает свое благочестие согласно количеству денег, которые он жертвует на храм. Мытарь, напротив, унижает себя, и его смирение оправдывает его перед Богом. Смирение – это нравственное качество, на которое теперь совершенно не обращают внимания и даже отрицают. Культура, цивилизация, в которой мы живем, возбуждает в нас чувство гордости, самохвальства, самооправдания. Она построена на том понятии, что человек может достичь всего сам и даже изображает Бога как Того, Кто вознаграждает, как бы платит человеку за его достижения и добрые дела. Смирение, как качество личное или общее, этническое или национальное, считается признаком слабости, недостойным настоящего человека. И разве даже в церквах наших нет того же фарисейского духа? Разве нам не хочется, чтобы всякое наше пожертвование, всякое "доброе дело", все, что мы делаем "для Церкви", было принято, оценено, стало известным?

Но что такое смирение? Ответ на этот вопрос может показаться парадоксом, так как он основан на утверждении: Господь Сам смиренен! Однако каждому, кто знает Бога, кто созерцает Его в Его творении и в Его спасительных действиях, ясно, что смирение – действительно божественное свойство, сама суть и сияние той Славы, которой, как мы поем за Божественной литургией, исполнены небо и земля. В нашем человеческом понятии мы склонны противопоставлять славу и смирение, видеть в последнем какой-то изъян или слабость. По человеческому понятию, только наше невежество, отсутствие знаний могут вызывать в нас чувство смирения. Современному человеку, воспитанному на общественной гласности, самоуверенности, бесконечном самохвальстве, почти невозможно объяснить и втолковать, что то, что по-настоящему совершенно, подлинно, прекрасно и хорошо, в то же время естественно смиренно, так как именно благодаря своему совершенству оно не нуждается в гласности, внешней славе, какой-либо пропаганде. Бог смиренен, потому что Он совершенен; Его смирение и есть Его слава и источник всего действительно прекрасного, совершенного, источник добра и совершенства, и каждый, кто приближается к Богу и узнает Его, немедленно приобщается к божественному смирению и его красоте. Именно благодаря Своему смирению Дева Мария, Матерь Божия, сделалась радостью всего мира, величайшим откровением красоты на земле; то же можно сказать о всех святых и о каждом человеке в редкие минуты его соприкосновения с Богом.

Как можно стать смиренным? Для христианина ответ прост: созерцая Христа, воплощенного божественного смирения, Того, в Котором Бог показал раз и навсегда всю славу Свою в смирении и все смирение Свое в славе. Христос сказал в ночь Его наивысшего смирения: *Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем"* (Ин. 13, 31). Смирению учишься, созерцая Христа, Который сказал:...*научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). В конце концов, смирению учишься, соразмеряя и сравнивая каждое свое слово, каждый поступок, всю свою жизнь с Христом, потому что без Него настоящее смирение невозможно. У фарисея же в его фарисейском тщеславии даже вера становится гордостью.

Приготовление к посту начинается прошением, молитвой о получении смирения, так как смирение – это начало настоящего покаяния. Смирение – прежде и больше всего восстановление, возвращение к настоящему порядку вещей, правильных понятий. Корни этого порядка питаются смирением, и смирение, прекрасное божественное смирение, – его плод и завершение. *Фарисейского избежим высокоглаголания* (напыщенного многословия), – говорится в кондаке этого дня, и – *научимся высоте смиренных слов мытаря*...

Мы у дверей покаяния, и в самый торжественный момент воскресной всенощной, после того как возвещено Воскресение и явление Христа – *Воскресение Христово видевше*..., – пер-

вый раз поются тропари, которые будут сопровождать нас в течение всего Великого поста: *Покаяния отверзи ми двери Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен: но, яко щедр, очисти благоутробною Твою милостию. На спасения стези настави мя, Богородице, студными бо окалях душу грехми, и в лености все житие мое иждих: но Твоими молитвами избави мя от всякия нечистоты. Множества содеянных мною лютых помышляю окаянный, трепещу страшного дне судного: но надеяся на милость благоутробия Твоего, яко Давид вопию Ти: помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости.*

Возвращение в отчий дом (Неделя о блудном сыне)

В третье воскресенье, приготовляющее нас к Великому посту, мы слушаем чтение притчи о блудном сыне (Лк. 15, 11–32). В притче и в стихирах этого дня говорится о покаянии человека, возвращающегося из самовольного изгнания. Нам рассказывается о блудном (морально заблудившемся) человеке, который ушел в далекую страну и там истратил все, что он имел. Далекая страна – это определение состояния человека, которое мы должны усвоить, когда приближаемся к Богу. Человек, который никогда этого не испытал, хотя бы только немного, который никогда не почувствовал, что он удален от Бога, от настоящей жизни, никогда не поймет, о чем говорит христианская вера. И тот, кто чувствует себя совершенно "дома" в этом мире, кто никогда не испытал мучительной тоски по другому миру, никогда не поймет, что такое раскаяние.

Обряд покаяния часто превращается в равнодушное, объективное перечисление грехов и прегрешений как признание себя виновным перед судебным обвинительным актом. Исповедь и разрешение грехов рассматриваются как нечто юридическое. Но при этом забывается что-то существенное, без чего ни исповедь, ни разрешение грехов не имеют ни настоящего значения, ни силы. Это "что-то" и есть именно чувство отдаления от Бога, от радости общения с Ним, от настоящей жизни, данной нам Богом. Действительно, нетрудно признаться на исповеди, что не соблюдал постов, пропускал утром или вечером молитвы, сердился. Но совершенно другое – вдруг осознать, что запятнал и потерял свою духовную красоту, что далек от своего настоящего дома, настоящей жизни и что что-то драгоценное, чистое и прекрасное безнадежно сломано в самой жизненной сущности. И, однако, только это сознание, только оно и есть настоящее покаяние и в то же время горячее желание вернуться назад, обрести вновь потерянный дом. Я получил от Бога богатые дары: прежде всего жизнь и возможность наслаждаться ею, наполнить ее значением, любовью, знанием; а потом – в Крещении – новую жизнь во Христе, дар Святого Духа, мир и радость Царства Небесного. Я получил знание Бога и в Нем знание всего прочего, силу и возможность сделаться одним из сыновей Божиих. И все это я потерял и продолжаю все время терять в грехах и прегрешениях, особенно в наибольшем изо всех грехов: в утрате моей любви к Богу, в предпочтении страны далекой прекрасному дому Отца.

Но Церковь напоминает мне о том, что я покинул и потерял. И я в покаянии обращаюсь к Богу: "Я безумно удалился от твоей Отеческой славы – с грешниками растратил данное мне богатство. Но взываю к Тебе голосом блудного сына: согрешил я перед Тобою, Отче щедрый, прими меня кающегося, прими меня как одного из наемников Твоих". И когда я все это осознаю, я нахожу в себе и желание и силу вернуться: "Я вернусь к щедрому Отцу, со слезами взывая: прими меня как одного из наемников Твоих"..

Надо обратить внимание на одну из литургических особенностей этого "Воскресения блудного сына". На утрене, после радостных и торжественных псалмов полиелея, мы поем полный скорби псалом 136.. Это псалом изгнания. Его пели евреи в вавилонском плену, вспоминая свой святой город Иерусалим. Он стал навсегда песнью человека, который осознает себя изгнанным от Бога и, сознавая это, становится вновь человеком, тем, кто никогда не может найти полного удовлетворения в этом падшем мире, потому что по своей природе и призванию он всегда ищет, как паломник, Совершенства.

Этот псалом поется еще два раза, в последние два воскресенья перед Великим постом. Он открывает нам значение поста как паломничества, покаяния – возвращения в дом Отца.

Страшный суд (Неделя мясопустная)

Следующее воскресенье называется мясопустным, так как в течение недели за ним Церковью предписывается частичный пост, воздержание от мяса. Это предписание надо рассматривать, принимая во внимание все, что было сказано выше о значении приготовления к посту. Церковь начинает теперь завершать подготовку к тому подвигу, которого она ожидает от нас через семь дней. Она постепенно вводит нас в начало этого подвига, зная нашу неустойчивость, предвидя нашу духовную слабость.

Накануне этого дня, в субботу мясопустную, Церковь совершает всеобщее поминовение усопших в надежде воскресения и жизни Вечной. Это действительно особенно важный день молитвы Церкви за ушедших ее членов. Для того чтобы понять связь между постом и молитвой об умерших, надо прежде всего вспомнить, что христианство есть религия любви. Христос передал своим Апостолам учение не о личном, индивидуальном спасении, но дал им новую заповедь: любить друг друга. И прибавил: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Таким образом, любовь есть основание, сама жизнь Церкви, которая, по словам святителя Игнатия Антиохийского, есть "союз веры и любви", тогда как грех есть всегда отсутствие любви, разделение, разобщение, война всех против всех. Новая жизнь, данная Христом и переданная нам Церковью, прежде всего есть жизнь примирения, "собрание воедино рассеянных", восстановление любви, разрушенной грехом. Но разве можем мы хотя бы положить начало возвращению к Богу, примирению с Ним, если сами не вернемся к единственной новой заповеди любви? В молитве за умерших Церковь главным образом выражает свою любовь. Мы просим Бога помнить тех, кого мы поминаем (воспоминаем), а мы помним их, потому что мы их любим. Молясь за них, мы встречаемся с ними во Христе, Который — сама Любовь и Который победил смерть, эту наивысшую степень разобщения и разлуки. Во Христе нет разницы между живыми и умершими, потому что в Нем все живы. *В Нем была жизнь, и эта жизнь была свет человеков* (Ин. 1, 4). Любя Христа, мы любим всех, кто в Нем; любя тех, кто в Нем, мы любим Христа; это закон Церкви и ясное объяснение ее молитв за умерших. Благодаря нашей любви к Христу и они живы во Христе, и как ошибаются, как безнадежно ошибаются те западные христиане, которые либо связывают молитвы за умерших с "наградами" от их заслуги, либо просто отвергают их, считая бесполезными. Кроме главной, заупокойной, службы в мясопустную субботу (парастас), совершаются другие службы поминовения умерших — во вторую, третью и четвертую субботу Великого поста.

Тема мясопустного воскресения — опять-таки любовь. Евангельское чтение этого дня посвящено притче Спасителя о Страшном суде (Мф. 23, 31—46). По какому закону будет Христос нас судить, когда настанет этот день? Притча отвечает: по закону Любви, не только по гуманитарной заботе и отвлеченной справедливости к анонимным "бедным", но по конкретной, личной любви к человеку, любому человеку, который по воле Божией встречается на нашем жизненном пути. Это различие очень важно, потому что теперь христиане все больше и больше склонны отождествлять христианскую любовь с политической, экономической и социальной заботой о людях — другими словами, они переходят от заботы об одном человеке и его личной судьбе к заботе об анонимных существах, принадлежащих, например, к такому-то классу, национальности и т. д. Мы не говорим, что такого рода забота не нужна. Ясно, что христиане, несущие на себе ответственность гражданскую или профессиональную, должны заботиться, по мере своих возможностей и понимания, о социальной, общественной жизни, о том, чтобы она была справедливой, равноправной и вообще более гуманной. Бесспорно, все эти понятия происходят от христианских корней и, вероятно, внушены христианством. Но христианская любовь, как таковая, — это все же другое, и эту разницу надо понять и отстаивать ее, если Церковь хочет продолжать свою особую, единственную миссию и не превращаться просто в социальный институт, каковым она никогда не станет.

Христианская любовь — это "невозможная возможность" увидеть Христа в другом человеке, кто бы он ни был, — человеке, которого Бог по своему вечному и тайному Промыслу решил ввести в мою жизнь хотя бы на несколько мгновений не только как повод для "доброго дела" или филантропического упражнения, но как начало вечного общения с Самим Богом. На самом деле любовь и есть та таинственная сила, которая через все внешнее, случайное в другом че-

ловеке — его наружность, социальное положение, этническое происхождение, интеллектуальные способности — достигает души, единственного личного "корня" человеческого существа, частицы Бога в нем. Бог любит каждого человека, потому что Он один знает бесценное и абсолютное сокровище, душу, человеческую личность, которую Он даровал каждому человеку. Таким образом, христианская любовь становится участием в этом Божественном знании и даром Божественной любви. Любовь не может быть безличной, она есть именно чудесное откровение личности в человеке, личного и единственного среди общего и обычного. Это откровение того, что достойно любви, того, что дано ему Богом.

В этом отношении христианская любовь иногда противоположна социальной деятельности, с которой в настоящее время так часто сами христиане ее отождествляют. Для социального деятеля предмет его любви не личность, но человек как отвлеченная единица, взятая из не менее отвлеченного человечества, тогда как христианин любит человека потому, что он — личность. Там личность принимается как человек, здесь человек рассматривается только как личность. Для социального деятеля личность не представляет никакого интереса, он часто приносит ее в жертву общему интересу. Может показаться, что христианство довольно скептически относится к отвлеченному человечеству, и в этом есть основания. Изменяет оно самому себе и совершает смертельный грех тогда, когда пренебрегает заботой об отдельной личности и любовью к ней. Подход социального деятеля всегда "футуристичен"; он действует во имя справедливости, порядка, достижения будущего счастья. Христианство мало заботится о загадочном земном будущем, но всю силу свою направляет на настоящий, являющийся решающим момент, потому что он требует проявления любви. Оба эти подхода не исключают друг друга, но не должно их смешивать. Без сомнения, христиане несут ответственность за устроение земной жизни и не должны отказываться от этой ответственности. Но надо четко осознавать, что деятельность социального активиста принадлежит всецело земной жизни, цель же христианской любви — за пределами земной жизни. Она сама по себе — луч, исходящий из Царства Божиего; она проходит через все ограничения и условности земного мира, потому что ее движущая сила, как и цель и завершение, — в Боге. И мы знаем, что единственная настоящая и преображающая победа в этом мире, который "во зле лежит", — это победа любви. Истинная и действительная миссия Церкви — напоминать человеку об этой преображающей силе любви и о его призвании наполнять грешный мир любовью.

Притча о Страшном суде говорит о христианской любви. Не каждый из нас призван работать для "человечества", но каждый получил дар и благодать любви Христовой. Мы знаем, что все люди нуждаются в этой личной любви, признании их личной, особой души, в которой все творение Божие отражается особым образом. Мы также знаем, что в мире есть больные, голодные, потому что им было отказано в этой личной любви. И, в конце концов, мы знаем, что, как бы узко и ограниченно в своих возможностях ни было наше собственное существование, каждый из нас несет на себе ответственность за какую–то крошечную частицу Царствия Небесного, именно благодаря тому, что мы обладаем этим даром любви Христовой. Таким образом, мы будем судимы за то, приняли ли мы на себя эту ответственность, проявили ли эту любовь или отказали в ней. Потому что *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40).

Прощение (Неделя сыропустная)

Теперь только несколько дней осталось до начала поста. Уже на мясопустной неделе, завершающейся прощеным воскресеньем, два дня, среда и пятница, стоят как бы отдельно, они уже совершенно великопостные: в эти дни не полагается совершать Божественную литургию и весь порядок богослужений имеет особенности великопостной службы

Суббота мясопустной недели посвящена памяти всех "мужей и жен, подвигом поста просветившихся (спасшихся)". Святые, примеру которых мы должны следовать, учат нас трудному пути, трудному искусству поста и покаяния. Мы не одни, начиная подвиг поста: "Восхвалим собор святых отцов! Антония Великого, Евфимия Великого и всех их собратий, проходящих по жизненному пути своему, как будто сквозь райскую сладость..."

У нас есть помощники и примеры: почитаем ваш пример, святые отцы! Вы научили нас истинному пути; благословенны вы, потому что вы поработали для Христа...

Наконец, наступает последний день, обычно называющийся прощеным воскресеньем; но мы не должны забывать его второго, литургического названия: "Изгнание Адама из рая". Это название действительно подводит итог всему подготовлению к посту. Теперь мы знаем, что человек был создан для жизни в раю, для того, чтобы общаться с Богом. Грех лишил человека этой блаженной жизни, и существование его на земле стало изгнанием. Но Христос, Спаситель мира, отворяет двери рая всякому, кто идет за Ним, и Церковь, показывая нам красоту Его Царства, превращает нашу жизнь в паломничество к Небесному Отечеству. Итак, в начале поста мы уподобляемся Адаму...

Пост освобождает нас от порабощения греху, от плена "этого" мира. В евангельском чтении прощеного воскресенья говорится об условиях этого освобождения (см.: Мф. 6, 14–21). Первое условие – пост: надо отказаться от того, чтобы считать желания и требования нашей падшей природы нормальными; употребить усилие для освобождения духа от диктаторской воли плоти, материи. Но, для того чтобы пост наш был настоящим, подлинным, надо, чтобы он не был лицемерным, показным. Мы должны явиться постящимися не пред людьми, но пред Отцом нашим, Который втайне (см.: Мф. 6, 18). Второе условие – прощение; *если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 15). Торжество греха, главный признак его владычества в мире, – это ссоры, несогласия, разделения, ненависть. Поэтому первый пролом через крепость греха есть прощение: возвращение к единению, согласию, любви. Лучезарное всепрощение Самого Бога будет даровано мне, если я прощу своему врагу. Простить – это значит отвергнуть все счеты и расчеты в человеческих отношениях, предоставив их Христу. Прощение – настоящее вторжение Царствия Небесного в наш грешный и падший мир.

Пост по-настоящему начинается с вечерни прощеного воскресенья... Великий прокимен возвещает начало поста: *Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя: вонми души моей, и избави ю.*

Вслушайтесь в особенную мелодию этого стиха, этого крика души, внезапно наполняющего церковь: "...я скорблю", – и вы поймете исходный момент поста: таинственную смесь отчаяния и надежды, тьмы и света. Все приготовление теперь закончено. Я стою перед Богом, перед славой и красотой Его Царства. И я сознаю свою принадлежность к этому Царству, сознаю, что у меня нет другого дома, другой радости, ни другой цели; и я сознаю также, что я изгнан из этого Царства за грех во тьму и печаль, и... "я скорблю"! И в конце концов я сознаю, что только Бог может помочь мне в скорби, только Он может избавить и спасти мою душу. Покаяние – прежде и больше всего – отчаянная мольба об этой Божественной помощи.

Прокимен повторяется пять раз. И вот пост уже наступил! Светлые облачения церковных служителей заменяются темными, "постными", тушат яркое освещение. Когда священник или дьякон начинает вечернюю ектению, хор отвечает ему "постным" напевом. Читается великопостная молитва Ефрема Сирина с земными поклонами. В конце службы молящиеся подходят сперва к священнику, прося прощения, потом просят прощения друг у друга. В то время как происходит этот "обряд прощения", так как пост начинается именно актом любви, единения и братства, хор поет пасхальные песнопения. Нам предстоит сорокадневный путь по пустыне поста, но в конце этого пути уже сияет свет Пасхи, свет Царства Христова.

Прииди и виждь и научись спасению верой

Востав иди: вера твоя спасе тя (Лк. 17, 19) – слова эти тем более удивительны, что они обращены к грешному человеку и свидетельствуют ему о спасении еще при его жизни. Спасение грешника уже совершилось, и одно только слово характеризует нам причину свершившегося: вера. *Вера твоя спасла тебя.* Но что стоит за этим словом – "вера"? Какая вера? Какая жизнь? Ведь и мы тоже веруем. Но так ли, чтобы и нам услышать ре-

шительное слово: "Иди, ты спасен; иди, ты спасена"?

Враг рода человеческого исказил душу человека грехом. Он, как ловец, преследует ее без устали. И он сделал ее согбенной даже до земли. Человек перестал видеть Небо. Лишь собственное чрево да прах, попираемый своими же ногами, предстают его взору и его помыслам. А болезни тела следуют за болезнью души неотступно.

Десять прокаженных, десять страдальцев, чье распадающееся, гниющее тело несет на себе страшные язвы греховной жизни, стоят вдали от Господа Спасителя, колеблемые слабой верой и неверием одновременно. Слух о Христе как о великом Целителе уже дошел и до них и родил некоторую надежду. *Иисусе Наставниче, помилуй ны* (Лк. 17, 13), – взывают прокаженные о помощи. И вид их страдания, и вопль о помощи преклоняют Господа на милость. Он отсылает больных в церковь, требуя от них исполнения закона: *Шедше покажитеся священником* (Лк. 17, 14). Своей же целительной силой Христос снимает проказу, хотя они еще только на пути к исполнению закона, на пути в церковь. Вознаграждена сама готовность грешников исполнить закон. И десять человек вошли в церковь прощеными и, как следствие прощения, получили исцеление от неисцелимой своей болезни.

Но что произошло дальше? Было десять несчастных грешников, изувеченных общей болезнью, но только один, как слышим мы в Евангелии, получил дар Вечной жизни – спасение. Только один из десяти поражен чудом, свершившимся над ним, и, видя себя исцеленным, очищенным, вновь ищет Христа, чтобы припасть к Нему с чувством благодарности и изумления, ибо он узнал в Целителе Живого Бога. И он возвращается ко Христу, чтобы уже никогда не отойти от Него: ни словом, ни делом, ни помышлением. Благодарность его стала свидетельством живой веры, а вера стала его жизнью, силой души. Это чувство Живого Бога, и потребность души уходить в Горний мир, к Богу, и прославление Его дарują человеку спасение.

Но: *не десять ли очистишася; да девять где?* – звучит вопрос Спасителя (Лк. 17, 17). А девять, получив желаемое, получив милость прощения и очищения, возвратились в свою прежнюю жизнь – жизнь греха и порока. Они ушли, забыв о чуде, забыв о том, Кто даровал им милость Свою. И вера их тут же угасла. Ее задул вихрь жизни, ее похитил дьявол. А в душах их прежняя темнота греха и пустота – и не сохранила душа следа Божиего влияния на нее. И снова нет любви к Богу, к Благодетелю, Целителю, Источнику жизни. Бог забыт до какой-нибудь очередной беды, болезни, скорби, которые опять вскормит греховная жизнь человека. Но это уже разговор и о нас. И так будет человек без конца подбегать к Богу и требовать – требовать благ, счастья, довольства, здоровья. Он будет к Богу подбегать со своей нуждой, но не будет жить Им. Всякий раз, получив просимое, будет возвращаться к привычной, прежней, греховной жизни. Эта бесплодная толчея человека возле Бога часто вызывает в прокаженных душах ропот на Бога, ропот на все и вся – Бог становится виновным во всем. Это Он не отвечает на просьбы и требования, это Он не дает человеку всю полноту жизненного счастья. А то, что сам человек не живет в предписаниях Божиих и в законе Божием и пожинает горечь разрушенной своим же беззаконием жизни, ему не приходит на ум. И нет у него подлинной веры и подлинной жизни духа. И не кончится спасением жизненный путь его. Вот и все. Как все ясно и просто. Спасение человека совершалось, совершается и будет совершаться во все времена только верою и только в Церкви. И во все времена проказа греха, семени смерти, поразившего весь род человеческий, врачуется и исцеляется только там и только Спасителем Богом.

В Евангелии мы ясно зрим борьбу двух начал: света с тьмою, добра со злом, жизни со смертью, Бога с дьяволом. И если враг рода человеческого так неотступно и настойчиво борет душу каждого человека, то особенно сильно он "печется" о Церкви Христовой – от самого рождения ее, ибо только в Церкви и через Церковь совершается спасение человека.

Тайна беззакония совершенно противоположна тайне христианского благочестия, и уничтожение веры во Христа Спасителя как Бога есть одна из основных задач дьявольской неустанной работы. Ведь только Святая Православная Церковь Христова есть живой организм, насаждающий и взращивающий виноградник Христов. И только в ней есть залог жизни и спасения человека. Только в ней

Христос всегда Живый и действуяй. Святитель Киприан, епископ Карфагенский, говорил: "Тот не имеет Отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь". Поэтому-то Церковь и находится под особым, пристальным вниманием врага-губителя. В каждую эпоху истории Церкви враг изобретал свои особые приемы борьбы с ней, и каждый раз, изощряясь более подходящим по времени восстанием на Святую Церковь, он то ополчался на нее извне гонением от предержащих власть, то ввергал в лоно Церкви раскол, то роем ересей, заблуждений и неправд извращал истину, расторгая единство и ниспровергая веру. Нам необходимо знать как все касающееся козней дьявольских против наших душ, чтобы не оказаться в пленении, так и все виды воинствования дьявола против Церкви, чтобы вместо Церкви Божией не попасть в церковь лукавствующих.

Исключителен путь Русской Православной Церкви начиная с 1917 года. Обреченная властями на полное уничтожение, когда Православие в полном смысле этого слова выкорчевывалось, она пережила длительный период таких лютых гонений, которые могут сравниться лишь с гонениями первых веков христианства. В тот период фундамент Православия в России был еще настолько крепок, что только физическое уничтожение Церкви Божией, ее иерархов и народа Божиего позволяло исполнить первоочередную задачу новых властелинов. И только позднее, когда уничтожением священства Церкви был нанесен сокрушительный удар, а в массах верующих посеян страх, враг всякой правды вводит в Церковь еще и раскол обновленчества, желая то немногое, что еще осталось от Церкви и что еще было живо силой Духа Божия, приспособить к требованиям миродержца и тем довершить свое дело, разрушив Церковь изнутри. Но голос крови новых российских мучеников исходатайствовал Русской Церкви милость Божию.

Война, которая началась именно в день памяти Всех русских святых, приостановила уже готовые осуществиться планы. И в послевоенное время на смену явному гонению приходит новое, скрытое, которое продолжается и по сие время. В этом гонении врага не видно. Все становятся будто друзьями. Но неверие и зловерие ведут свою незримую, но беспощадную борьбу. И по-прежнему для Церкви это — борьба за выживание. Но если прежде, во все времена, еретики были явные, то ныне Церковь наполнена еретиками скрытыми. Это все те, кто пришли в Церковь, но неправо мыслят о вере, о Боге, о Церкви. Вот откуда пошло мнение, что в Церкви нет уже больше Божией благодати. Но в Церкви благодать была, есть и будет. Но те, кто в ней, не вмещают в себя ее, их души и сердца не отданы Богу, и вы сердцем чувствуете, что рядом с вами в Церкви — чужие, неединодушные люди. Облегчается делание разрушителя в Церкви еще и общим религиозным одичанием людей, а в такой обстановке, когда нет сопротивляемости болезням, любая из них, даже и безобидная, по сути может стать смертельной.

Ныне в России предоставляется свобода всякому — и христианскому, и инославному — исповеданию. Католики открывают свои миссии и там, где никогда не было иной веры, кроме православной; звучит их проповедь, и служится их служба. В Москве, Новосибирске, Караганде созданы епархии с католическими кардиналами во главе.

Одновременно с давлением извне враг продолжает свое наступление и на само православное вероучение, стремясь извратить истины этого вероучения. Сеются плевелы лжеверия, которые отрицают христианство православное, говорят об общей и единой вере в Бога всех народов.

Сколько молодежи пришло сейчас в Церковь с распутий жизни, пройдя через оккультизм, индийскую философию, через йогу, и все эти познания бесовские они принесли с собой и в Церковь. И, не имея ни сил, ни времени, а часто и желания освободиться от страшного знания-ведения, они начинают на христианской почве насаждать свою новую, еще не виданную миром веру, где в равном достоинстве уживаются и истина и ложь. По слову Апостола Петра, *лучше бо бе им не познати пути правды, нежели познавшым возвратитися вспять от преданныя им святыя заповеди* (2 Пет. 2, 21). Враг рода человеческого в том им активный помощник и вдохновитель, хотя сам предпочитает оставаться в тени. А этим верам, вновь изобретенным под его диктовку, уже и теперь нет счета, а будет их и еще больше. Приготовьтесь к этому: что ни государство — то свое исповедание, а там — что ни область, а далее — что

ни город.. Наступит и такое страшное время, когда будет что ни человек – то своя вера. Там, где сами себе строят веру, а не принимают Богом данную, там иначе и быть не может. Да и неверие не может равнодушно смотреть на веру, не может довольствоваться своим только неверием, ему надо активно уничтожать все то, что иначе, чем оно, мыслит, и особенно в вопросах веры, бытия Божия и бессмертия души. Самый страшный способ богоборчества и уничтожения Православной Церкви в настоящее время – это извращение истинного христианства и подмена его ложным христианством.

Евангелие, которое ныне уже известно всем, становится объектом личного переосмысливания его, и перетолковывания, и всяческих измышлений, идущих вразрез со Словом Божиим. Было время для этого благоприятное, когда не было книг для выяснения истины и молчало священство, связанное негласным запретом от властителей мира сего, но и тогда не было такого страшного разлива измышлений на тему Слова Божия. Теперь, когда книги церковные и толкования, кои изрекали святые Божии человеки, движимые Духом Святым, стало приобретать легче, чем хлеб насущный, именно теперь присваивают имя христиан и обрушиваются на Церковь еретики – служители сатаны. Они несут вероломство под видом веры, возвещают антихриста под Именем Христа и, прикрывая ложь правдоподобием, хитростью уничтожают истину. *Сын человеческий пришед убо обрящет ли веру на земли* (Лк. 18, 8) – так мы читаем на страницах Святого Евангелия. Теперь наступают такие дни, когда Имя Христово слышится повсюду и храмы открываются. Но не будем спешить радоваться. Как часто это только видимость, ибо внутри уже нет духа христианского, духа любви, духа Божия, творящего и дающего жизнь всему, но дух века сего – дух подозрительности, злобы и раздора. Духи-обольстители и учения бесовские уже явно проникли и в церковную среду – священнослужителей и народа церковного, попускающих себе ходить *в похотех сердец* своих (Рим. 1, 24). Одновременно молясь Богу и работая греху, получают они за то должное возмездие: Бог их не слышит, а дьявол, не связанный силой Божией, творит через обольщенных свои непотребства.

Дух Божий еще в первые века христианства предостерегал всех живущих, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам-обольстителям и учениям бесовским. Отступление от Бога и веры идут по земле. Человек, отвергая добро и избирая зло, становится соучастником темной силы в разрушении дела Божия – созидания жизни. Мы свидетели этого. Как же жить нам в этом обезумевшем от зла мире? Святитель Божий Игнатий (Брянчанинов; † 1867) отвечает нам: "Те, которые по истине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать посреди них знамений и чудес. Они пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями". Это чрезвычайно важные указания нам. Берегитесь шума! Берегитесь показного делания! Берегитесь всего того, что лишает нас смирения! Там, где нет смирения, там нет и быть не может истинного угождения Богу. И еще: ныне время, когда иссякли благодатные руководители подлинно духовной жизни, и безопаснее теперь руководствоваться Священным Писанием и писаниями отеческими. Господь и здесь пришел на помощь малому стаду, ищущему Его. Книги истинных духоносных отцов вновь увидели свет и снова пришли к верующим. Читайте святителей Феофана Затворника и Игнатия Брянчанинова, внимайте прочитанному – и козни вражии не посмеют коснуться вас. Следуйте их советам. Вот последнее слово нам, живущим в столь трудные времена: "Отступление попущено Богом. Не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам, и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избегнуть влияния его".

Облецытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским, яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 11–12). Такими словами обращался в свое время святой первоверховный апостол Павел к христианам Ефесской Церкви. И Господь будет с нами, будет нам Помощник. Вспомним одну из молитв ко святому причащению: *И якоже не неудостоил еси внити и свечеряти со грешники в дому Симона прокаженнаго, тако изволи внити и в дом смиренныя моея ду-*

ши, прокаженныя и грешныя. Научимся жизни по вере у евангельского прокаженного, и отнимется от нас прокажение душ, и снимется расслабление тела. И мы своими одухотворенными душами, всем существом потянемся к сладчайшему Источнику жизни – к Богу. И в преданности своей припав к Нему, услышим Его голос, любящий и зовущий: "Встань, встань, встань от прокажения грехом, *вера твоя спасла тебя*". И встанем оправданными, и останемся со Спасителем нашим на веки веков. *Аминь.*

Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)

Слово в Неделю Торжества Православия

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие мои, други наши, чада Божии, дети Святой Православной Церкви!

Сегодня особый день – день Торжества Православия, день Торжества Святой Православной Соборной и Апостольской Церкви – Церкви торжествующей – Небесной и Церкви воинствующей – земной.

И это есть день радости о Воплощении Сына Божия, о полноте Божества на земле в Нем и о полноте Божества и в Теле Его – в Церкви Христовой.

А Тело Его – это все те, кто идет подвигом жизни в Вере и Истине, в лоне Церкви, это все, начиная со святых апостолов: сами апостолы и учители Церкви, ее Патриархи, святители, святые отцы и народ Божий – миряне, держащиеся Истины, ею жившие, ею живущие и теперь. Это все мы, собравшиеся после первой недели постных подвигов в церкви и облеченные ныне в белую одежду оправдания, вкусив Божественной жизни, соединясь с Господом в Таинстве Святого Причащения.

Мы с вами слышали сегодня в Евангельском чтении высокую оценку и похвалу от Испытующего сердца Господа будущему апостолу Церкви Нафанаилу:

"Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства (Ин. 1, 47). И это похвала христианину, это похвала той Церкви, о которой Господь изрек: *"Вот Церковь, в которой нет лукавства, нет суетных измышлений человеческих, которая вся есть Истина во всем ее учении, таинствах, богослужении, управлении, во всем ее устройстве"*.

Именно эта Церковь, по слову апостола – *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15), есть славная Церковь, не имеющая скверны или порока.

Какими кровавыми подвигами, какой борьбой с врагами истины, какими и сколькими смертями ревнителей чистоты, святости веры и Церкви приобретено, сохранено и передано нам Православие.

Сегодня мы видим земную Церковь удрученной, отягченной многообразными бедами и скорбями (а это почти постоянное состояние Церкви Православной от дней ее основания), и кажется нам: есть ли о чем радоваться? Но знайте, дорогие мои, **Торжество Православия в Церкви будет праздноваться всегда, ибо это Торжество не о видимой славе Православия, но о том единственном,** что дает миру жизнь и чего не могут отнять теперь уже никакие внешние беды и никакие враги **– это Торжество Божественной Любви к миру и Вечная жизнь мира в этой Любви, этой Любовью.**

А для нас, для каждого из нас, остается только частный вопрос – будем ли мы с вами участниками этой Божественной Любви? Сохраним ли себя и сохраним ли для своего потомства то, что дал нам Сам Христос и что передали в чистоте Его верные последователи в Церкви?

Так будем же помнить, дорогие: чтобы нам с вами быть истинно православными христианами, надо иметь живое и постоянное общение с Православной Церковью в ее молитвах, учении, Таинствах, надо знать свою веру, изучать ее, проникаться и жить ее духом, руководствоваться ее правилами, заповедями и уставами. **А главное – необходи-**

мо постоянно восстанавливать в себе глубоким покаянием образ истинно православного христианина по примеру святых Божиих людей, живших во все времена.

Первое Торжество Православия было установлено, когда Церковь в борьбе с иконоборчеством отстояла свое право и долг поклоняться иконам Христа, Матери Божией и святых и тем самым отстояла она и истину Боговоплощения. А теперь Церковь продолжает праздновать и будет праздновать до конца дней мира явление в нем образов Живого Бога. Ибо и теперь Бог открывает Себя в людях, стяжавших и являющих в себе это бесценное сокровище, эту единственную жемчужину, которой не стоит весь мир, — Богоподобие человека в святости жизни.

Так помолимся сейчас, дорогие мои, тем, кто святостию своей освящал и освящает и нам путь к Истине.

Помолимся и о тех, кто трудами своими и болезнями сохраняет в наши дни верность истине Божией.

Попросим Господа, чтобы и нам быть не чуждыми этой верности и этих трудов. *Аминь.*

Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)

Россия в проказе

Возлюбленные братие, вы только что выслушали в Евангельском чтении повествование о том, как Господь наш Иисус Христос исцелил десять прокаженных мужей.

Проказа — ужасная, тяжкая болезнь, часто встречающаяся на Востоке. Тело больного покрывается язвами и струпьями, кожа лопается и гноится, члены по частям отпадают (Иов 7, 5), и все это длится по целым годам! Страдальцы ждут смерти, и нет ее, и *обрадовались бы до восторга*, если бы *нашли гроб* (Иов 3, 21—22). Прокаженного все чуждаются, близкие покидают, и знакомые забывают его, гнушаются те, которые раньше любили его (Иов 19, 13—19).

Эти мучительные переживания прокаженных невольно напоминают собою то ужасное состояние, в котором находится ныне наша дорогая родина, страдалица Россия.

Все тело покрыто язвами и струпами, чахнет она от голода, истекает кровью от междоусобной брани. И, как у прокаженного, отпадают части ее! Малороссия, Польша, Литва, Финляндия, и скоро от великой и могучей России останется только одна тень, жалкое имя. *Как сокрушен жезл силы, посох славы* (Иер. 48, 17)! *Великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его* (Плач. 1, 1—2). Как прокаженный, родина наша покрылась стыдом и стала посмеянием и ужасом для всех, окружающих ее (Иер. 48, 39)! Вы, конечно, читали сообщение о том, как иногда за границей наши союзники при появлении русских в общественных местах спешат уйти от наших соотечественников, как бы от заразы. И мы сами у себя дома нередко отмежевываемся от тех, кого еще недавно считали своими защитниками и на кого взирали с гордостью и упованием. Так происходит "переоценка ценностей", столь для нас плачевная!

Где же выход из современного печального положения нашего? Все чаще и чаще раздаются голоса благомыслящих людей, что "только чудо может спасти Россию". Верно слово и всякаго приятия достойно, что силен Бог спасти погибающую родину нашу. Но достойны ли мы этой милости Божией, того, чтобы над нами было сотворено чудо? Из Святого Евангелия мы знаем, что Христос Спаситель в иных местах не творил чудес за *неверство* жителей (Мф. 13, 58) и, с другой стороны, Господь, предуказуя ученикам Своим грядущие бедствия — войны, глады, моры, землетрясения, изрек, что избранных ради прекратятся эти тяжелые дни (Мф. 24, 22). Есть ли среди нас, братие, хотя бы немногие праведные мужи, ради коих Господь милует

Произнесено в Николо-Воробьинской церкви в Москве 14 января 1918 года.

народы? То ведает один Бог! А мы, подобно евангельским прокаженным, ставши издалеча, вознесем глас, глаголюще: *Иисусе Наставниче, помилуй ны* (Лк. 17, 12–13). Да не взыщеши дел, оправдающих нас. Аще бо праведника спасеши, ничтоже велие; и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойно бо суть милости Твоея, но на нас грешных удиви милость Твою (из вечерней молитвы) и спаси ны, прежде даже до конца не погибнем.

Патриарх ТИХОН

От земли к Небу...

Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух (Ин. 19, 30)

Умаливший Себя в воплощении до образа раба и не имевший, где главу приклонить, продолжил вольное Свое уничижение до смерти. И какой! Так завершается земной путь Богочеловека. Никто из бывших свидетелями крестной смерти Иисуса Христа не смел и помыслить о скрытой в Его крайнем уничижении Славе Божией. Иисус умер, и Его дело на земле кончилось столь злополучно. Какая уж тут слава? Так думали тогда даже самые близкие ему люди. Столько людей и в наше время думают так же!

А мы читаем в Евангелии, что в Нем явилась Вечная жизнь, бывшая у Отца (ср.: Ин. 1–2); что Бог воскресил Его из мертвых державной силой и возвел превыше всех небес, всякого начальства, власти, сил, господства (ср.: Еф. 1, 20–21; Еф. 4,10; 1 Пет. 3, 22); что тот же безмерный дар Божественной Любви в восприятии Богочеловеком нашего естества дан и нашему естеству, Им обновленному. И знаем, что дар победы над смертью дарується людям из смерти, из гроба Господа Иисуса Христа. Как же?

Братья и сестры! Задумаемся глубже, по-христиански, над смертью. Вспомним, что ввел ее в мир грех и что он был самозамыканием человека в себе. Возобладавшая в первом человеке самоутверждающая стихия оторгла человека от источника Жизни — Бога. Поэтому трагическим уделом нашей судьбы и стала смерть. В ней нам видится предельное зло.

Она вызывает в нас страшную тоску. Ужасным кажется даже отдаленный ее образ, который дан нам в самых простых разлуках с близкими, в расставаниях, в разрывах... Но не напрасно кажется нам, что в смерти что-то совершается. И прав наш современный русский религиозный философ, когда говорит, что в особенной тишине вокруг гроба умершего нельзя не ощутить таинственную глубину жизни. Вас оставляют злые чувства, вы сами становитесь глубже. Вы не можете не почувствовать, что перед вами важнейший факт человеческой жизни, связанный с выходом из времени и с обращенностью к ценностям уже непреходящего значения. То есть с обращенностью к вечности.

Однако от этого смерть не становится менее страшной. Одних страшит в ней полное, как кажется им, уничтожение. Вот яма, и в ней безусловный конец, возвращающий меня в зияющую в ней пустоту изначального небытия. Такое уничтожение обессмысливает и прожитую жизнь.

Но других, отвергающих такую бессмысленность человеческого существования, страшит в смерти иное. Этих других, — и с ними нас, верующих христиан, — пугает в смерти таинственный разрыв составов человеческого естества: души и тела. В их разъединении собственно человеческое существование то-

---

Проповедь прочитана на Пассии Великого поста 26 марта 1972 года.

же ведь прекращается. Отделенное от души тело — труп; отделенная от тела душа — какой-то призрак. Человек существует в целостности души и тела. Значит, разрыв их и разъединение означает конец существования человека.

Тем не менее, настаивает христианство, это только кажущийся конец. Смерть, разлучающая душу и тело, вошла в человека грехом, помрачившим вложенный в первозданное естество человека образ и подобие Божие. Смерть есть самораскрытие греха, оторвавшего человека от Бога, Источника Жизни. Конечно, она может быть понята и как наказание за грех, за то, что по образу Божию созданная красота попрана. Наказуется и все? Церковь Христова говорит им всем: нет и нет! Отцы Церкви, в полном согласии, видели в смерти и врачевание нашего больного, грехом испорченного естества. И потому она — только кажущийся конец жизни.

Христианскому сознанию смерть открывается как очищение человеческого естества перед воскресением. Очень сильно говорит об этом святой Григорий Нисский: "Промыслом Божиим послана человеческой природе смерть, чтобы, по очищении от порока в разлучении души и тела, человек через воскресение снова был воссоздан здравым, бесстрастным, чистым, свободным от всякой примеси порока". Что же очищается в смерти? Тело, конечно, распадающееся, разлагающееся и тлеющее, — наподобие того, как старый глиняный сосуд бросается в глину, из которой был сделан, в ней распадается и затем оттуда берется, чтобы мастер воссоздал бы его в первоначальной красоте и чистоте. Так вся земля оказывается засемененной прахом людей, до конца не уничтожающимся.

О неуничтожимых элементах тела людей позвольте сказать два слова. Они, может быть, несколько помогут приблизиться к христианскому пониманию смерти. В ту далекую пору, когда никому в голову не приходили учения, подобные современным учениям о материи, например о "силовых полях" или "физике поля", вытеснившие недавнюю "механическую физику", — еще в IV веке учитель Церкви святой Григорий Нисский произнес два слова, в наше время получившие невероятную популярность: "атомная энергия". Он сказал их в связи с христианским учением о смерти и воскресении. Каждому атому тела человека, учил он, присуща энергия, сила. Эта энергия есть "внутренний образ" тела. И он неуничтожим до конца всех времен, до конца мировой истории. Только когда в последний ее час каждый атом материи распадается до конца, сохраняющаяся внутри них энергия освободится. И, освобожденная, она и образует некое новое тело. Для новой земли и для нового неба... (см.: Ис. 65, 17). С особым проникновением он говорил, что в смерти до конца не разрывается и связь души с телом. На распадающихся элементах тела, в самой энергии, заключенной в его атомах, или на "внутреннем образе" тела есть "знаки связи" с его душой. И в душе, как на воске, отпечатлевается некий облик тела (см.: Григорий Нисский. О душе и о воскресении; Оксиюк М. Ф. Эсхатология святого Григория Нисского. Киев, 1914; Страхов П. Атом жизни. — Богословский вестник, 1912; Флоровский Г. В. О смерти крестной. — Православная мысль, Париж, 1930).

Пройдет много, очень много времени. Века. В разделении души и тела уничтожится примешавшаяся к телу некая отрава порока. Оно будет готово к часу всеобщего оживления, когда последний враг, смерть, по слову Апостола, истребится (ср.: 1 Кор. 15,26). Но какой же силой один состав человека, телесный, воссоединится с другим, с душой? Только Божией. Потому что такая сила должна исходить из сущностной потусторонности по отношению ко всем существующим в тварном мире возможностям и невозможностям. А такая потусторонность и есть Бог, в отношении мира "совершенно другой". Воссоединение двух составов человека, разделенных в смерти, возможно только через воссоединение человека с Богом. Оно и произошло в Воплощении Бога Слова, когда в Иисусе Христе Божественная природа соединилась с человеческой. Именно таким образом нашему естеству была сообщена возможность соединения двух составов, разъединяемых смертью, то есть возможность воскресения.

И, однако, Воплощение Бога было необходимым условием нашего спасения и избавления даже от смерти. Только условием. Совершается же оно на Кресте, *Кровию креста* (Кол. 1, 20). Крестным страданием и крестной смертью. Свидетельствовал об этом Сам Господь: *На сей час Я и пришел* (Ин. 12, 27). Устами же Афанасия Великого Церковь учит:

"Для принятия смерти имел Он тело" (см.: Слово о Воплощении Бога Слова и о пришествии Его к нам во плоти). Другой учитель Церкви, святой Григорий Богослов, об этом же говорит так: "Чтобы нам жить, мы имели нужду в Боге воплотившемся и умерщвленном". Как же приблизиться к смыслу этого страшного и преславного Таинства?

Исповедание веры в Триединого Бога дает узнать в Иисусе Христе Богочеловека. Им, единым от Святой Троицы, обращена она к творению. Через Него мир призывается от небытия в бытие. В Нем являет Себя Бог Любовью. И вот она, Божественная Любовь, – в восприятии Сыном Божиим человеческого естества. И только ее, Божественную Любовь, и можно видеть в принятии на Себя Богом жуткой судьбы нашего существования. Первый человек пожелал быть только природой, ничем больше. С этой *только–природностью* и соединяется Бог в Иисусе Христе. *Любовь долготерпит, милосердствует... не ищет своего* (1 Кор. 13, 4–8), любовь всегда жертвенна, любящий все отдает любимому, он душу свою, то есть жизнь, полагает за него (ср.: Ин. 15,13). Такой и видим сострадательную к нам любовь Иисуса Христа. Ею принимает Он, вместе с нашим естеством, все страдания, происходящие от греха, как последствия его. Он вошел в них, и ничто не миновало Его из человеческих наших бедствий. Иисус Христос усвоил Себе горчайшие муки, даже муки одинокого, всеми заброшенного человека, оставленного на произвол судьбы. Страдания жуткого одиночества и оставленности всеми, может быть, были у Него даже и особенно страшными, как это бывает у нас. Внимательно изучающие Его жизнь видят, что Он был отдан во власть не силам хотя сколько–нибудь совестливого разума и законного порядка, не ответственной совести, а дикому разгулу безответственного произвола и жестокой игре страстей. Тупость и невероятная духовная узость, гордость, ненависть, зависть, трусость, низость – вот что выступило против Иисуса Христа из темноты того времени, от Иуды–предателя до толпы, ревущей: "Распни его!", до хулящего Его разбойника. Он прошел через все, чем человека может уязвить и растерзать неукрощенная стихия *только–природного, только–человеческого*, чем захотел быть первый человек. Поэтому, сострадая нам во всем, Богочеловек проходит и через последнюю муку – через смерть. При этом не простую, а считающуюся тогда позорной и самой мучительной.

Господь умер на Кресте. Его смерть подобна нашей. Но то была смерть Богочеловека, она совершилась внутри Ипостаси Воплощенного Бога Слова. Мы знаем: два состава человеческого естества, душа и тело, в смерти разделяются. Но Божество, Божественная Ипостась не расторгается, не разделяется. И вот что говорит об этом святой Иоанн Дамаскин, как бы подводя итог учению святых отцов всего золотого века патрологии: "Хотя Христос и умер как человек и Святая душа Его разлучилась с Пречистым Телом, Божество Его осталось неразлучным с обеими, и с душой, и с телом. И, таким образом, одна Ипостась не разделилась на две Ипостаси, ибо и тело и душа с самого начала равно имели бытие в Ипостаси Слова... И хотя душа разлучилась с телом по месту, однако же была соединена (с ним) ипостасно чрез Слово" (см.: Точное изложение православной веры, кн. 3, гл. XXVII). Это значит, что смерть Иисуса Христа полностью сохраняет свою природу, свой онтологический характер, но получает новый смысл. Она становится начинающимся в ней Воскресением. Воскресением человеческого естества в Иисусе Христе. Так Крест Спасителя становится Древом жизни, гроб Его – Животворным Гробом...

В час смерти разъединенная с Телом Душа Спасителя соединяется с ним в священном тридневии. Не нуждающееся ни в каком очищении, беспорочное Тело Его в таинственном тридневии преображается в Тело Славы и облекается Силой и Светом. И вот Господь встает из мертвых, как Жених исходит от гроба. Это совершается Силой Божией, как ею же совершится в последний день всеобщее воскресение мертвых. Так как не только над Его смертью, а над смертью вообще совершилась победа в Воскресении Христа. Тут в естество человека была вложена возможность воскресения. "Правда, – говорит Златоуст, – мы и теперь умираем прежнею смертью, но не остаемся в ней, и это значит – не умираем". Всякое развоплощение в человеческом мире теперь только до времени. Все воскреснут, все возвратятся к психофизической полноте своего бытия. Потенциальное и динамическое восстановление целостности человеческого бытия и есть уп–

равление смертью, совершаемое Крестной силой.

В Адаме, первом человеке, первозданное естество наше сделалось смертным. Он был сотворен в бессмертие, но возможность смерти через вольное его отторжение от Бога раскрылась в нем в действительность смерти. В Иисусе Христе, в Новом Адаме, возможность бессмертия через соединение с Божеством раскрылась в действительность Воскресения. И как в начале человеческой истории не один Адам, но совокупность человечества подпадает под злые последствия совершившегося в первом человеке, так весь человеческий род обретает благодатные дары от совершившегося в Новом Адаме, в Богочеловеке, в Воплотившемся Боге в Лице Господа Иисуса Христа. Силой Божественной любви в Боговоплощении в естество человеческое вводится возможность нравственного возрождения и через крестную муку и смерть возможность воскресения. Обе осуществились в жизни Спасителя, не знавшей пятнышка порока до последнего Его вздоха, и в смерти, и в Воскресении Его. Принадлежа обновленному в нем естеству нашему, они, таким образом, становятся объективным благодатным достоянием всех людей.

Совокупность людей, усваивающих эти благодатные силы, образует общность, уже почти две тысячи лет именуемую Церковью. По существу своему христианство и есть эта общность, или Церковь. Христианство всегда было церковным, и нецерковного христианства не может быть. Но, братья и сестры, как часто люди видят в Церкви одну только организацию, одно учреждение. И подходят к ней с меркой, с какой судят о всех человеческих учреждениях. Поэтому мы сами бываем виноваты, когда Церковь как организацию хотят использовать и используют в своих интересах одни или другие силы мира сего, с нашей церковной жизнью и жизнью во Христе не имеющие ничего общего. Это результат нашей собственной поверхностной церковности, или нецерковности..

Господь Иисус Христос прошел путь с Неба на землю и от земли к Небу. И воссоединилось земное с Небесным. Он ниспослал от Отца Духа Святаго, сделав живущих в Церкви причастниками к жизни всей Святой Троицы. Церковь – это сокровенная действительность, и действительность эта есть жизнь со Христом и во Христе. Совершившееся в Боговоплощении совершалось во времени, но принадлежит Вечности. В Вечности пребывающее Боговоплощение, как нераздельное и неслиянное соединение Божественного с человеческим, и есть Церковь.

Церковь есть дело Боговоплощения, то есть усвоения Богом человеческого естества, а естеством человеческим – Божественной жизни. Поэтому усвоение отдельными людьми всех благодатных сил от такого соединения человеческого с Божественным есть дело их воцерковления. Но нам нужно знать и непрестанно помнить, что все дарованное Богом естеству человека становится моим и реализуется в моей жизни, когда усваивается свободно спонтанной глубиной моей духовной обращенности к Богу и Его Церкви. Чтобы в Воплотившемся Боге, в Иисусе Христе, Распятом на Кресте, умершем и восставшем из гроба, узнать своего Бога; чтобы в Церкви, которая есть Жизнь во Христе, пребывающая в нерасторжимом единстве со всей Пресвятой Троицей, увидеть Божественную данность и факт Божественного изволения, пребывающего в мире и делающего нас причастниками Божества.

Для этого нужен подвиг свободного духа. Божественная высшая и совершеннейшая правда явилась миру как безмерная, беспредельная Любовь, отвергающая насилие и делающая человека бесконечно свободным в Правде. Поэтому только в свободе, и в ней одной, усвояются человеком и все спасительные благодатные дары Боговоплощения, Креста и Воскресения, то есть только в подвиге свободного обращения к Церкви и действительного воцерковления. На этот путь, который есть высшее и адекватное выражение парадоксальной правды христианства, и зовет людей Крест Господень. *Аминь.*

Протоиерей Всеволод ШПИЛЛЕР

БОГОСЛОВИЕ

Экклезиология святого Иринея Лионского

Период церковной истории, обнимающий первые три века, был периодом борьбы Церкви Христовой с иудейством, язычеством и ересями. Противоборство, оказываемое Церкви иудеями, язычниками и еретиками, выявляло сонмы истинных воинов Христовых: Апостолов и мучеников. Одним из таких воинов Христовых, положивших свою душу за Господа, был святой Ириней, епископ Лионский.

Священномученик Ириней (память 23 августа) родился в 130 году в городе Смирне. Там он получил блестящее светское образование, изучив философию, риторику и другие науки. Его наставником в истинах христианского учения был ученик Апостола Иоанна Богослова святитель Поликарп Смирнский, рукоположивший его во пресвитера и пославший в галльский город Лугдун (ныне Лион во Франции) к престарелому епископу Пофину. После мученической кончины епископа Пофина в 178 году Ириней был избран епископом города Лугдуна. "В короткое время, – писал о нем святитель Григорий Турский, – он своей проповедью преобразил весь Лугдун в город христианский!"[1] Святитель Ириней является одним из главных борцов за чистоту апостольской традиции и непримиримым противником лжеучений. Он изложил православное вероучение в одном из основных своих творений "Обличение и опровержение лжеименного знания" или сокращенно "Пять книг против ересей". В царствование императора Севера (193–211), в 202 году, святитель Ириней был усечен мечом за исповедание веры. Богословское творчество святого Иринея Лионского относится к последней четверти II века. Это было время очень тревожное и опасное для жизни Церкви. Языческий мир вступил в ожесточенную борьбу с распространяющимся христианством, проливая потоки крови его исповедников и мучеников. Ученое язычество направляло острие своей философии против проповедуемых Богооткровенных истин. Наряду с открытыми противниками христианства со второй половины II столетия в Церкви активизировались внутренние враги, которые, "прикрываясь личиной христианства, стремились ввести в Церковь учения, чуждые содержанию и духу апостольского предания"[2]. Речь идет прежде всего о гностицизме, возникшем еще в апостольское время. Это учение, корнями уходящее в самую глубокую древность язычества, достигло своего апогея во II веке, в годы жизни и пастырской деятельности святителя Иринея. Многочисленные представители гностицизма, считая себя христианами, пытались найти истину на путях религиозного синкретизма, сущность которого состояла в стремлении примирить и соединить в едином мировоззрении самые разнообразные религиозные и философские учения.

Тщательно оценивая опасность этой ереси для Церкви, святитель Ириней не только правильно понял новые задачи, вставшие перед Церковью, но и нашел верный путь их разрешения. Святитель Лионский считал самым важным не полемику с гностиками и опровержение их учений, а раскрытие в противовес им на основе Священного Писания и апостольского предания важнейших истин христианского вероучения.

Плодом самоотверженной борьбы святителя Иринея с ересями явились замечательные по замыслу и глубокие по содержанию первые в христианской письменности богословские труды, раскрывшие главные положения христианского богословия. Этими трудами, по словам протоиерея П.Преображенского, святитель "положил первые камни для систематического здания христианского учения и

выразил в полноте и внутреннем единстве основные начала Вселенского Православия не только для своего века, но и для последующих времен"[3]. Его сочинениями пользовались отцы и учители Церкви. И в наше время учебники догматического богословия приводят его изречения как непререкаемое свидетельство истинной веры Древней Церкви. Нам же предстоит изложить его учение о Церкви, основанной Господом нашим Иисусом Христом (см.: Мф. 16, 18).

Направляя свое учение о Церкви против гностиков, святитель Ириней сосредоточивает внимание на раскрытии двух существеннейших свойств Церкви – ее апостольства и вселенского единства. Вместе с этим мы находим у святителя Иринея ясное, определенное учение и о других свойствах Церкви, например о ее неизменности, святости и исключительной важности и необходимости в деле освящения и спасения людей. Все эти свойства Церкви в учении святителя Иринея вытекают из общего его представления о ней как о богоучрежденном обществе, которое не только основано Иисусом Христом и устроено по Его воле Апостолами, но и во всем своем устройстве всегда поддерживается силою Божественною.

Основание Церкви, по учению святителя Иринея, не человеческое, а Божественное, и именно в Церкви сосредоточивается жизнь всех верующих людей. Церковь есть "великое и славное Тело Христово"[4]. Церковь постоянно поддерживается и оживляется Духом Святым. "Где Церковь, – говорит святитель, – там и Дух Божий; и где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать"[5]. Но это Божественное начало в жизни Церкви не исключает участия и действия верующих.

Для утверждения и распространения истины Христовой необходима возрождающая благодать Святого Духа, нужны видимые способы ее действования, нужно нравственное руководство и руководители. И все это, по святителю Иринею, дано Церкви с самого начала ее существования Иисусом Христом, чрез избранных Им Апостолов. В силу данной им власти "Апостолы, как богач в сокровищницу, вполне положили в нее все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питие жизни"[6], и со всем этим богатством они вверили ее епископам"[7].

В защиту того, что Церковь есть хранительница истины, святитель Ириней прежде всего приводит доказательства исторического характера. Так, он говорит: "Прежде Валентина не было валентиниан, и до Маркиона не было маркионитов, равно и прочих худомыслящих (учителей)... не было прежде, чем появились основатели и изобретатели их превратного учения"[8]. Церковь Христова древнее всех еретиков. Она ведет свое начало от святых Апостолов и неизменно сохраняет их учение. В подтверждение этой истины святитель Ириней подробно раскрывает идею преемства епископов как доказательства истинности церковного учения. Это преемство – основной признак Церкви как Тела Христова[9]. Желая показать преемство епископов, святитель Ириней приводит чрезвычайно ценный исторический документ, а именно список епископов Римской Церкви от самых первых дней ее основания[10]. Краткие сведения дает святитель и о первых епископах своего родного города Смирны, а также и о Церкви Ефесской, которая, будучи основана Апостолом Павлом и взращена Евангелистом Иоанном, есть также истинная свидетельница апостольских преданий[11].

Таким образом, по мысли святителя Иринея, все апостольское писание и предание неразрывно связано с Церковью и без нее не может существовать. Проповедь Апостолов была всегда неотъемлемой частью самой Церкви. Она принадлежала Церкви и всегда соблюдалась ею. "Ее-то, приняв от Церкви, – говорит святитель Ириней, – мы соблюдаем, и она всегда чрез Духа Божия, как драгоценное сокровище в прекрасном сосуде, сохраняет свою свежесть и делает свежим самый сосуд, в котором содержится"[12].

Стремясь доказать, что еретические общества не есть Церковь, святитель Ириней очень подробно раскрывает учение о единстве Церкви.

Единство, по мысли святителя, является основной формой существования Церкви. Единство Церкви выражается во взаимном внутреннем и внешнем единении ее членов как между собой, так и со Христом. Поэтому, по словам святителя Иринея, не могут надеяться на спасение те, кто отделяются от Церкви и тем самым нарушают ее единство. Ведь ради объединения в Церкви всего человечества воплотился Сын Божий[13]. "Он явился в последние времена и, как краеугольный камень, собрал и соединил дальних и ближних, то есть обрезанных и необрезанных, распространяя Иафета и помещая его в доме Сима"[14].

Основа внутренней жизни и внутреннего единства Церкви – Сам Иисус Христос, Который устанавливает единство Церкви, питает ее, управляет ею и сохраняет ее как Свое Тело[15]. Церковь, по учению святителя Иринея, едина при всем множестве своих членов и Поместных Церквей.

Залогом единства Церкви является одна вера всех и общее согласие всех в учении. "Церковь, – говорит святитель Ириней, – рассеяна по всей вселенной даже до концов земли, но приняла от Апостолов и от учеников их веру в Единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившего небо и землю, и море, и все, что в них, и во единого Христа Иисуса, Сына Божия, воплотившегося для нашего спасения, и в Духа Святого, чрез пророков возвестившего все домостроительство Божие... Принявши это учение и эту веру, Церковь... тщательно хранит их, как бы обитая в одном доме; одинаково верует этому, как бы имея одну душу и одно сердце; согласно проповедует это, учит и передает, как бы у ней были одни уста"[16].

С единством Церкви, по учению святителя Иринея, тесно связана неизменяемость церковного учения.

Насколько гностики были совершенно вольными и высокомерными в измышлениях, якобы открывших им тайну спасения, настолько святитель Ириней был верен апостольскому духу, целиком и полностью основывающемуся на проповеди святых Апостолов. По его учению, Церковь, в самом начале своего устройства, по воле своего Основателя, получила чрез Апостолов всю полноту Божественной истины, которая, по самой своей природе будучи неизменной, должна такой сохраниться и пребыть навсегда в Церкви в неповрежденном виде. Ибо такова природа Божественной истины, что нельзя ничего ни прибавить к ней, ни отнять чего-либо у нее. "И ни весьма сильный в славе из предстоятелей церковных не кажет иного в сравнении с сим учением, ибо никто не выше Учителя, – ни слабый в славе не умалит Предания"[17].

По учению святителя Иринея, Божественная истина, содержащаяся в Церкви Христовой, будучи неизменной, является вместе с тем и вселенской. Она не знает ни национальных, ни родовых, ни других различий между людьми. "Церковь проповедует истину, – говорит святитель, – повсюду": во всем мире и для всех людей[18]. Если Ветхозаветная Церковь пребывала только в еврейском народе, будучи ограждена законом от всех других народов, то Церковь Христова стала открыта для всего мира. Подобно солнцу, которое в мире одно и везде светит, истина и просвещает всех людей, желающих познать ее.

Вселенское единство церковной истины и ее неизменяемость святитель Ириней противопоставляет разнообразию и непостоянству еретических учений. "Еретики, двое или трое, об одном и том же говорят не одно и то же. Они противоречат между собой не только в сущности дела, но и в именах"[19]. Поэтому все измышления еретиков не могут претендовать на истину и не должны быть принимаемы христианами. То, что они называют "гнозисом", то есть высшим знанием, на самом деле есть ложь, так как истинное знание хранится лишь в Церкви.

Святитель Ириней говорит, что истинным учением можно назвать лишь такое учение, которое исходит непосредственно от Самого Христа и Его Апостолов и, неизменно пребывая в Церкви, передается неповрежденным из поколения в поколение.

Главным основанием этого учения, "столпом и утверждением Церкви"[20], является Евангелие. Господь, по словам святителя Иринея, дал "нам Евангелие в четырех видах, но проникнутое одним Духом"[21]. В Церкви нет и не может быть какого-либо учения, не согласного с Евангелием. Правильное и безошибочное понимание Священного Писания возможно только в свете единого учения Церкви, которая является единственной хранительницей апостольского предания. "Ибо где Церковь, там и Дух Божий; и где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать, а Дух есть истина"[22]. В силу постоянного присутствия в Церкви Духа Божия Божественная истина пребывает в ней неизменной и неповрежденной, какой была и при Апостолах.

Итак, по учению святого Иринея, епископа Лионского, истинная Церковь Христова есть Церковь Единая, Святая, Вселенская и Апостольская. Вне Церкви Христовой нет и не может быть другой Церкви. Может появиться вне и отдельно от Церкви общество, похожее внешне на Церковь, но это не будет Церковь, основанная Господом и устроенная Апостолами. Поэтому "не должно искать у других истины, которую легко получить от Церкви, ибо Апостолы, как богач в сокровищницу, вполне положили в нее все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питие жизни. Она именно есть дверь жизни"[23].

Примечания

[1] Настольная книга священнослужителя. Т. 3. М., 1979, с. 745.

[2] Скурат К. Е., доцент. Сотериология св.Иринея Лионского. – В кн.: Богословские труды. Сб. 6. М., 1971, с. 47.

[3] Св. Ириней Лионский. Пять книг против ересей/ Изд. в русском переводе прот.П.Преображенского. СПб., 1900, с. 4 (Предисловие).

[4] Там же, кн. 4, гл. 33, с. 408.

[5] Там же, кн. 3, гл. 24, с. 312.

[6] Там же, кн. 3, гл. 4, с. 225.

[7] Там же, кн. 5, гл. 20, с. 487.

[8] Там же, кн. 3, гл. 4, с. 226.

[9] Там же, кн. 4, гл. 32, с. 409.

[10] Там же, кн. 3, гл. 3, с. 223.

[11] Там же, с. 224.

[12] Там же, кн. 3, гл. 24, с. 312.

[13] Там же, кн. 4, гл. 24, с. 384.

[14] Там же, кн. 3, гл. 5, с. 228.

[15] Там же, кн. 4, гл. 33, с. 408.

[16] Там же, кн. 1, гл. 10, с. 49–50.

[17] Там же, кн. 1, гл. 10, с. 50.

[18] Там же, кн. 5, гл. 20, с. 488.

[19] Там же, кн. 1, гл. 11, с. 52.

[20] Там же, кн. 3, гл. 11, с. 249.

[21] Там же.

[22] Там же, кн. 3, гл. 24, с. 312.

[23] Там же, кн. 3, гл. 4, с. 225.

К. ЖАРИКОВ

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Христианство и политика

Христианство и политика... Какое для нас странное и необычное сочетание слов и понятий! Мы как-то всем нашим воспитанием не можем воспринять, чтобы христианство имело какое-либо, тем более близкое, отношение к политике; нам обычно кажется, что это две области, между собой ничего общего не имеющие и, пожалуй, одна для другой не безопасные. На самом деле какая может быть политика, как мы ее привыкли понимать, если христианство станет в близкие к ней отношения, а с другой стороны, не будет ли опасным для христианства унижением связать себя с политикой, заняться общественными делами...

Как же быть? Отвергнуть ли "союз христианской политики"[*]? Или в нашем таком строгом разделении этих двух областей нет ли какого-либо исторического греха против Христа и Его заповедей? Что такое политика и каковы области влияния для христианства?..

I

Что такое политика? Политика – это установление тех или иных отношений одного народа, государства к другому народу, государству (внешняя политика) и установление modus vivendi среди народностей, сословий, обществ и т.д. внутри самого государства, устроение внутренней жизни для всех членов известного народа или государства (внутренняя политика). Цель как внешней, так и внутренней политики одна – это польза, выгода и даже, пожалуй, счастье членов государства, попечение о их материальном и духовном земном благополучии, поднятие их благосостояния и споспешение им на пути человеческого прогресса, их экономического, социального, духовного и нравственного совершенствования. Цель, как видим, идеальная и, к сожалению, только лишь идейная, в действительности далеко не наблюдаемая и не проводимая в жизнь народов. В действительности цели политики ограничиваются насаждением со стороны лиц правительственных на житейской почве своих культуртрегерских[**] замыслов вроде, например, разведения новой породы людей... Если идейные цели политики имеют в виду человека как самостоятельного, свободного и полноправного гражданина, то вторые цели ее смотрят на человека как на материал для упражнения в собственных о нем измышлениях, как на средство приложения к жизни собственных планов, мечтаний и т.п. Если первая цель имеет в виду только лишь счастье гражданина как человека, как личности, то вторая – осуществление на нем и чрез него своих взглядов на него. Отсюда и политика может быть рассматриваема или как дело общечеловеческое, прогрессивное, или как дело партийное, своекорыстное.

Отсюда же неодинаковость до взаимного исключения и средств, к каким прибегает та и другая политика. Для идейной политики средства не могут употреб-

---

[*] "Союз христианской политики" – название христианско-социалистической партии, проект создания которой был выдвинут С. Н. Булгаковым в статье "Неотложная задача" (Вопросы жизни, 1905, 9; проект остался неосуществленным. – *Ред.*)

[**] Культуртрегер – ироническое название человека, прикрывающего свои корыстные, захватнические цели маской распространения культуры, просвещения. – *Ред.*

ляться нравственно безразличные, но непременно строго этические; для обычной житейской политики все позволено, раз оно служит ей на пользу и помогает. Для первой политики средства вырабатываются общечеловеческим сознанием, и они непременно согласованы с требованиями разума; для второй политики средства подыскиваются соображениями нужд дня, интересов времени, и оправдываются они услугами рассудка и даже запросами желудка.

В основе же различия той и другой политики лежит разный взгляд на человека, на этот предмет цели и средств политики, на субъекта и объекта ее. Если время и люди утверждают взгляд на него как на личность духовную и, следовательно, в духовности своей нравственно небезразличную и бессмертную, то и политика может быть только идейной. Если же человек мыслится как одно из животных, хотя бы и самых совершенных в условиях земного существования, как временное и случайное явление здесь, на земле, то для идейной политики не будет места; она теряет свой смысл, и ее заменяет политика только выгоды и пользы в понимании их той или иной партией...

Теперь само собой уже понятно, что политика, как первая, так и вторая, не суть сами по себе самостоятельные, в себе самих все для себя содержащие – они обе производные и корнями своими упираются в ту или иную метафизику, из которой и берут свои соки. Таким образом, всякая политика необходимо предполагает в основе своей метафизику, из которой и проистекает. Вся история политических учений это с убедительностью подтверждает. Как народ веровал, какие метафизические учения проповедовал и содержал, такую же и политику он проводил. Отсюда политика индусов была одна, политика персов – иная; египтяне стремились в жизни осуществить то, от чего бежали и что ненавидели финикияне. "Религия образует народы и определяет их судьбы. Почему индусы подверглись угнетению каст, которые их навсегда парализовали? Разве они по самой природе своей не способны были понять равенства? Нет, они принадлежат, по учению науки, к нашей же расе; наш язык происходит от их языка. Но их религия учит их, что Брама при происхождении всех вещей разделил людей на четыре сословия: на жрецов, воинов, купцов и рабов; что эти сословия не должны смешиваться; что непреодолимая преграда разделяет их навсегда. Отчего арабы опускаются все ниже и ниже в своем падении? Чего им недостает: ума или энергии? Они имеют самую блестящую литературу и способны к самому геройскому самоотвержению. Но их религия проповедует им фатализм. В Коране сказано, что Магомет в тот день, когда увидел в первый раз соху, проклял ее, как орудие рабов. Это проклятие пророка тяготеет на его племени, и все его усилия к прогрессу поражает безнадежная бесплодность. Заниматься политическими делами, ни во что не ставя при этом религию, – это безумство. Что сказали бы вы об архитекторе, который, воздвигая свои сооружения, не позаботился бы ни о климате, ни о переменах температуры или атмосферных условиях? Религия – это атмосфера души, и безумцы те, которые рассчитывают основать что-нибудь прочное и продолжительное, не приняв ее в расчет" (Берсье).

Отсюда уже *a priori* можно заключать, что и христианство, как религия с известным метафизическим учением, не может быть равнодушно к политике, не может оставить ее без своего влияния и не воздействовать так или иначе на нее. А если же мы вдумаемся глубже в сущность христианства, в его Богооткровенное учение, то и вовсе убедимся, что дело политики не только не чуждо христианству, но христианство обязано стремиться и политику всю христианизировать, делать ее в духе учения Христа и из последнего выводить.

На самом деле, в чем сущность христианства? Сначала приведем в ответ на это слова известного французского проповедника Берсье: "Иисус Христос, говорят нам, занят только спасением, вечным блаженством душ, и другие человеческие интересы ему чужды. Это объяснение спиритуалистов, считающих себя передо-

выми, и, как мне кажется, оно охотно принимается неверующими, которые из него делают орудие для опровержения христианства во имя самой гуманности, но это мнение совершенно ложно и мы не можем дозволить проповедникам Евангелия осуждать Его так легкомысленно. Правда, что Иисус Христос ставит на первый план прощение и спасение души, но не надо забывать также, что Его сочувствие обнимает всего человека". "Я мог бы, – говорит Берсье, – привести в доказательство многие из его изречений; но есть нечто повыразительнее отдельных текстов: это отношение Иисуса Христа к страданиям и беззакониям, которые Он встречает. Если в Евангелии хотят видеть только суровый и исключительный спиритуализм, то надо изгладить из него это великодушное негодование, волнующее сердце Спасителя при виде несправедливости, эту глубокую жалость, обращенную на всех слабых и беззащитных, эту постоянную заботу о нуждах человеческого тела, множество чудес, которые облегчают всех мучимых болезнию или голодом, эту несравненную нежность, звучащую в малейшем слове Христа, которая через целые века проникает в самое сердце страдающих, проливая ни с чем не сравнимое утешение. Но изгладить это – значит изгладить само Евангелие"[1].

Эти горячие слова Берсье – хороший ответ царившему до последнего времени у нас мрачному ложноаскетическому воззрению на жизнь. И теперь все еще продолжают насаждать в жизнь монашеские идеалы и утверждать, что христианство будто религия только неба, для земли же оно слишком высоко и недоступно, что оно будто знает только внутреннего человека, его дух, плоть же повелевает презирать и убивать. С этой монашеской черной точки зрения христианство, конечно, о земной жизни ничего доброго, радостного человеку сказать не может, осветить, облагородить ее не в состоянии, сделать ее для человека желанной, приятной не должно. С этой точки зрения христианство, разумеется, и к политике никакого отношения иметь не может и не должно; христианство стоит вне жизни и, следовательно, вне политики; да оно и религия, выходит, не жизни, не людей, а религия смерти и каких-то теней людских.

В этом своем прямом логическом выводе убив себя, такой взгляд на христианство все более и более в наши дни теряет под собою почву и своих последователей, и среди монашествующих лиц раздаются уже сильные протесты против него. По мере его упразднения начинает все шире и глубже в сознание наше внедряться истинный, правильный взгляд на христианство, на сущность христианского учения...

Итак, опять – что же такое христианство в его сущности?

Ответ на это – прямой и ясный – дает Сам Спаситель, когда говорит о цели и задаче Своей земной жизни.

Иисус Христос сказал искавшему Его народу: *и другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан* (Лк. 4,43).

Итак, цель посланничества Христова к народу, на землю, – чтобы благовествовать, то есть ему, изнывавшему в душевном мраке и неведении, в тяготе рабства греху и преступлениям, проповедовать радость облегчения и свободы чрез наступление Царствия Божия. Поэтому первою от Него к народу исшедшею вестию было слово о близости Царствия Божия.

Пришел Иисус в Галилею (после того как предан был Иоанн Креститель), *проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 14-15).

Спаситель выступление свое на проповедь начинает речью о приближении Царствия Божия, для которого уже исполнилось время, то есть совершилось все, что должно было совершиться для подготовления рода человеческого к восприятию слова о наступлении Царствия Божия.

Открыв свое вступление на проповедь речью о приближении Царствия Божия, Христос все время своей жизни на земле непрестанно и повсюду об этом

Царстве и проповедовал. Почему святые евангелисты Матфей и Лука все учительство Спасителя характеризуют именно как благовестие о Царствии Божием: *И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях* (Лк. 8,1; Мф. 4,23). Об этом Царстве проповедовать посылал Христос и своих учеников (Мф. 10,6; Лк. 9,2; 10,9,11). Даже последние часы научения Им их были наполнены беседою об этом Царстве: в продолжение сорока дней являясь им, Христос говорил им о Царствии Божием (Деян. 1,3). "Словом, идея Царствия Божия есть центр всего круга мыслей Евангельских повествований: это основная мысль всего учения Христа, главная тема Евангельской проповеди. От этой идеи все исходит, и к ней все возвращается, так что нельзя найти в Евангелии ни одного слова, ни одного действия, что не относилось бы к Царствию Божию"[2].

Провозвещая об этом Царстве Божием во время своей жизни на земле, Спаситель и начало, и первое воплощение, осуществление этому Царству также полагал на земле, а не только на небе, в Царстве славы, в будущей жизни, как то хотят толковать некоторые. Это видно уже из вышеприведенных слов Самого Спасителя, Свое выступление на проповедь ставившего во временную связь с приближением Царства Божия. Еще немного ранее Его тоже прорек святой Иоанн Предтеча. *Покайтесь*, – взывал он, – *ибо приблизилось Царство Небесное. Ибо Он* (то есть Христос) *Тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему* (Мф. 3,2-3). Здесь Иоанн Предтеча определенно ставит во временную зависимость приближение Царства Божия от явления Христа: Царство приблизилось, ибо явился Христос. Значит, Христос явился не только для проповеди Царства Божия, но и для положения ему начала самым своим появлением.

И Сам Спаситель неоднократно потом свидетельствовал, что Царствие Божие с Его пришествием на землю уже началось. *Если же Я*, – говорил Он иудеям, – *Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие* (Мф. 12, 28; ср.: Лк. 11, 20). Иудеи думали, что Христос силою Вельзевула изгоняет бесов; конечно, таковые далеки были от Христа, от учения Его и от жизни по Нему, далеки от жизни в Царствии Божием. А кто из них почитал Его творящим силою Божиею, тот был уже Христов, тот, по Его выражению, уже жизнью своею близок к Царствию Божию; "достигло" – значит, проявилось видимо здесь, на земле. Поэтому-то когда Христос увидел, что книжник разумно отвечал, то сказал ему: *Недалеко ты от Царствия Божия* (Мк. 12,34). А книжник этот высказал Христу веру в Единого Бога и необходимость любить Его всем сердцем, всем умом, и всею душою, и всею крепостию и любить ближнего, как самого себя... Значит, кто имеет веру и таковую любовь, тот близок к Царствию Божию, и обратно: Царствие Божие близко к такому человеку – к человеку, живущему на земле. Таким образом, вера во Христа и в Бога Отца и любовь к Богу и ближним, то есть черты истинного христианина, делают его как такового уже близким к Царствию Божию здесь, во время его земной жизни; значит, и Царствие это здесь же начинается.

Особенно же определенно этот по началу своему земной характер Царствия Божия выражен в следующих словах Спасителя: *Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя: но меньший в Царствии Небесном* (в Царствии Божием – у Луки) *больше его* (Мф. 11,11; Лк. 7,28). Если здесь под Царствием Небесным – Царствием Божиим будем разуметь будущую жизнь, то совершенно неверно, чтобы меньший в нем был там больше Крестителя Господня. Почему больше? Отчего? Ответа на эти вопросы не найдем, ибо постановка дела совершенно неправильна. А что меньший в Царствии Божием, здесь, на земле, осуществляемом с пришествия Спасителя, больше Крестителя – это естественно и понятно. Меньший здесь в Царстве Божием спасается и возрастает в меру возраста

исполнения Христова при помощи столь великой благодати Божией, какой не имел Креститель; теперь каждый из нас – чадо благодати и милости Божией, тогда как Иоанн Предтеча жил под законом и был не сыном Божиим, а чадом гнева Божия. Значит, большие Иоанна – это меньшие в том Царствии Божием, которое пока здесь, на земле, а еще не на небе. Как бы подтверждая и обосновывая эту мысль, Спаситель в другом месте говорит: *Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него* (Лк. 16,16). Значит, со дней Крестителя уже входят в Царствие Божие, которое, следовательно, уже началось...

Земля, то есть земная жизнь, – это как бы утроба матери или почва, куда закладывается зерно, идея Царства Божия, где оно, обогретое любовию и напитанное верою, дает побеги, возрастает мало-помалу, чтобы потом превратиться в большое дерево. Характерна в данном случае притча о горчичном зерне. Этому зерну Спаситель уподобляет Царство Божие (или Небесное[3], по Мф). Зерно это вырастает в большое дерево; но прежде этого и для этого оно необходимо должно быть брошено в землю, там созреет, запасется всем необходимым для дальнейшего роста и пустит из себя росток именно по роду своему; а все дальнейшее произрастание из зерна дерева всецело зависит опять от той же земли как почвы, от того, как окрепло в ней, насколько запаслось влагой и силами, как глубоко и прочно пустило в земле свои корни. И Царствие Божие на земле должно пустить свои корни, углубиться в сердца человеческие, ороситься их любовию, согреться их верою. Без ростка на земле не будет ростка и на небе; без корней в живущем плотском, земном оно не укрепится ни в чем духовном, бесплотном. Это земное, плотское и есть те плоть и кровь, которые облекают скелет, организм Царства Божия, дают ему форму и все условия к тому, чтобы вошел в него Дух Святой, вселился и пожил с ним, – творят то, из чего потом вырастает Царство славы для жизни Вечной...

Отсюда становится уже ясным, что прежде всего идея Царства Божия, как зерно, как, быть может, маленькое зернышко, должна упасть в сердце человека и здесь пустить корни, завладевая мало-помалу почвою сердечною, мыслями и чувствами человека и влияя на его волю. Безусловная истина, что *Царствие Божие внутрь нас есть* (см.: Лк. 17, 21); здесь его основа, его начало. Когда же оно завладеет человеком, тогда этот не может остаться прежним, не может не выявить ростков этого семени наружу; и оно действительно из сердца переходит в жизнь, из мыслей и чувствований – в дело, поступки, преображая жизнь соответственно содержанию идеи Царства Божия, все окрашивая в свой цвет, всему давая свой тон, свое направление и всех привлекая к себе, как к тому горчичному дереву в притче, которое становится выше всех злаков, то есть господствующим надо всеми, и в ветвях которого укрываются прилетающие птицы небесные, то есть находят усладу и отдохновение все притекающие к нему. Светом Христовым тогда освещается вся жизнь со всеми ее делами и отношениями людскими; всему дается единое содержание – содержание, заключающееся в идее Царства Божия.

Содержание это прежде всего выражается в праведности. Праведность Царствия Божия Спаситель определяет сначала отрицательно. Он требует, чтобы она не походила на праведность книжников и фарисеев (см.: Мф. 5,20). Их праведность хорошо известна. Это праведность слов, внешних поступков, вообще поведения, но не сердца, не внутреннего человека – праведность буквы, но не духа, праведность, не переходящая в устроение жизни по Божии, а, пожалуй, даже удаляющая ее от этого, не благоустроящая жизнь, а только благообразящая ее. В Царстве Божием должна быть не праведность, а правда – истина. *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6,33). Правда – вот содержание Царствия Божия. Но это определение все еще слишком общо. По словам Апостола Павла, *Царствие Божие не пища и питие, но праведн-*

ность и мир и радость во Святом Духе (Рим. 14,17). Под праведностию здесь Апостол разумеет ту же праведность, о которой говорил и Спаситель. Это видно из одинакового обозначения их одним и тем же греческим словом " διχαιοσυνη ". "Διχαιοσυνη" – "правда" – употребляется в греческом языке со значением святости. Таким образом, содержание Царствия Божия – это святость, мир и радость. Первая – святость – основное, вторая – мир – производное и третья – радость – выводное, заключительное. Где святость, там быть не может вражды, раздора, там мир, а где мир, там нет беспокойства, нет неудовлетворенности – там радость. И радость эта не низкая, земная, материальная, не радость удовлетворения самолюбия и эгоизма, а радость во Святом Духе, то есть радость чистая, светлая, любвеобильная, радость как полнота духовного бытия. *Царство Божие не в слове, а в силе* (1 Кор. 4,20). Царствие Божие, однако, не по тому познается, что праведность, мир и радость существуют и осуществляются в жизни, а по той силе, которую и с которой они в жизнь проводятся. Сила эта – всецело человека захватывающая и совершенно его себе подчиняющая. "Да приидет Царствие твое; да будет воля твоя, как на небе, так и на земле" – вот как молиться к Отцу Небесному научил нас Спаситель. Чтобы на земле пришло Царствие Божие, надо, чтобы воля Божия была здесь так же господствующей, царственной, как и на небе. *Не всякий, говорящий Мне: "Господи, Господи!" войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7,21), – говорил Христос. И вот когда эта воля сознается человеком как его собственное произволение, тогда Царствие Божие приходит не в слове только, но в силе, и мир и радость бывают в полном смысле слова о Дусе Святе. Воля же Божия, как знаем, состоит в том, чтобы мы любили друг друга во Христе Иисусе, любили любовию сынов Божиих.

Вот любовь, вернее сказать, царство любви на земле и есть основное выражение и полное, целостное содержание Царства Божия здесь, на земле. Ибо, кто пребывает в любви, тот в Боге пребывает, и Бог – в нем, – значит, тот сын Царства Божия. И в любви именно нужно пребывать, а не только иметь ее или вдохновляться ею. *Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62). Любовь как вторая наша природа может только избавить от этого обращения вспять; любовь, которая оставляет дом, родных ради Христа и Царствия Божия, – только она получает *гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной* (Лк. 18, 29, 30). Любовь только одна претерпевает все беды и несчастия, долготерпит, не унывает, не падает пред скорбями. Она силится, нудится, а поэтому и в Царствии Божием пребывает, ибо Царствие Божие *силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (см.: Мф. 11, 12). А по словам Апостола Павла, многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14, 22). Восхитит Царствие Божие, кто претерпит все скорби, а претерпит их, кто полон любви, кто в ней пребывает. Значит, любовь к Отцу Небесному чрез любовь к Сыну Его – Спасителю мира есть и путь к Царствию Божию, и сама жизнь в Царствии Божием.

Любовь же не мертвое и даже не страдательное начало, а деятельное, все собою старающее проникнуть: она хочет все в себе и собою привлечь и всем завладеть и себе подчинить; с другой стороны, она не может быть равнодушно безразличной к греху и ко злу в жизни, к бедам и несчастиям людей; она желает видеть в жизни царствующими правду – святость, мир и радость, а людей – довольными и счастливыми. Поэтому она смотрит на людей не с точки зрения их положения и звания, а с точки зрения их служения делу Царства Божия на земле. Она всех думает научить этому служению, всех призвать к себе. И, смотря по роду и характеру деятельности людей, одних из них она поддерживает и ободряет, иных научает и наставляет, иных обуздывает и вразумляет, на третьих действует прещением и даже угрозами наказания; но никого не упускает из поля зрения своего; на всех влияет; выше всего земного, всех расчетов времени ставит себя; над всем

временным возвышается и господствует. Отсюда любовь ничего не боится: со светом истины Христова Евангелия идет она для наставлений, обузданий и прещений и в царские терема, и в вельможные чертоги; всем говорит одно – истину Христову, призывая всех к жизни по Божии, по Христову, по совести человеческой.

II

Итак, сущность христианства заключается в благовестии Христовом о Царстве Божием; Царство Божие по этому благовестию непременно начинается здесь, на земле, в земной жизни человечества и всего творения Божия; корнями своими оно углубляется в душу человека, претворяя ее в душу чистого невинного дитяти, а стволом выходит наружу, во все жизненные отношения человека к подобным ему и ко всему миру – здесь оно выражается во всеобъемлющей и все себе подчиняющей любви; любовь эта, проистекая опять из недр сердца человеческого, влияет на все дела и служения людские, царственно господствуя над ними, а все в них дурное и злое отвращая, осуждая и запрещая; пред любовью все равны, и она на всех простирает свой мощный голос, и ни к кому и ни к чему она не может быть попустительно безразлична, ни пред кем не умолкая, никого и ничего не страшась; она всех имеет своею целию объединить в едином братстве между собою, в содружестве со Христом, в сыновстве Богу Отцу. Значит, вся земная жизнь человечества, все его земные отношения и служения, положения и звания – все это в сфере безусловного и непосредственного ведения христианства в целях проведения всего этого к служению делу Царствия Божия на земле, на пользу, мир, радость и счастье человеку уже здесь, опять на земле.

Отсюда становится совершенно ясным, что христианство, так понимаемое – а его только так и можно понимать, – не может быть безразличным ни к какой сфере земной деятельности человека, ни, следовательно, к политике. Это положение не вывод лишь формальный логики; оно требуется сущностью самого дела.

Христианство, полагая основу Царствия Божия в личной жизни каждого из нас, не может рассматривать эту личность как-нибудь отдельно, независимо от условий ее общежития. Каждый человек не на необитаемом острове живет, а среди подобных ему; поэтому естественно и сам на них влияет и от них, в свою очередь, воспринимает влияния. И те или другие отношения, которые существуют между людьми и которые всегда обязательны в обществе человеческом, не безразличны, следовательно, для душевной жизни и совершенствования каждой личности христианской. Значит, и христианство с его постоянною заботой о насаждении в отдельных душах Царства Божия не может быть равнодушным к тому, какие отношения в обществе между его членами устанавливаются и существуют. Оно естественно старается, чтобы эти отношения не только не препятствовали, а, наоборот, способствовали росту Царства Божия, то есть чтобы они были проникнуты духом христианской идеи, были также христианскими, а не языческими или безразличными. А так как эти отношения устанавливаются политикой, то, значит, для христианства далеко не безразлично направление, дух и характер данной, известного времени политики; оно необходимо ею интересуется и в зависимости от нее избирает те или иные пути своего попечения духовного.

В правильности этих положений утверждает такой православнейший писатель-богослов, как покойный профессор Казанской Духовной Академии А.Ф.Гусев, которого никто не подумает заподозрить хотя бы в тени какой-либо либеральности. У него находятся такие суждения: "Блаженный мир души не может не омрачаться и не прерываться даже и у наилучших христиан вследствие окружающего зла, зрелище которого способно возмущать и тревожить их". В другом месте:

"Пусть государство и его деятели, по фактическому своему состоянию и направлению, не удовлетворяют нашим справедливым ожиданиям. Из этого следует только то, что каждый из нас, начавши с собственного нравственного оздоровления, обязан содействовать доступными для него нравственно чистыми путями улучшению положения дел в государственно-социальной области, а не становиться в ряды анархистов-революционеров"[4]. Если каждый из нас обязан содействовать улучшению положения дел в государственно-социальной области, то только потому, что христианство имеет своею задачей устроять эту государственно-социальную область по своим принципам, сообразно заветам Христа. И целью христианства является устроить так в государстве жизнь людей, все их взаимоотношения и, следовательно, политику направить по такому пути, чтобы идеалом для всего был идеал христианства.

В данном случае мне кажется в высшей степени знаменательным следующее место в Библии. Народ израильский, недовольный судьями – сыновьями Самуила, просит последнего поставить им царя. Огорченный их просьбой старец молит Господа и в ответ от Него слышит: *Послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними* (1 Цар. 8,7), и [Господь] велел поставить им царя. Из этих ясных слов Господних тот бесспорный вывод, что люди, чтущие Его, а тем более, следовательно, христиане должны иметь у себя Царем только Его – Господа, и только удаляющиеся от Него могут иметь других земных царей; но и эти земные цари у народов Божиих, следовательно и у христиан, должны смотреть на себя как на исполнителей воли Божией, как на средство Божие – привести людей чрез себя к Богу. В этом их миссия; в этом высший смысл служения их известному народу; к этому должна стремиться и вся политика их.

Таким образом, если, с одной стороны, христианство не может оставить без освещения и без своего внимания все стороны жизни людей и все их взаимоотношения, то и государство, для своей политики необходимо ищущее высших основ и принципов, в христианстве, как и во всякой другой религии, что уже мы видели, находит основы и высшее оправдание. Какое государству дает религия понятие о человеке и цели его земного существования, такую политику государство и может вести. Для христианского государства поэтому и политика должна быть только христианской. Вот точки соприкосновения христианства и политики для их взаимоотношений. Христианство обязано освещать политику, указывать ей ее истинные задачи, направлять ее по пути достижения этих задач и нахождения средств к тому и возвращать ее, хотя бы с настойчивостию и прещением, к этому пути служения Царствию Божию в случае затемнения его или тем более потери; политика в христианском государстве в вере должна получать свои полномочия, свой источник и независимо ни от кого, вполне свободно отправляя свои служения, целью своей должна иметь служение делу Царствия Божия, а идеалом – идеал христианского государства.

Такое соотношение христианства и политики иным кажется странным, едва ли возможным, пожалуй, опасным для христианства. Иным думается, что, так близко подойдя к делу политики, христианство может потерять свою чистоту, спуститься с надлежащей для него высоты и омирщиться или, что еще хуже, стать партийным. Иным грезится худшее: христианство будто бы может сблизиться с революцией и пойти ее путем и с ее посохом в руках. Отсюда – почти общий всех голос: долой от политики, христианству нет дела до нее, у христиан свои задачи.

Я нарочито так долго останавливался на выяснении подробностей идеи Царствия Божия; только при свете этой идеи возможно правильно и обстоятельно разобраться во всех этих суждениях. Зная, в чем сущность христианства, мы теперь легко увидим источник заблуждения во всех этих суждениях: он в ложном предс-

тавлении о христианстве как религии только неба. Если христианство – религия и земли, то само собой ясно: ничто земное для христианства не унизительно – наоборот, в земных отношениях оно и может только проявляться и действовать с целями возведения их до неба. Жемчуг и в куче навоза не тускнеет, а яркий луч солнца и в грязной луже и сам сияет, и этой особливый блеск придает. И христианство ничем не может быть само запачкано и загрязнено – наоборот, все грязное оно может профильтровать и обеззаразить, все греховное – просветить и освятить, все злое – смягчить и ко Христу привести и для политики может быть только столбом огненным, освещающим путь жизни истинно человеческой, лестницею, ведущею ко Христу.

Странным иным кажется проникновение политики христианством, потому что мы отвыкли от жизни истинно христианской; для нас христианство является само по себе, а жизнь – сама по себе; христианство даже иногда мыслится как бы некиим комфортом, чем-то для всех излишним, нужным для попов да монахов, а из мирских – разве для избранных, и то лишь на время стояния их в храме Божием. Для политики же христианство у нас потребно бывает разве только в качестве доброй, услужливой, безответной, но весьма полезной в иные минуты жизни, трудной служанки. Конечно, для политики и руководящего его государства освобождение христианства от несения таких обязанностей неприятно и нежелательно; отсюда воспитание всех, особенно в периоды владычества сильной руки, в послушании и служении лишь ему, хотя бы с жертвою чистотою веры; отсюда и у нас, русских, взгляд, с лишком двухвековою историей нашей государственности впитанный в плоть и кровь нашу, что христианству нет дела до политики. Мы, позабывая голос Христа о закваске, сквашивающей все жизненное тесто во всей его совокупности и во всех сторонах и направлениях, добровольно, с изменой делу Христову, готовы отдать эту обязанность государству, отняв ее от христианства. Вот эти-то традиции, ставшие для нас уже жизненными предрассудками, и препятствуют нам взглянуть на христианство во всей его высоте и блеске, со всем его всеобъемлющим содержанием и безусловным жизненным водительством. И, по мере того как мы станем освобождаться от обаяния идола государственности и перестанем кланяться богам чуждым, мы познаем своего Бога, научимся чтить Его и сознаем место государства с его политикой в доме Божием у народа избранного, царского освящения. И молитва к Отцу, который есть на небе и на земле: *да приидет Царствие Твое* – для нас тогда приобретет реальное значение с весьма определенным смыслом и содержанием.

Большую основательность имеет опасение омирщения для христианства от его близости к делу политики, боязнь уклониться в сторону революции, насилия и т.п. Ответом на это опасение может служить разрешение вопроса о характере и направлении влияния христианства на политику, о том, куда, как и насколько возможно проникновение христианства в дело политики, в дело установления отношений человеческих на земле между как отдельными личностями, так и отдельными народностями в государстве, – вопроса о том, в чем состоит обязанность христианства в отношении политики.

Может быть политика активная и может быть политика пассивная. Можно политику вести, направлять ее, подыскивать пути и средства для нее и можно политике указывать идеалы, прояснять ей ее цели, освещать пути, а в случае уклонения ее от них – указывать ей на это, помогать возвратиться снова на путь добра и истины. Первая политика заботится о том, чтобы устроить все так, чтобы достигнуты были ее цели как можно скорее, лучше и полезнее; вторая – обращает исключительное внимание только лишь на качественную добротность как целей, так и путей, ведущих к ним, и ставит своей задачей не собственную политику, а лишь помощь, руководство, быть, так сказать, совестию для первой политики. Вот такой-то совестию для политики и должно, и может быть христианство, чем

всякая религия, даже всякая метафизика обычно и бывает. Своей особливой и активной политики христианство не может вести; если же поведет, то судьба его – это судьба римского католицизма с узурпацией его светскою властию и с печальным концом добровольного узничества в Ватикане. Но быть наставницей для политики, светочем для нее – для освещения ей путей и целей, и голосом то одобряющим и содействующим, то осуждающим и запрещающим, – это обязанность христианства как раскрытия Царствия Божия в людях. Только при этом его служении человечеству государства будут христианскими и политика не языческой. При таком участии в политике не будет никакой опасности для христианства стать партийным: оно будет выше всех партий, и эти все будет оно призывать к своему суду, ободряя и выставляя на вид все в них доброе, честное, истинное и осуждая дурное, своекорыстное, ненавистническое. Поэтому только в христианстве и при помощи христианской политики все партии могут жить без братоубийственной вражды и даже находить точки соприкосновения для примирения. Только при христианской политике может быть проводимо в жизнь и по мере сил человеческих осуществляемо пресловутое тримурти – братство, равенство и свобода. И наконец, только при этой политике в государственном устройстве и общественной жизни находит настоящее свое место и получает свою цену естественный национализм при не менее же естественном космополитизме. Христианство выше всего земного, но не вне его; оно ни во что не вмешивается, но не попускает быть ничему не христианскому; оно не политиканствует, но требует христианской политики; оно не ведет политики, но дает направление, освещение и суд всякой политике; оно не разделяется по партиям, но старается все партии объединить в деле общего служения благу народа или государства; оно, таким образом, само не обмирщается, но мирское, земное проницает Божественным, небесным, помогая и руководя и отдельному человеку, и целому народу, и вообще государству расти в мужа совершенна, достигать меру возраста исполнения Христова. Только так относясь к земному, к земным отношениям человеческим и, следовательно, к руководящей ими политике, христианство и может служить делу Царствия Божия в душах отдельных лиц и вообще на земле.

А с революцией христианство не имеет никаких точек соприкосновения, от путей ее оно далеко и к средствам ее никогда не прибегало и не решится прибегать. И пути, и средства у христианства во влиянии его на политику – свои собственные. Революция действует чрез насилие, христианство – чрез любовь и убеждение; у революции орудие – меч, у христианства – слово, которое острее всякого меча обоюдоострого; революция влечет за собою кровь, христианство – мир и радость. "С той знаменательной ночи, когда пламенный ученик Христов хотел употребить меч в защиту своего Учителя (см.: Мф. 26, 51-52), христианство ни разу не прибегало к насилию, к несчастию, ставшему уделом одних только непросвещенных ревнителей человеческого равенства и свободы. Да, как ни горько было лучшим благовестникам христианской веры смотреть на "лежащий во зле мир" (1 Ин. 5,19), они боролись с последним только одним духовным оружием и благодаря этому верному средству достигали спасительной цели. Но что вышло бы в случае употребления ими так называемых "решительных", или "радикальных", средств – об этом страшно и подумать! Представим себе, что Апостол предложил бы своему соузнику (у автора разумеется Онисим из послания Апостола Павла к Филимону) вместо евангельской проповеди, зажигательную вроде современных "прокламаций" речь, возбуждающую к грабежам и убийствам, к "забастовкам" и к неповиновению властям; допустим, что и другие многочисленные Онисимы бы-

---

* Тримурти – троица в брахманизме и индуизме. Брахма – бог-творец, Вишну – бог-хранитель, Шива – бог-разрушитель. – *Ред.*

ли бы насыщены таким же революционным духом, – разумеется, мгновенно вспыхнула бы страшная междоусобная война. Римский кесарь был бы низвергнут с высоты своего трона; потоками полилась бы кровь жрецов и патрициев; зависть и месть совершили бы свое разрушительное дело, и в конце концов древний мир низринулся бы в бездну неописуемых злодеяний. Но пусть так: может быть, столь дорогой ценой окупилось бы общее счастие? может быть, между людей породилось бы задушевное братство? К сожалению, ничего такого не произошло бы. Из ненависти происходит одна лишь ненависть, и кровь взывает только к кровавой же мести, *ибо все, взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26,52)"[5].

Никто не одобрит родителей, лишь наказаниями и розгой воспитывающих детей; всякий отвернется от школьных воспитателей, добрые навыки у своих учеников и мирные отношения между ними устанавливающих проповедью вражды и злобы и взыванием к мести и крови для водворения поруганной кем-либо правды. Все мы хорошо знаем, что есть другие пути к воспитанию и для доброй мирной жизни, – пути более рациональные и целесообразные. Так и у христианства, отрицающего революцию и насилие в политике, имеются другие средства для влияния на жизнь народов и на установление между ними добрых взаимоотношений. Средства эти – слово церковных архипастырей и пастырей, слово всего церковного самосознания, слово в самых его разнообразных приложениях и выражениях, слово просвещающее, наставляющее, вразумляющее, обличающее и запрещающее.

Сначала христианство просвещает всех и каждого светом Христовой истины, всем сообщая, всех наставляя в одной и той же истине, не однобокой, что наблюдается теперь, а полной, целостной. Теперь не редко смелую, прямую проповедь останавливают разные посторонние соображения плотяного характера вроде таковых: как бы она не породила оппозиции и неприятных разговоров и т.п. Правду-матку должно всем открыто в глаза говорить: царю и селянину, вельможе и босяку, не боясь ничего и не руководствуясь никакой тоже своего рода политикой. Просвещая, христианство должно утверждать, наставлять в своих истинах опять с одинаковым рвением всех и каждого. А когда замечается уклонение от истины, тогда выступает вразумление: необходимо подойти к заблуждающемуся, указать на ложность его мнений, суждений, а тем более действий, касающихся большого круга лиц, и еще тем более действий, касающихся всего народа, всего государства. Если вразумление не действует, должно прибегнуть к обличению сначала тайному, а затем и открытому, публичному. Если и этого не устыдятся и от него не вразумятся, то останется прибегнуть к последнему средству – запрещению, выражающемуся или в каком-либо церковном осуждении лица или действия с церковной кафедры или посланием, либо разрешением от повиновения и присяги на послушание ему, либо, наконец, в отрешении такого лица от участия в общей церковной жизни, в христианских молитвах за него и т.д. И все эти средства должны быть применяемы и прилагаемы ко всем лицам безотносительно к их общественному и государственному положению и служению, и к высшим служениям, пожалуй, с большими строгостями и внимательностию, ибо им более вверено счастия и благополучия людского. Боязнь и страх, равно как разные дипломатические соображения, должны исчезнуть; руководством и побуждением должна быть ревность о чистоте Христова учения, о наилучших условиях для спасения душ христианских, о благе и счастии их и здесь, на земле, то есть о водворении Царствия Божия... И раз такое слово будет раздаваться неустанно и громко, проповедоваться неленостно и одинаково для всех, будет ободрять, возвышать униженных и оскорбленных, вразумлять гордых и превозносящихся, обличать человеконенавистников и рабовладельцев всяких формаций, запрещать эксплуататоров труда, здоровья бедных, расхитителей общественного достояния, разных казнокрадов, обирателей и насильников народных, то политика всегда будет сообра-

жаться с духом и сущностию учения Христова, и это будет стоять в мнении народов высоко, уважаться искренне и влиять даже до последних интимных изгибов души человеческой. При таком голосе христианства никогда не будет речи о высоте христианского учения, о его неприложимости к жизни; отвыкнем полагать какую-то бездну между словом и делом христианским, между Христом и нами, научимся жить по Божьи, по Христовым заповедям и политику поведем только лишь христианскую.

Такое высокое служение слова христианского всей целостной жизни людской указано еще Апостолом Павлом в его Послании к Тимофею: *проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием* (2 Тим. 4,2). Мы эти слова хорошо помним, нередко их и приводим, но мы их исказили, ограничили, и они в наших устах потеряли свою силу и высоту. Когда нужно обуздать и без того угнетенного, обличить в каких-нибудь пороках горем убитого, мы слова эти вспоминаем и громим порок; но, когда во всем этом, да и в несравненно худшем, повинны сильные мира сего, мы молчим, мы хоронимся, как в раковину, в фразу: политика – не дело христианства. Когда обижает и насильничает рабочий или подчиненный, мы его обличаем; а когда неистовствует фабрикант, разоряет страну и угнетает и без того бедных и загнанных какой-нибудь властелин наш, мы опять спешим к оправданию: политика-де – дело не христианское, от революции-де мы должны быть далеки. Когда вообще творится непотребное в мире и жизни, мы запрещаем; а когда непотребства, как из некоего рога, льются от владык разных наших, мы опять боимся их вразумить, ссылаясь на то, как бы не подорвать авторитета власти, не возбудить против них народ и т.д...

Нет, пора нам понимать и толковать христианство по слову Божию – во всей глубине и цельности, во всей его высоте и важности. Тогда не будет односторонности в его жизненном применении, тогда не будет и вопроса об отношении христианства к политике. Христианство – целостная вера, охватывающая и проникающая человека во всех его сокровенных потаенностях и во всех его многоразличных и сложных общественных организациях; следовательно, и политика у христиан должна корнями своими углубляться в христианские основы, из них брать свои соки и питание и на этой почве расти. **Политика у христиан может быть только христианской.** А политика своекорыстная, эгоистичная, политика выгоды партии или лиц известных классов и состояний, о чем говорили мы в начале этой статьи, она отпадет, исчезнет, как неистинная, она потеряет под собою почву.

А когда христианская политика станет единственной, то ни к какой революции незачем будет прибегать. Ведь если мы всмотримся в прошлое, в обстоятельства появления всякой исторической революции, то с несомненностью убедимся, что потому и тогда возникала всякий раз революция, когда не бывало заметно в политике государства никакого христианского проникновения, а царили произвол, своеволие, свои собственные расчеты и интересы сильных правителей, когда забывались личности людские и их счастие, а господствовало поклонение идолу чрева своего. Христианство, следовательно, не только не ведет, в его соприкосновении с политикой, к насилию и революции, а наоборот – предотвращает в политике возможность революции, отсекает все причины и обстоятельства возникновения ее.

Верность, жизненную истинность этого вывода подтверждают современные события в России. Кажется, всеми признан революционный характер этих наших событий и причины к нему указываются почти единодушно одни и те же: это господство в политике последних лет личного произвола на основе собственного усмотрения и прожектерства, подавление личности в гражданах в целях эксплуатирования их для пользы некоторых лиц и классов населения, то есть господство политики не идейной, а своекорыстной. И как только началось это революцион-

ное движение, так отовсюду – от мирян и от духовенства – раздались голоса, обвиняющие Церковь Православную, веру христианскую в том, что была допущена такая политика, что она не была прежде освещена светом Христовой братской любви, что христианство было все время бездейственно и от жизни удалено и т.п. В свою очередь, и правительство взывало к вере, как к средству подействовать на усмирение мятущихся, то или другое разъяснить им, смягчить их сердце и предъявляемые ими требования и т.д. Таким образом, всеми в наши же дни признана необходимость того или иного воздействия христианства на жизнь и на политику. Это признание – отголосок когда-то бывшей действительности; оно свидетельство для христианства его жизненного значения даже в периоды революционных движений в государствах. И действительно, если бы в нашем Отечестве христианская вера была с постоянным, беспристрастным словом просвещения, вразумления, обличения и запрещения, то мы не переживали бы такого страшного, бедственного, кровавого года, как истекший. Значит, само наше настоящее бедствие раскрывает пред нами всю важность христианского воздействия на политику, пользу для народа в христианской по характеру, направлению и целям политике...

Но христианская политика для своего жизненного воплощения потребует общественного служения от пастырей Церкви. Ведь христианство в жизнь и в политику могут и должны проводить главным образом первые служители и представители христианства – пастыри Церкви. Но вправе ли они это делать? Входит ли это в круг их обязанностей? Не противоречит ли это их прямому служению – спасению душ людских?

Все это большой важности вопросы, и обстоятельный ответ на них должен быть предметом особой речи.

Ссылки

[1]Берсье. Евангельский образец отношений Иисуса Христа к политико-общественным делам. – Странник, 1878, май, с. 112,117.

[2]Сокольский В., свящ. Евангельский идеал христианского пастыря. Казань, 1905, с. 214.

[3]В Евангелии Царствие Небесное и Царствие Божие – синонимы; первое употребляет преимущественно святой евангелист Матфей; но другие евангелисты в тех же случаях употребляют слова "Царство Божие".

[4]Гусев А. Ф. О сущности религиозно- нравственного учения Л.Н.Толстого. 2-е изд. Казань, 1902, с. 212,214.

[5]Проф. Аквилонов Е.П. Христианство и современные события. СПб., 1905, с. 17-18.

Священник М. П. ЧЕЛЬЦОВ

О статье отца Михаила Чельцова "Христианство и политика"

Не раз уже отмечалось, что современная духовная ситуация во многом напоминает ситуацию в России начала века. Манифест от 17 октября 1905 года, последовавший за известными революционными событиями и даровавший стране свободы совести, слова, собраний и союзов, знаменовал вступление русского общества в эру политической жизни. Перед Русской Православной Церковью встала серьезная проблема определения своей линии поведения в новых условиях. Допустимо ли для Церкви участвовать в таком сугубо земном и в достаточной мере "грязном" (даже по чисто мирским меркам) деле, каким является политика? И если да, то в каких формах допустимо это участие для служителя Церкви?

Положительный ответ на первый вопрос был в то время в церковной среде преобладающим. Это объяснялось накопившимся за почти 200 лет недовольством синодальным строем управления Церковью, приведшим ее к подчинению государству и обрекавшим пастырей на пассивность в социальных вопросах. Однако в вопросе о формах участия в политике священнослужителей мнения высказывались самые разные.

Публикуемая выше статья священномученика отца Михаила Чельцова († 1931; см. о нем: ЖМП, 1993, 10, с. 36-48), написанная в 1906 году и опубликованная в журнале "Христианское чтение", интересна как выражение взглядов горячего поборника церковных реформ, испытывающего боль за состояние Русской Церкви, во многом утратившей свое прежнее влияние на жизнь общества. Главной причиной такого положения дел отец Михаил видел в отсутствии у Церкви положительного религиозно-социального идеала, в ее небрежении о земном, тогда как "христианство с его постоянною заботой о насаждении в отдельных душах Царства Божия не может быть равнодушным к тому, какие отношения в обществе между его членами устанавливаются и существуют... А так как эти отношения устанавливаются политикой, то, значит, для христианства далеко не безразлично направление, дух и характер данной, известного времени политики... политика... целию своей должна иметь служение делу Царствия Божия, а идеалом – идеал христианского государства".

При этом отец Михаил хорошо сознавал опасность соединения христианства с политикой, при котором оно "может потерять свою чистоту, спуститься с надлежащей для него высоты, омирщиться или, что еще хуже, стать партийным". По этой причине он отвергал для служителя Церкви занятия политикой активной, непосредственно направленной на скорейшее достижение сиюминутных политических целей. Заниматься политикой в его понимании – это осуществлять общий контроль над ней с точки зрения христианских идеалов, быть для нее наставницей и совестью. "При таком участии в политике не будет никакой опасности для христианства стать партийным: оно будет выше всех партий".

И еще раз в истории нашей страны вопрос об отношении Церкви к политике ставился примерно в той же плоскости, как в настоящее время, именно в первые месяцы после падения самодержавия. На страницах церковной и светской печати, на различных собраниях вопрос этот вновь и вновь горячо обсуждался. Приведем в качестве иллюстрации отрывок из статьи "О христианском отношении к современным событиям" (Русская свобода, 1917, 5), принадлежащей замечательному русскому философу, участнику Собора 1917-1918 годов от мирян князю Е. Н. Трубецкому. Выступая как против "религиозного политиканства", связывания непреходящих христианских ценностей с преходящими политическими формами социального бытия, так и против "религиозного аполитизма", Трубецкой писал: "По сравнению с христианским идеалом всеобщего единомыслия и единства всех в любви, та область, где происходят политические споры, есть область низшая. Как же помирить этот идеал с деятельным участием в политической борьбе, которая немыслима иначе, как при условии вступления христиан в различные и враждующие между собою политические партии? Вопрос этот решается различно, но на некоторых наших религиозных собраниях мне уже приходилось слышать мнение, что вступление в какие-либо политические партии для духовенства безусловно недозволительно.

Тут есть прежде всего очевидная непоследовательность: если вступление в политическую партию считается актом, противоречащим христианскому идеалу, то оно должно считаться недозволительным не только для духовенства, но и для мирян. Но кроме непоследовательности в данном рассуждении есть и другая ошибка: она заключается в распространении требования единомыслия на ту область, где она вовсе не обязательна.

Христианство требует от нас единомыслия относительно основной цели жизни, а вовсе не относительно средств и способов ее осуществления. Бог есть Любовь, а потому любовь должна осуществляться во всех человеческих делах. Вот цель, в стремлении к которой мы должны быть единомысленны; но в вопросе о средствах, о способах осуществления этой цели не существует каких-либо общеобязательных рецептов. Тут открывается величайший простор индивидуальным мнениям.

Мы должны помочь нуждающемуся, в этом христиане должны быть согласны между собою. Но как и чем помочь, в этом вопросе могут быть разногласия, тут самое любящее отношение к ближнему совместно с величайшими разногласиями. Один, положим, находит, что бедняку нужно оказать денежную помощь; другой думает, что полезнее для данного лица – дать ему возможность самому заработать хлеб; третий полагает, что тут нужен просто добрый совет или педагогическое воздейст-

вие, – все эти способы осуществления любви могут быть сложны, но при этом – каждое из спорящих мнений может диктоваться искренним человеколюбием.

Тем более спорным является вопрос христианской политики – как помочь народным массам. С христианской точки зрения бесспорно одно – я должен любить мой народ; но каким способом я должен осуществлять эту любовь, – должен ли я ради нее требовать монархии или республики, обобществления земли или индивидуальной земельной собственности, – на это христианство каких-либо общих рецептов не дает...

Отсюда видно, что и спор о способах осуществления деятельной любви не нарушает обязательного для христиан единомыслия относительно целей жизни. Мы можем сколько угодно спорить об этих средствах и, поскольку спор касается политики, делиться на партии и все-таки оставаться верными христианскому идеалу. Противен любви не этот спор, а скорее уход от политической борьбы в минуту крайней опасности для родины, и в особенности – для торжества правды в общественной жизни. В спокойные, тихие времена "политика" может быть предоставлена профессиональным политикам; но в такие минуты, как нынешняя, должна действовать всеобщая политическая повинность, нравственно столь же обязательная, как и повинность воинская...

Есть только один уход от общественной деятельности и политической борьбы, который оправдывается во всякое время, при всяких условиях, это – всецелый уход от мира, от его соблазнов и радостей, ибо такой уход, в свою очередь, может быть величайшим актом любви, той любви, которою мир спасается. Уход от мира святых отшельников и подвижников, которые высоко возносятся над землею в молитвенном подъеме и других за собою поднимают, есть высший подвиг любви, ибо в их жизни осуществляются слова Спасителя: *Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). Сидение Марии у ног Иисуса есть явление высшей духовной красоты. Но если, не имея духовной высоты Марии, человек уходит от любящих забот о своем народе, оправдывая свое бездействие нежеланием походить на Марфу, он этим обнаруживает холодность сердца, т. е. отсутствие того самого, что в человеке всего дороже".

Сравнивая высказывания отца Михаила Чельцова и князя Е. Н. Трубецкого, мы видим, что, совпадая в смысле безоговорочного признания возможности, а иногда и необходимости занятия политикой для христианина, они существенно расходятся в вопросе о допустимых формах политической деятельности. Заметим, что вопрос этот становится особенно трудным в условиях общественной нестабильности, на крутых поворотах истории: то, что было полезно для Церкви еще вчера, может оказаться вредным сегодня, и наоборот. Тем более важно при решении такого рода вопросов спасительное руководство Церкви; в противном случае церковный деятель, еще вчера политической деятельностью приносивший пользу Церкви, рискует превратиться в одержимого политическими идеями человека, компрометирующего Православие.

Важно подчеркнуть также, что какие бы политические мнения и симпатии ни имели те или иные члены Церкви, это их личные мнения; представляется особенно недопустимым, когда делаются заявления от имени Церкви, а личные взгляды выдаются за "точку зрения Православия".

Е. ПОЛИЩУК

Подлинное отношение христианства к коммунизму

Неоднородность современного российского общества вызывает у православных христиан законную потребность выработки четкого отношения к каждому общественному движению, к каждой общественной структуре. Любое человеческое объединение характеризуется вполне конкретным господствующим духом, как говорят ныне, "ментальностью". Православие же всегда в высшей степени ревностно относилось к чистоте своих риз, заботилось о сохранении духа истинно христианского апостольского вероучения. Вопрос об отношении церковного христианства к коммунизму в этой связи ничуть не менее актуа-

лен, чем вопрос об отношении к оккультизму, кришнаизму или наблюдаемому в наши дни массированному инославному прозелитизму.

Существует мнение о наличии некой духовной связи двух мировоззрений – христианского и коммунистического, о каких-то "общих корнях" Русского Православия и русского коммунизма. Распространение в недавнем прошлом подобных измышлений было прямой духовной агрессией, фальсификацией христианства, сугубо опасной при вероучительной неискушенности значительной части православных русских людей.

Следует сказать несколько слов об истории вопроса. "Христианствующему" коммунизму, пожалуй, столь же лет, сколько и христианству. И Церковь на протяжении всей своей истории осуждала его как злостную ересь и беспощадно изгоняла вон из своей ограды. Русские мыслители тоже вели борьбу с распространением этого яда в умах соотечественников. Сокрушительное поражение подобным идеям нанес замечательный мыслитель и духовный деятель, новомученик Российский, протоиерей Иоанн Восторгов († 1918). Резко выступал против коммунистических фальсификаций христианства философ И. А. Ильин [3], который, как известно, даже отказывался называть Россией коммунистический СССР. В наше время академик И. Р. Шафаревич в своем труде "Социализм как явление мировой истории" четко проследил историю религиозно-коммунистических движений, заливавших кровью и грязью всю Западную и Восточную Европу. Но миф о духовном родстве и идейной близости христианства с коммунизмом упорно возрождается вновь и вновь. Следовательно, имеется потребность снова и снова доказывать его несостоятельность.

I

Вполне естественно начать с определения отношения христианства к богоборческой идеологии, каковой является марксизм-ленинизм как наиболее последовательное и логически завершенное коммунистическое учение. Эта последовательность и завершенность марксизма-ленинизма значительно упрощает задачу. Не обязательно даже углубляться в историю Церкви советского периода. Достаточно вспомнить основные положения "диалектического и исторического материализма", перечитать одну-две работы Маркса, Энгельса, Ленина, чтобы раз навсегда понять: всякое утверждение об "идейном родстве" или "духовной близости" марксизма-ленинизма как коммунистического богоборческого учения и христианства просто абсурдно. И Русская Церковь недвусмысленно провозгласила:

Отрицающим бытие Божие и утверждающим, яко мир сей есть самобытен и вся в нем без Промысла Божия и по случаю бывают, – АНАФЕМА.

Отмещущим бессмертие души, кончину века, Суд будущий и воздаяние вечное за добродетели на небесех, а за грехи осуждение – АНАФЕМА.

Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в них не изливаются, и тако дерзающим противу их на бунт и измену – АНАФЕМА [1, с. 27-31].

II

Более обстоятельного рассмотрения требуют рассуждения сторонников имущественного уравнительства, которые можно называть "стихийным коммунизмом". Такие настроения по видимости не затрагивают основ религиозного мировоззрения; носителями их бывают и люди верующие, и даже священнослужители. Суть этих настроений – в решительном неприятии общественной несправедливости – существования богатых и бедных. Причем это продиктовано отнюдь не забо-

той об улучшении положения бедных – речь идет не о какой-либо социально ориентированной государственной политике, имеющей целью улучшение жизни неимущих. Именно само существование богатых и бедных вызывает решительное противодействие души; ликвидация имущественного неравенства, и непременно в масштабе общенародном, – вожделенная мечта коммуниста-уравнителя. Нередко привлекаются "религиозные" аргументы: якобы Бог "ненавидит" богатых, якобы уравнительная мечта есть идеал "правды Божией".

Побуждения, заставляющие клеветать на Бога, – те же самые, что и при всяком отпадении в идолопоклонство. Душа, ослабленная грехом и подстрекаемая диаволом, не приемлет истинного Бога, Который сотворил мир и дал заповеди ко спасению, и постепенно теряет способность воспринимать слово Божие, все, чему учит Церковь. Носители уравнительно-коммунистических настроений отчетливо сознают: для осуществления их мечты о "справедливости" необходимо отнять у богатых то, что им принадлежит. Они не вспоминают, просто не желают вспоминать, что говорит об этом слово Божие: *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближняго твоего* (Исх. 20,17).

Это – десятая заповедь Божия, которая, в числе некоторых других, упорно отвергается жаждущей "справедливости" душой. О какой же Божией правде или справедливости смеет говорить тот, кто попрал в своем сердце заповедь Бога?! Преступающий одну заповедь преступает весь закон Божий, являясь, таким образом, богоотступником и богоборцем (см.: Иак. 2, 10–11). На это не мешало бы обратить внимание тем, кто объявляет уравнительные вожделения сущностью "русской народной души". Уравнительная босяцкая психология есть на самом деле злокачественное вырождение духа, есть служение мамоне, ибо ничто доброе не может быть утверждено на сознательном отвержении Божией заповеди. "Быть христианином и вместе быть социалистом невозможно, как нельзя в одно и то же время служить Богу и сатане" [2, с. 147].

Уравнительные вожделения цепки и агрессивны. Произвольно толкуя некоторые места из Нового Завета, приверженцы коммунистической идеологии пытаются атаковать умы христиан с теологических позиций. Так появляется порождение "стихийного" коммунизма – коммунизм "богословствующий".

"Богословствующий" коммунизм опирается на следующие бытовые стороны жизни Первенствующей Церкви:

Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого (Деян. 2, 44-45).

У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее (Деян. 4,32).

Из этого делается категорическое заключение о необходимости полного обобществления имущества христианами. Утверждается, что отсутствие имущественной общности, наличие частной собственности есть серьезное нарушение в жизни христиан, которое требует решительного устранения [5, с. 162-164].

Если коммунизм "стихийный" можно отнести к разряду обычных человеческих заблуждений, то коммунизм "богословствующий" имеет налицо признаки вероучительной ереси. Ибо всякая ересь начинается с произвольного выхватывания и возведения в догму отдельных положений Священного Писания, что сопровождается непременным извращением или затушевыванием того главного дела, ради которого Господь наш Иисус Христос пришел на землю, ради которого Он основал Церковь Свою и которому имя – СПАСЕНИЕ. Православная же христианская Церковь обо всех явлениях судит по их отношению к спасе-

нию души человеческой. Значит, чтобы оценить притязания "богословствующего" коммунизма, нужно определить, какое отношение он имеет к делу спасения.

Приносит ли плод спасения само по себе отсутствие собственности? Очевидно, нет.

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1 Ин. 4,16). Для спасительного восстановления в нас образа Божия и соединения с Богом в жизни Вечной Господь дал нам заповедь любви: любить Господа Бога своего и любить ближнего, как самого себя (см.: Лк. 10, 25-28). Люби Бога – и Он спасет тебя, люби ближнего – и будешь угоден Богу. Если мы любим Бога, то все, что Он повелевает, будем делать с радостью и заповеди Его соблюдем (см.: Ин. 14,15). Но если нет в нашем сердце любви к Богу и ближнему, то никакое внешнее благовидное дело, никакой отказ от собственности не будет нам во спасение, как и Апостол утверждает: *И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13,3).

"Христианский" коммунизм, настойчиво апеллирующий к приведенным выше местам из Книги Деяний, по слепоте своей не видит там слов о том, что составляло благодатную спасительную основу первохристианской общины: у первохристиан *бе сердце и душа едина*, все члены общины были преисполнены любви к Богу и друг к другу. Всякое имущественное обобществление без благодатной любви – ничто для спасения. Такой коммунизм, по меткому слову отца Иоанна Восторгова, "так же далек от христианства, как далеко, например, обыкновенное употребление вина и хлеба от Таинства Причащения, как далеко купанье ребенка в ванне от Таинства Крещения" [2, с. 71-72]. Равнодушие "богословствующего" коммунизма к вопросу о спасительности своих идей выдает его внутреннюю чужеродность христианству, озабоченность лишь делам века сего, в основе которой – все та же уравнительная психология и приверженность мамоне.

Но, может быть, отказ от собственности и обобществлении имущества есть исполнение Божией заповеди, которую любящий Бога христианин и исполняет с радостью сердечной? Ведь говорит же Господь богатому юноше: *...пойди, продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19,21). Не является ли, таким образом, отказ от собственности необходимым следствием любви ко Господу и, напротив, не является ли тяжким грехом неисполнение этого призыва Спасителя?

Сторонники коммунизма видят в этих словах Господа наиболее сильную опору для своих выводов и предложений. Но как раз это-то и обличает "христианский" коммунизм как вероучительную ересь.

Православная Церковь, как известно, отвергает произвольное толкование Священного Писания. Прерогатива толкования принадлежит лишь Церкви, и наше понимание любого священного текста не должно идти вразрез с церковным его толкованием. На протяжении двух тысячелетий Церковь никогда не толковала означенный призыв Господа как заповедь, подлежащую непременному исполнению. Дух Святой, обитающий в Церкви, точно указывает ей меру человеческих сил и человеческого несовершенства. И Церковь, как водимая Им, не примет, отторгнет любое толкование, могущее повредить душе и погасить в ней желание спастись, – от кого бы это толкование не исходило. Святая Церковь учила и учит, что пагубно не богатство само по себе, – пагубен грех сребролюбия, столь часто богатству сопутствующий. Церковь зовет нас всемерно противиться зарождению в сердце страсти любостяжания: *Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца* (Пс. 61,11). Призыв же Господа продать имение свое и раздать его всегда толковался не как заповедь, а как указание на один из путей ко спасению, – путь короткий и верный, но крайне трудный и тернистый. Вот и богатый юноша, в

душе которого любовь к богатству пересилила любовь к Богу, с печалью отходит от Господа, за чем следует предупреждение Иисуса Христа о том, как труден путь богатых людей ко спасению: *истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19, 23-24).

Путем добровольной нищеты и нестяжательства шли и идут монахи, пустынники, странники, но разве всем это по силам? "Спаситеся богатые милостынею, спаситеся убогие терпением, спаситеся все люди любовию – так всегда учили христианские наставники" [2, с. 107]. И полное обобществление имущества было далеко не во всей Первенствующей Церкви, а лишь в ее Иерусалимской общине [2, с. 73], да и там вскоре прекратилось.

Поэтому всякие разговоры о какой бы то ни было "нормативности" коммунистических отношений для христианского общества [5, с. 162-164] есть несомненная ересь, есть весьма вредный духовный обскурантизм. И церковного врачевания требует не отрицательное отношение к уравнительно-коммунистическим претензиям, а льстивые мудрования "христианского" коммунизма, основанные на заключениях собственного несовершенного рассудка, а не на церковном толковании Евангелия, – такие мудрования являются сознательной или неосознанной хулой на Святого Духа.

Духовная неоднородность общественной среды – одна из опасностей сегодняшней непростой жизни православных христиан. Современные "самаряне" и "моавитяне" живут и работают рядом с нами, мы общаемся с ними повседневно и повсеместно, что не может не быть причиной постоянных искушений. Поэтому особое значение для нас сегодня приобрели слова Апостола: *не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они* (1 Ин. 4, 1). Наше совместное существование и сотрудничество с людьми иного духа будет тем безопаснее и тем плодотворнее, чем более бдительно и настороженно мы будем относиться ко всему, что сегодня видим, слышим и читаем.

Литература

1. Последование в Неделю Православия. СПБ., 1904.

2. Восторгов И. И., протоиерей. Социализм при свете христианства. М., 1913.

3. См.: Ильин И. А. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России. Т. 1-2. М.: МП "Рарог", 1992.

4. См.: Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. – В кн.: Есть ли у России будущее? М., 1991.

5. Карелин Феликс. Как не жить братии вкупе! – Наш современник, 1990, №12.

Николай БОЛЬСУНОВ

Повинуясь велению времени

Выдающийся русский зодчий и скульптор-монументалист Василий Дмитриевич Ермолин жил в то время, когда Русь, по выражению Александра Блока, обливаясь "черной кровью", одновременно сражалась с врагами и строила свою государственность – это было время объединения русских земель в Московское государство.

Единение сил русских пало на плечи тех городов и тех людей, которые на себе испытали смертельную пагубность усобиц. Не могли сделать этого ни Новгород Великий, ни Смоленск, которых не коснулись татарские мечи и ветры пожаров. Эти города не знали горького плача по выжженным землям и поголовно выбитым селам и городам – "от старца до сосущего младенца", как кратко и предельно точно написано об этом в летописях.

При московском князе Иване Калите началось возвышение Москвы, при нем в Москву из Владимира была перенесена митрополичья кафедра. Иван Калита хитростями, интригами, задабриванием ханов в течение трех десятилетий ограждал землю Московскую от татарских погромов.

Много сил положил основатель Свято-Троицкого монастыря под Москвой Преподобный Сергий Радонежский на алтарь освобождения Родины от "поганых". Будучи духовником Великого князя Димитрия Донского, он сумел воспитать в нем воина, который повел войска на битву с Ордой.

Русские доказали, что они не рабами рождены, но время окончательной победы не приспело. Чтобы побеждать всегда, надо было быть едиными не только в день битвы.

Призыв Преподобного Сергия к единению, к победе над "ненавистной рознью мира сего" нашел отражение в творчестве великого иконописца Андрея Рублева, гениальное произведение которого "Троица" есть символ любви и единения. Он понял веление времени и выразил в "Троице" идею Преподобного Сергия Радонежского об объединении Руси.

Таковы были исторические задачи времени, в которое жил Василий Дмитриевич Ермолин. Эпиграфом к его яркой жизни можно поставить слова Н.В.Гоголя: "...призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны".

Точные даты жизни Ермолина неизвестны. Он родился в первой четверти XV века, когда жив был еще Андрей Рублев, а умер в последней четверти века, когда взошла звезда другого гения – живописца Дионисия. Ермолин был современником и участником выдающихся событий в жизни Московского государства. При нем произошло объединение Руси в централизованное государство. Он дожил до окончательного освобождения Отечества от татарского ига в 1480 году.

Ермолин происходил из старинного купеческого рода. Его предки жили в крымском городе Суроже (Судаке). Дед Василия Ермолина, по прозванию Ермола, очевидно, был в составе войска Димитрия Донского. Во всяком случае, он упоминается в связи с битвой на Куликовом поле. Купцы, как предполагают, исполнили после битвы важную задачу – они разнесли по Русской земле долгожданную весть о победе над врагом. Образно и поэтически повествует об этом событии "Задонщина" – выдающееся произведение древнерусской литературы, которое, возможно, читал в детстве Ермолин.

Георгий Победоносец. Фрагмент. Скульптор Василий Ермолин. Камень, 1464 год. Государственная Третьяковская галерея

Дед Ермолина, конечно, знал Димитрия Донского. Знал он и духовного наставника князя – Преподобного Сергия.

Знаменательно, что на старости лет он принял постриг в монахи в Троице-Сергиевой обители.

Отец Василия Ермолина мог рассказать своему сыну-подростку о жестокой междоусобной борьбе за великокняжеский престол, свидетелем которой ему пришлось быть. И, став взрослым, Василий Ермолин, коренной москвич, возьмет в этой борьбе сторону Великого московского князя.

Он стал участником и летописцем событий своей эпохи. В 1470-х годах он заказал список летописи ростовских митрополитов и сделал к нему добавления, отразившие события, в которых сам принимал участие.

Василий Ермолин был сторонником объединения всех русских княжеств под началом Москвы, он сознавал, что только таким путем можно было обезопасить русские земли от ордынских и западных – литовских и немецких – захватчиков. Он выступал также за решительные действия против поджигателей междоусобных войн. Ермолинская летопись, рассказавшая об основных событиях 1450 года, поведала нам о битве под Галичем войск московского князя Василия Темного с Дмитрием Шемякой. Боясь, что феодальная война перерастет в гражданскую, бояре и князья отошли от Шемяки и взяли сторону московского князя. Шемяка был разбит и бежал, а в 1453 году отравлен людьми Василия Темного.

В летописи Василий Ермолин выступает не как сторонний наблюдатель, а как живой участник событий, имеющий свою позицию. Когда он родился, Мос-

ковское княжество едва ли было больше нынешней Московской области. При нем оно подчинило себе Ярославское и Ростовское княжества, вятские земли. Ермолинская летопись рассказывает о визите в 1460 году Василия Темного с сыновьями Юрием и Андреем в Новгород Великий. Новгородцы чуть было не убили москвичей, так как пронесся слух, что гости отвлекают внимание, а старший сын московского князя Иван идет тем временем с войском, чтобы завоевать земли Господина Великого Новгорода.

Василий Дмитриевич Ермолин дождется и тех времен, когда Москва подчинит себе Псков. Увидит он и вечевой новгородский колокол, который, как пленник, связанный, будет привезен в Москву.

Силу и мощь Московского государства Василий Ермолин прославил своими трудами. Унаследовав богатое купеческое дело предков, он ярко проявил свой талант как подрядчик и автор целого ряда выдающихся сооружений, способствуя этим возвеличиванию, росту авторитета Московского государства.

В 1462 году на Московский престол сел сын Василия Темного Иван III. Тогда же новый Великий князь приказал начать строительные и восстановительные работы в Кремле. Подряд получил Василий Дмитриевич Ермолин. Такой выбор не был случайным. Ермолин, очевидно, и раньше вел строительные работы и зарекомендовал себя как талантливый зодчий.

В Ермолинской летописи за 1462 год есть запись: "Того же лета месяца июля 27, священа бысть церковь камена святый Афанасей на Москве, во Фроловских воротах, а придел у нея святый Пантелеймон, а ставил ее Василий Дмитриев сын Ермолин. Того же лета поновлена стена городная от Свиблова стрельницы до Боровицких ворот каменем, предстательством Василия Дмитриева сына Ермолина".

Позже Ермолин установил на Фроловской (ныне Спасской) башне со стороны Торговой (Красной) площади и с внутренней стороны Кремля каменные скульптуры Георгия Победоносца и Димитрия Солунского – покровителей русских воинов, разбивших татар на Куликовом поле.

В 1467 году Василий Ермолин вновь получил заказ на работы в Кремле. Он восстанавливал собор Вознесенского женского монастыря, построенный женой Димитрия Донского княгиней Евдокией.

В 1469 году ему было дано новое ответственное задание. Московский Великий князь, желая упрочить свое положение как преемника и продолжателя политики великих князей Владимирских, послал Ермолина для обновления церквей в древнюю столицу Северо-Восточной Руси город Владимир на Клязьме. "Того же лета во Володимери, – читаем мы в Ермолинской летописи, – обновили две церкви камены, Воздвижения на Торгу, а другую на Золотых Воротех, а предстательством Василья Дмитриева сына Ермолина".

Одновременно с работами во Владимире Ермолин приступил к возведению своего самого выдающегося сооружения – Трапезной палаты в Троице-Сергиевой Лавре, служившей затем одновременно помещением для парадных приемов именитых гостей. Нетрудно понять любовь Ермолина к этому монастырю – постриженниками Лавры были его дед, дядя и отец.

Построенная им Трапезная палата в "Троице", как любовно называли Лавру в народе, явилась новым словом в русском зодчестве. Это было двухэтажное здание, состоящее из нижней, "малой трапезы отцов" и верхней, "царской палаты", в которую вели прямо с земли несколько нарядных лестничных всходов. Путешественник XVII века Павел Алеппский оставил интересное свидетельство: "...в монастырях Московской земли более всего тщеславятся благолепием, величиною и обширностью помещения трапезных, кои бывают просторные, высокие, каменные..." С его слов, верхнюю Трапезу в Троице-Сергиевой Лавре отворяли только в присутствии царя. "Это трапеза как бы висячая, выстроенная из камня и кирпича

с затейливыми украшениями; посредине ее один столб, вокруг которого расставлены на полках в виде лесенки всевозможные серебряно-вызолоченные кубки". Рядом с Трапезной была выстроена каменная поварня, состоявшая из "братской поварни" и двух других помещений, где стряпали "в государев приход". Выдающемуся сооружению не повезло. Оно было разобрано в XVIII веке при строительстве нынешней колокольни Троице-Сергиевой Лавры. Подобием Трапезной палаты Ермолина является всемирно известная Грановитая палата Московского Кремля, построенная по ее образцу итальянскими зодчими.

Единственным напоминанием о древней Трапезной и поварне Троицкой Лавры служит небольшая икона Богоматери с Младенцем – "Одигитрия", вырезанная, как считают, самим Ермолиным. "Одигитрия" в переводе с греческого значит Путеводительница. Такие иконы часто вделывались в наружные стены церквей и монастырей. К ним с молитвой обращался путник, прежде чем тронуться в путь. Путеводительнице он клал свой земной поклон, благополучно возвратясь домой. Икона, вырезанная из мягкого известняка, может быть, и не дошла бы до нас, если бы в 1730 году не стала она чудотворной. Икона была снята со своего места и перенесена в специально построенную для нее по указу Анны Иоанновны церковь. Рассматривая вблизи этот барельеф, нельзя не отметить мастерство ее автора, заставившего "заговорить" камень.

В 1471 году обвалился свод Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском. Восстановление храма, построенного в 1234 году сыном Всеволода Большое Гнездо, было поручено Василию Ермолину. Георгиевский собор совершенно уникальное сооружение. Стены его сплошь покрыты резьбой по камню. Ермолин храм восстановил, но не таким, каким он был раньше. Сюжеты каменной резьбы были перепутаны, и ученым понадобилось много времени, чтобы определить, каково было первоначальное расположение их на каменном ковре Георгиевского собора.

В 1472 году вместе с Иваном Головой-Ховриным Ермолин начал строить главный храм Руси – Успенский собор Кремля. Достраивал собор Голова-Ховрин один, так как между ним и Ермолиным произошел разрыв. Псковские каменщики Кривцов и Мышкин что-то недоучли при строительстве, и почти возведенный собор рухнул, похоронив под грудами обломков Ивана Ховрина. Когда из Италии приехал выдающийся мастер Аристотель Фиоравенти, построивший нынешний Успенский собор по образцу Успенского собора во Владимире, Василий Ермолин занимался составлением летописи.

Одно из самых выдающихся произведений Василия Ермолина – скульптура Георгия Победоносца, очень любимого на Руси святого. Изображение его с копьем на коне было на древнейших русских монетах. Слово "копейка", кстати, произошло от копья Георгия. Георгий Победоносец как символ воинской доблести был в гербе Российского Государства и в гербе Москвы. Именем его назван самый популярный в России орден – Георгиевский крест.

В Ермолинской летописи за 1464 год есть запись: "Того же лета, месяца июля 15, поставлен бысть святой великий мученик Георгий на воротех на Фроловских, резан на камени, а нарядом Васильевым Дмитриева сына Ермолина". Через два года на тех же воротах "изнутри града" Ермолиным был поставлен резанный "в камени... великий мученик Дмитрей".

Изображения этих святых находились на Фроловских воротах до 1491 года, когда П.Солари и М.Фрязин начали их перестройку. Ворота были разобраны до основания; начали строить новую проездную башню, ту самую, которая сейчас называется Спасской. При разборке Фроловской башни скульптура святого воина Дмитрия Солунского погибла. Георгия Победоносца сняли и перенесли в Вознесенский монастырь, находившийся рядом с воротами, где была специально сооружена небольшая церковка во имя святого Георгия. Там скульптура находилась до начала XIX века, а затем ее перенесли в церковь святого Михаила Малеина.

Распятие. Камень, XIII век. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском

До нашего времени скульптура полностью не сохранилась. От нее уцелел лишь торс святого Георгия Победоносца, который находится в Третьяковской галерее.

Ермолинская скульптура простояла на Фроловских воротах ту четверть века, когда Москва готовилась к окончательному свержению татарского ига, объединяя русские земли в единое централизованное государство. Глядя на воинов Георгия и Димитрия, выросло и возмужало поколение русских людей, которое вышло в 1480 году через Фроловские ворота Кремля в поход против татар, шедших к Москве.

Татары так и не посмели дать бой. Стояние на реке Угре кончилось победой русских. Татары ушли восвояси. Курочка, которая несла для татар золотые яйца, как сказал Иван III ханским послам, умерла.

Георгий Победоносец Ермолина был главной скульптурой в Москве. Легко себе представить, какое впечатление произвела она, когда впервые предстала перед взором москвичей. Иконы с изображением Георгия не были редкостью, а вот

скульптура – непривычна. На Руси даже спустя сто лет скульптура вызывала удивление. В Псковской летописи за 1540 год сохранилась любопытная запись: "Ко Успению дню привезоша старцы, переходцы с иные земли, образ святого Николы да святую Пятницу на рези (резные)... в Пскове такие иконы на рези не бывали, и многие не вежливые люди поставиша та за болванное поклонение и бысть в людех молва великая и смятение".

Георгий Победоносец, стоявший на воротах, над которыми возвышались кресты надвратной церкви, не давал повода считать его установленным для "болванного поклонения", но в том, что "молва великая" была о нем, сомнения нет.

Представьте себе шумный торг на Красной площади во времена Ермолина. В праздничные дни здесь яблоку упасть негде, а сегодня большой праздник в Москве – освящают скульптуру Георгия Победоносца. Сотни подвод рядами стоят вдоль глубокого рва перед кремлевской стеной. В воздухе – крепкие запахи сена, конского пота, сыромятной кожи, браги. Кого только нет среди приезжих! Рязанцы привезли хлеб и шерстяную пряжу, вологодцы – деревянную посуду, пушнину, смоляне – лен, переславльцы – чернолощеную глиняную посуду, у туляков всегда толпятся молодые парни, выбирающие мечи и щиты... И вот показалось торжественное шествие. Это крестный ход из Сретенского монастыря к Фроловским воротам Кремля. Впереди несут чудотворную икону святого Георгия Победоносца.

"Егорий Храбрый – заступничек земли Русской и Москвы-города", – причитают странствующие богомольцы. "Ягорушка и наш помощник, – размашисто крестясь, отвечают приезжие крестьяне. – Он скотинку бережет". Подпрыгивая на одной ноге и оглашая воздух звяканьем вериг, молодой одноглазый Христа ради юродивый тонким голосом затянул:

Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали.
Егорий ты наш храбрый!
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым месяцем,
Под красным солнышком.
От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого...

На Фроловской башне появились митрополит и Великий князь Иван Васильевич. Наконец, процессия остановилась. Началась долгая торжественная служба...

Разъехавшись по своим городам и селам, люди еще долго потом вспоминали праздник в Москве, рассказывая подробности. К весеннему выгону скота на следующий год в праздник Георгия Победоносца по Русской земле прошли крестные ходы, хоть и не столь многолюдные, как в Москве, но со своими скульптурными изображениями святого Георгия. Общее между ним было одно – сила русская торжествовала над врагом, и символом этой силы был святой Георгий Победоносец.

Скульптура Ермолина – это не иллюстрация к сказанию о спасении царевны от ужасного змия. В его произведении нет ни самой спасенной, ни ее благодарных сородичей, высовывающихся из окон теремов, чтобы видеть сражение, как это часто можно видеть на иконах.

Рельефы стены Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Камень, 1230–1234 годы

В центре внимания скульптора – подвиг Георгия Победоносца. Ему удалось передать напряжение борьбы. Хотя бой еще идет, исход его ясен. Крылья змия поджаты, тяжелое тело извивается в смертельной агонии. Белый конь, символ победы, и фигура всадника – в стремительном движении, ощущение которого усиливает развевающийся плащ святого Георгия. Георгий крепко сидит в седле, наклонившись немного вперед и упираясь ногами в стремена. Левой рукой он натянул поводья, а правая с копьем занесена для последнего удара. Вздыбившийся конь бьет передними копытами чудовище, которое своим чешуйчатым хвостом опутало его задние ноги.

С учетом высоты ворот Ермолин сделал скульптуру святого Георгия больше, чем в натуральный человеческий рост. Ширина скульптуры у основания составляла почти четыре метра. Ничего подобного ни до Ермолина, ни после него в течение двух с половиной веков никто не создавал. И дело не только в размере. Ермолин был скульптором, далеко опередившим время. Он по-новому соединил два вида искусства – архитектуру и скульптуру. Синтез заключался в том, что он построил башню как пьедестал для скульптуры. Причем сделано это было не так, как европейские скульптурные памятники, рассчитанные на круговой обзор, а именно в русских традициях. Русская древняя скульптура являлась чем-то средним между плоской иконой и объемной скульптурой. Сделай Ермолин скульптуру объемной, это могло бы вызвать возражение Церкви и, может быть, скульптуру святого Георгия даже не установили бы на главных воротах Московского Кремля. Ведь произошел же такой казус в Москве полтора века спустя. В 1624 году англичанин Христовей Галловей надстроил над Фроловскими воротами каменную вышку для часов. Переход от башни к шатру он украсил четырьмя белокаменными скульптурами. Москвичам это не понравилось, и они сшили на "болванов" кафтаны-однорядки, придав скульптурам вид стрельцов, несущих стражу на башне.

Рассматривая старые фотографии ермолинского Георгия, можно отметить, что в нем много черт, роднящих его с деревянными скульптурами. Делал ли Ермолин только модель скульптуры, а каменотесы вырубали скульптуру, или всю работу от начала до конца выполнил один мастер, сейчас трудно сказать. Можно лишь предположить, что до того, как появилась эта скульптура, мастер, создавший ее, не раз, видимо, брался за резец. Вряд ли он рискнул рубить скульптуру из камня, не сделав пробный образец из более мягкого материала. Таким традиционным материалом на Руси было дерево. Любовь наших предков к дереву объясняется тем, что русские люди жили в окружении леса, с ним была связана вся жизнь.

В Ростове Великом и Юрьеве-Польском – городах, с которыми Ермолин был связан многими нитями, – сохранились две древние деревянные скульптуры святого Георгия Победоносца. По характеру трактовки образа эти скульптуры XV века близки скульптуре Георгия, установленной на Фроловских воротах. Не исключена возможность, что эти скульптуры и были пробными, изготовленными Ермолиным прежде.

Ермолинский Георгий не похож ни на одну западноевропейскую скульптуру с этими сюжетами. Там он чаще всего галантный рыцарь в дорогих доспехах на холеном коне, а у Ермолина – народный ратник, былинный Алеша Попович, севший на боевого коня, чтобы восстановить мир и справедливость на земле. Скульптура отличается подлинной демократичностью, близостью к тем городским посадским людям, представителем которых был и сам Василий Ермолин.

Русскому искусству присуща яркая национальная самобытность, выделяющая его в ряду искусств других народов. Уместно напомнить слова историка М.П.Погодина: "Откуда бы что ни приходило – русская печь все переваривала, и что из нее выходило, то было уже не иностранное, хотя и сходное кое с чем иностранным". Именно русским является и Георгий Победоносец Ермолина.

Василий Ермолин жил в тревожное время. Как художник и гражданин, он не мог стоять в стороне от решения главного вопроса жизни русского народа – освобождения от татаро-монгольского ига. Он отразил в своем творчестве чаяния народные об этом освобождении, и потому имя его не следует забывать.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

Не умирать – побеждать!

Уже в который раз Россия стоит на распутье.

Подобно былинному богатырю, она под пристальным взглядом всего мира выбирает себе дорогу: "Пойдешь налево... Пойдешь направо... А прямо пойдешь..."

В этой непростой ситуации ясно одно: России, по какому бы пути она ни двинулась, важно учесть опыт прошлого, лучшее, что накоплено ее многовековой историей.

И тут встает вопрос: что именно нужно учесть?

Историк А. Керсновский отмечал, что "в своем исполинском тысячелетнем деле созидатели России опирались на три великих устоя – духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии"*.

Известно, что Русская Православная Церковь относит деятельность, направленную на защиту Отечества, к разряду важнейших. В трудные времена духовные пастыри поднимали наших предков на борьбу с захватчиками. Жизнь и деяния Преподобного Сергия Радонежского, святого мученика Патриарха Гермогена и многих других деятелей Церкви – тому подтверждение.

В более поздние времена священники были введены в штаты воинских подразделений. Впервые военные пастыри появились на парусниках русского флота. Что касается сухопутных сил, то процесс формирования в них военного духовенства был более сложным и длительным; он завершился лишь к исходу прошлого века. Структура департамента отмечалась продуманностью и функциональной направленностью. Священники окормляли верующих в полках, в дивизионном звене их усилия координировал благочинный, на фронте – главный военный священник, а руководил их работой Духовный Совет во главе с протопресвитером. Число пастырей, находившихся в войсках, достигало пяти тысяч.

Военными священниками был накоплен опыт проповеднической работы с солдатами и офицерами, – опыт, которого, по-видимому, не имела ни одна армия мира.

Ныне, когда в России начинается реформирование вооруженных сил, появляется необходимость востребовать и использовать этот опыт. В наше смутное время, бесспорно, пригодилось бы умение военных пастырей гасить межнациональные распри, утверждая в воинских коллективах дух взаимоуважения, взаимопомощи и любви к ближнему.

Предлагаемые читателю главы со временем должны составить книгу "Молитвы земли Русской", которая может оказаться полезной военным священникам нового поколения.

Впервые военные священники появились на флоте. На суда назначались иеромонахи, в редких случаях – лица из белого духовенства. Старший, обер-иеромонах, являлся "начальным священником". Так зарождалось управление военным духовенством на флоте. Что же касается сухопутных войск, то здесь должность обер-полевого священника была введена значительно позже и распоряжения его имели силу только во время военных действий.

---

*Антон Антонович Керсновский родился в 1907 году в Одессе. В 1920 году вместе с русской армией эмигрировал. В 1934–1938 годах издал в Белграде четырехтомный труд "История русской армии". Умер от туберкулеза в 1944 году в Париже. Цит. по: От Нарвы до Парижа, 1700–1814 гг. М.: Голос, 1992, т.1, с. 5.

В 1800 году император Павел повелел, чтобы армейское духовенство и в мирное время подчинялось обер-полевому священнику. В скором времени обер-священнику было поручено руководить деятельностью священников военного флота. С 1858 года обер-священника называют Главным священником, его права были значительно расширены. Главный священник мог назначать и увольнять военных пастырей по своему усмотрению. В 1890 году было утверждено положение об управлении военным духовенством армии и флота, которое практически без изменений просуществовало до Октябрьской революции.

Первым обер-священником армии и флота был Павел Яковлевич Озерецковский (1800–1807). Он много сделал для улучшения быта военных священников и их семей. Сменивший Озерецковского Иоанн Семенович Державин (1807–1826) прославился как талантливый проповедник.

После него этот высокий пост занимал Павел Антонович Моджугинский (1826–1827). Его сменил Николай Васильевич Музовский, который управлял военным и морским духовенством свыше двадцати лет (1827–1848)...

В 1911 году Главным священником русской армии и флота был назначен протопресвитер Георгий Иванович Шавельский.

О Шавельском есть необходимость рассказать подробнее. И не только потому, что он – последний руководитель военного и морского духовенства. Детальное знакомство с его жизнью во многом позволяет не только представить, кто и как становился военным пастырем, но и узнать проблемы жизни военных священников, осознать побуждающие мотивы их деятельности.

Георгий Иванович Шавельский родился в 1871 году в Витебской губернии в многодетной семье дьячка. После окончания Духовного училища и Духовной Семинарии служил священником в бедном белорусском селе, одновременно учительствовал. От болезней умерла его жена, оставив дочь двух лет. Вскоре отец Георгий поступил в Духовную Академию в Санкт-Петербурге. Еще учась, он стал настоятелем Суворовской церкви, расположенной в Академии Генерального штаба.

Начинается русско-японская война, и отец Георгий едет на фронт. Служит в церкви Восточно-Сибирской дивизии, становится Главным священником 1-й Маньчжурской армии. В это время ему не раз приходилось бывать на поле боя, где он проявлял выдержку и личную храбрость, был тяжело контужен в бою. За ратные деяния отец Георгий отмечен орденами Святой Анны 2-й и 3-й степени с мечами, святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами, золотым крестом на Георгиевской ленте...

После окончания войны он возвращается в Санкт-Петербург, занимает невысокую должность члена духовного совета при протопресвитере военного и морского ведомств. Жизнь отца Георгия, как он сам писал, проходила в пределах трех "к" – кафедр церковной, школьной и кабинетной. Он занимался любимым делом, не мечтая о высоких постах.

После неожиданной смерти от рака протопресвитера отца Евгения Аквилонова судьба отца Георгия круто изменилась. Вчерашний полковой священник, он оказался на самой высокой должности, до которой мог дослужиться представитель белого духовенства, – протопресвитера военного и морского духовенства. В табели о рангах она приравнивалась к чину генерал-лейтенанта. Возглавив военных пастырей, Георгий Иванович получил право личного доклада у императора.

Должность была высокая и ответственная. Среди претендентов значились епископ Владимир (Путята) – его поддерживали императрица Мария Федоровна и великий князь Константин Константинович; настоятель Преображенского (всей гвардии) собора протоиерей Сергий (Голубев) – за него стоял влиятельный в петербургских кругах салон графини Игнатьевой; настоятель Сергиевского собора, председатель Духовного управления протоиерей Иоанн Морев – ему оказывал

протекцию командир Конвоя Его Императорского Величества князь Юрий Трубецкой; престарелый настоятель Адмиралтейского собора протоиерей Алексий (Ставровский), которого поддерживал морской министр Н. Григорович. Как видим, претенденты достойные, покровители высокие. Тем не менее победил малоизвестный отец Георгий. Он не имел протекции, но его характеризовала заслужившая высокую оценку деятельность во фронтовых условиях, а также степень бакалавра богословия (среди военных пастырей ее имели только три человека).

Именно на это и обратил внимание главнокомандующий Санкт-Петербургским военным округом (его мнение при выборе протопресвитера имело решающее значение). Пока шли разговоры, споры, он, получив одобрение Государя, специальным рескриптом просил военного министра ходатайствовать перед Святейшим Синодом о назначении протоиерея Г. Шавельского протопресвитером в военное ведомство.

Оказавшись во главе департамента, отец Георгий принялся за организацию работы военных пастырей. Особое внимание он уделял подготовке их к деятельности в боевых условиях. Общего руководства на этот случай не существовало, и каждый полковой священник выполнял свой долг в той мере, в какой он сам его представлял.

В 1913 году на основе личных впечатлений о русско-японской войне отец Георгий Шавельский выпускает небольшую книгу "Служение священника на войне". Писал он ее исключительно для военного духовенства, но книга вызвала большой интерес в обществе – сказалось и мастерство автора, и то, что впервые в печати серьезно и вдумчиво речь шла о такой важной стороне жизни войск. Казалось бы, простой вопрос: "Что делать священнику на войне?" Его служение можно было свести к минимуму, а можно было и расширять до бесконечности. На книгу с теплой рецензией неожиданно откликнулся в "Новом времени" выдающийся русский философ Василий Васильевич Розанов.

Вскоре отец Георгий предложил созвать съезд представителей военного духовенства от всех округов и флотов, чтобы сообща обсудить вопросы деятельности и быта священников. 1 июля 1914 года съезд открылся. На него прибыло 49 священников – 40 из войск и девять из флотов. Они разбились на 9 секций. Первая занималась составлением "Памятки военному священнику", вторая обсуждала вопрос о богослужениях, третья – об учительстве военного пастыря, четвертая – о библиотеках, пятая – о миссии в войсках, шестая – о правовом положении военного священника, седьмая – о благотворительной деятельности ведомства, восьмая – об организации церковно-свечного дела в ведомстве, девятая – о положении морского духовенства.

После десяти дней работы участники съезда были представлены Николаю II. Когда священники собрались на вокзале для поездки в Петергоф, отец Георгий услышал, как какой-то остряк из толпы "пошутил":

– Быть войне, вишь, сколько попов собралось...

Вскоре она действительно грянула. Конечно, отец Георгий не сумел воплотить все свои замыслы. Но главное – "Руководство священнику на войне" – он успел подготовить. И это положительно сказалось на работе военного и морского духовенства в годы первой мировой войны.

С ее началом у отца Георгия Шавельского появилась необходимость решать судьбу детей павших священников, обучать и воспитывать их. С фронтов стали прибывать раненые пастыри. Они нуждались в помощи – духовной и, естественно, материальной. В 1915 году в Ессентуках были приобретены три дома, а также 142 десятины земли в Старицком уезде Тверской губернии. В Ессентуках лечились раненые и больные, а на делянке началось устроение поселка для немощных и старых священников, а также приюта для увечных воинов. Тут предполагалось возвести 30–40 двухквартирных домиков, поставить церковь, открыть школу,

мастерскую, пасеку, разбить огороды. Работы начались в 1916 году, но были прерваны революцией.

Вот всего несколько эпизодов из жизни протопресвитера, которые, думается, позволят хорошо представить его не только как руководителя департамента.

Известно, что в предреволюционные годы на царскую семью огромное влияние оказывал Распутин. Вокруг него, свидетельствуют мемуары современников, собрались лица сомнительной репутации. Группировка эта приобрела такое значение, что имела возможность назначать и снимать министров, церковных пастырей, политических деятелей.

Тем не менее отец Георгий решил идти к императору, чтобы рассказать ему всю правду. "Я говорил, – вспоминал он, – о том, что в армии возмущаются развратом и попойками..." со "всякими темными личностями близкого царской семье человека; что в армии определенно говорят о легко получаемых через Распутина огромных подрядах и поставках для армии; что с его именем связывают выдачу противнику некоторых военных тайн; что таким образом за Распутиным в армии установилась совершенно определенная репутация пьяницы, развратника, взяточника и изменника; что, наконец, вследствие близости такого человека к царской семье поносится царское имя, падает в армии престиж Государя, – и то и другое может быть чревато последствиями"*.

Удивительно, но император не удалил отца Георгия Шавельского от себя, а, наоборот, приблизил: стал давать ему специальные поручения, требующие особого такта и выдержки. Узнав, что протопресвитер едет по делам в Москву, попросил от его имени встретиться с генералом Мрозовским: "Переговорите с ним. Только осторожно, чтобы его не обидеть. Дело вот в чем. До меня то и дело доходят слухи и жалобы, что он жесток в обращении с офицерами. Что за малейшие оплошности он слишком строго расправляется с офицерами, прибывающими с фронта. Мне жаль офицеров: на фронте они переносят Бог весть какие лишения, а приедут домой – и там несладко. Теперь все мы нервны, взвинчены: нельзя играть на разбитых нервах... Вы поняли меня? Все это осторожно и передайте ему..."**

Выполняя поручения Государя, наблюдая за его отношением к себе, Шавельский чувствовал растущее в душе напряжение: чем же все-таки завершится для него выступление против "всесильного старца"?

Примерно в это время произошел следующий эпизод: к протопресвитеру на прием пришел некий дьякон и подал конверт.

– Прочитайте!

– От кого письмо? – полюбопытствовал Шавельский.

– От Григория Ефимовича.

– От какого Григория Ефимовича?

– От Распутина.

На почтовом бланке большими каракулями было выведено: "Дорогой батюшка.

Извиняюсь беспокойство. Спаси его миром устрой его трудом

Распутин".

– Ничего не понимаю, – сказал после прочтения письма Шавельский.

– Григорий Ефимович просит вас предоставить мне место священника.

– Какое у вас образование?

– Восторговские курсы...

---

*Цит. по: Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954, т. 1–2.

**Там же.

Речь шла о пастырских курсах протоиерея Восторгова, о которых у отца Георгия сложилось невысокое мнение.

– В военные священники я принимаю только студентов Семинарии.

– Тогда дайте дьяконское место в столице.

– И сюда вы не пойдете, – твердо сказал протопресвитер.

– Ну, а в провинции? – спросил посетитель, не веря, что письмо Распутина не дает ожидаемого результата.

– Можно, – сказал Шавельский. – Но после экзамена. Завтра послужите в Сергиевском соборе службу, вас прослушает назначенный мной протоиерей, затем будет экзамен, который я лично произведу...

Посетитель ушел и больше не появлялся.

После отцу Георгию Шавельскому предлагали несколько раз повышение в церковных чинах, иные должности, дабы отдалить его от Ставки, от царя, но он отказывался.

...В 1913 году протопресвитер в составе делегации выехал в Лейпциг на торжества, посвященные столетию происшедшей в 1813 году битвы между войсками Наполеона и союзников. Ему также предстояло освятить сооруженный здесь в честь юбилея храм. Отец Георгий Шавельский попросил командировать вместе с ним протодиакона Константина Розова и синодальный хор.

Торжества начались 4 октября. Проходили они в кирхе, предоставленной лютеранами. Над останками павших героев была отслужена панихида с крестным ходом, они были перенесены в усыпальницу нового храма.

Утром следующего дня предстояло освящение храма, затем литургия и молебен. На молебен ожидали императора Германии Вильгельма.

Член делегации генерал Жилинский (тогдашний начальник Генерального штаба) боялся, как бы протодиакон Розов не оглушил высокого гостя своим басом.

– Скажите Розову, – просил он Шавельского, – чтобы он не кричал. У Вильгельма больные уши. Не дай Бог, лопнет барабанная перепонка – беда будет.

Шавельский передал это Розову. Тот обиделся:

– Зачем меня тогда взяли? Шепотом мне служить, что ли? Какая это служба? – ворчал он. – А что мне может быть, если я действительно оглушу Вильгельма? Из Германии вышлют? Я и так должен буду уехать. Нет уж, отец протопресвитер, благословите служить по-настоящему, по-российскому...

В конце литургии, когда певчие начали петь *Благочестивейшего...*, в храм вошли прибывшие из многих стран гости, среди них находился и император Вильгельм. Начался молебен. Могучим, сочным, бархатным басом протодиакон Розов чеканил слова, дивно пели синодальные певчие. Эффект умножала великолепная акустика храма. Церковь замерла, пораженная этим великолепием. Начались многолетия: первое – Государю Императору, Императрицам, Наследнику и царствующему дому. Второе – королю Саксонскому, императору Германскому, императору Австрийскому и королю Шведскому. Третье – воинству. Могучий голос Розова заполнил храм, его раскаты, качаясь, замирали в куполе. Этим раскатам вторили певчие.

Богослужение потрясло иностранцев. Император Вильгельм, об ушах которого так заботился начальник Генерального штаба русской армии, также был потрясен. Несколько раз в этот день он заводил разговоры о протодиаконе и хоре.

Узнав, что синодальный хор, возвращаясь в Россию, решил дать концерт в Берлине, Вильгельм не только сам приехал, но и привез капельмейстера своей капеллы. Войдя же в зал, он сразу задал вопрос:

– А будет ли петь Розов?

Пожалуй, в мемуаристике тех лет трудно найти характеристики русским солдатам и офицерам, написанные с такой любовью и правдивостью, как это делал в

своей книге Г. И. Шавельский. Вот что писал он о "нижних чинах", вспоминая события русско-японской войны: "Солдат 1914 года не утратил прежних исконных качеств русского воина: мужества, самоотвержения, верности долгу, необыкновенной выносливости. Но в солдатской массе теперь стало гораздо более сметливых, способных разумнее выполнить нужный приказ или поручение... Замечательный подвижник этот русский солдат! Каждый поручик мог вернуться с войны генералом; никому не известный до войны офицер мог сделаться знаменитым полководцем. Для солдата же высшей наградой могло быть: остаться живым и здоровым, вернуться к семье, и этой возможностью, этой мечтой он должен был жертвовать в каждую минуту своего пребывания на фронте. У офицера на войне одним из стимулов могло служить и честолюбие; у солдата – почти исключительным – совесть. Как же глубока и прочна была солдатская совесть, когда наш дореволюционный солдат бескорыстно, терпеливо и самоотверженно переносил все ужасы войны, прощал окупаемые солдатской кровью многие ошибки старших и покорно умирал за других. Одним из первых дел революции было то, что у солдата засорили его совесть, внушив ему, что нет суда человеческой совести, то есть Бога, что он должен жить для себя, а не для других, помнить о земле и забывать о небе"*.

А так отец Георгий характеризовал офицерское сословие: "Русский офицер был существом особого рода. От него требовалось очень много: он должен был быть одетым по форме, вращаться в обществе, нести значительные расходы по офицерскому собранию при устройстве разных приемов, обедов, балов, всегда и во всем быть рыцарем, служить верой и правдой и каждую минуту быть готовым пожертвовать своею жизнью. А давалось ему очень мало. Офицер был изгоем царской казны. Нельзя указать класса старой России хуже обеспеченного, чем офицерство. Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. И если у него не было собственных средств, то он, в особенности если был семейным, влачил нищенское существование, недоедая, путаясь в долгах, отказывая себе в самом необходимом. Несмотря на это, русский офицер последнего времени не утратил прежних героических качеств своего звания. Рыцарство оставалось его характерною особенностью. Оно проявлялось самым разным образом. Сам нуждающийся, он никогда не уклонялся от помощи другому. Нередки были трогательные случаи, когда офицеры воинской части в течение одного-двух лет содержали осиротевшую семью своего полкового священника или когда последней копейкой делились с действительно нуждающимся человеком. Русский офицер считал своим долгом вступиться за оскорбленную честь даже малоизвестного ему человека, при разводе русский офицер всегда брал на себя вину, хотя бы кругом была виновата его жена, и т. д.

В храбрости тоже нельзя было отказать русскому офицеру: он шел всегда впереди, умирая спокойно. Более того, он считал своим долгом беспрерывно проявлять храбрость, часто подвергая свою жизнь риску без нужды и без пользы, иногда погибая без толку. Его девизом было: умру за царя и Родину".

Запальчивость действительно приводила порой к неоправданным потерям, излишним смертям. И свою задачу отец Георгий видел в том, чтобы сдержать "горячую молодежь", направить ее энергию куда следует. В 1911 году, выступая в морском собрании города Либавы, на заверения председателя местного морского суда: "Передайте Его Величеству, что мы все готовы сложить головы свои за царя и Отечество" – он сказал: "Задача вашего бытия и вашей службы – не умирать – побеждать!"

---

*Цит. по: Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954, т. 1–2.

Его слова тогда ошеломили присутствующих.

...Во время посещения отцом Георгием Шавельским Твери его попросил о встрече офицер расквартированного здесь 1-го драгунского Московского имени императора Петра I полка. Когда протопресвитер остался с ним в кабинете, офицер неожиданно бросился на колени и со слезами стал умолять спасти его. Оказалось, что он год назад сочетался браком со своею двоюродной сестрой. Они ждут ребенка. Какой-то "доброжелатель" донес об этом, дело находится в Святейшем Синоде. Неминуем развод с насильным разлучением супругов.

Выслушав офицера, отец Георгий решил помочь ему. Но обратился он не в Синод, с которым у него не всегда ладились отношения, а к военному министру генералу Сухомлинову (ему и разводиться приходилось, и жениться второй раз). Генерал тоже дрогнул перед Синодом, но подсказал верный ход – обратиться к царю. Он это и сделал. Брак не был нарушен.

Отец Георгий был еще и отличным психологом, умеющим правильно оценивать людей и предвидеть их поступки. В 1911 году в Петербурге было закончено строительство храма в честь моряков, погибших в русско-японской войне*. Возник вопрос: кого назначить сюда священником? Кандидатур было несколько, протопресвитер стал их изучать, но вопрос решился самым неожиданным образом. Сенатор П. Огарев и председатель комиссии по постройке храма королева эллинов Ольга Константиновна, а также ее брат, Великий князь Константин Константинович, пожелали, чтобы священником назначили иеромонаха Алексия (Конечникова).

Протопресвитер хорошо знал священнослужителя с крейсера "Рюрик", даже ходатайствовал о награждении его наперсным крестом на Георгиевской ленте. Но он высказался против назначения отца Алексия в новый храм. Свое мнение он аргументировал следующим образом: "Конечников – якут, безусый, косоглазый – его нельзя отличить от японца". Было бы очень неудобно назначать в церковь, посвященную памяти убитых моряков, человека, которого по виду не отличить от жителей Страны восходящего солнца.

Но его советам не вняли. Члены императорской семьи настояли на своем. Ознакомившись с их мнением, отец Георгий улыбнулся.

– Вспомните мои слова: через два-три месяца будете просить о замене иеромонаха.

Случилось так, что через две недели, когда протопресвитер вернулся в Петербург из морского похода (он предпринял его, чтобы поглубже ознакомиться со службой священника на корабле), первым, кого он увидел, был сенатор Огарев. Тот улыбался:

– Вы, отец протопресвитер, ошиблись. Не через два-три месяца мы стали искать замену отцу Алексию, а через десять дней.

Увы, Шавельский оказался прав – Конечников не подошел этому храму, его заменили. Георгий Иванович, естественно, позаботился, чтобы в храме был достойный служитель. Его выбор пал на протоиерея Владимира Александровича

---

*Уникальный храм-памятник построен на народные средства в Петербурге на берегу Ново-Адмиралтейского канала, при впадении его в Неву. Автор проекта – М. Перетяткович. Эскизы мозаик храма исполнили В. Васнецов и Н. Бруни, каменные рельефы на фасаде – Б. Микешин. Внутри на стенах были закреплены копии судовых икон, под каждой помещалась бронзовая доска с именами погибших на этом корабле. По предложению моряков как запрестольный образ была помещена мозаика с изображением Спасителя, идущего по волнам, поэтому храм называли "Спас-на-Водах". Занавесой на царских вратах служил шелковый Андреевский флаг Квантунского флотского экипажа, всю осаду находившийся в Порт-Артуре и вывезенный на миноносце. Храм был разрушен (уничтожен) в 30-х годах.

Рыбакова, выходца из старинного рода потомственных священников (его родитель, отец Александр, являлся депутатом Государственной думы). Отец Владимир был чрезвычайно образованным человеком, знал десяток языков, стал магистром, а затем и доктором богословия. Во время первой мировой войны он являлся заместителем Шавельского, служил в церкви царской ставки, находящейся в Могилеве. После революции отец Владимир оказался свидетелем взрыва храма Спаса-на-Водах; сам он был арестован чекистами, тяжело заболел и умер.

...Являясь лицом духовным, отец Георгий тем не менее был в курсе всех мирских проблем и, решая их, проявлял политическую мудрость и взвешенность. Как-то жители Кишинева передали ему две тысячи рублей, собранные для поляков-беженцев. Конечно, деньги можно было бы просто разделить, тем более что в прифронтовой полосе бродило много несчастных поляков, вырванных войной из родных домов. Но протопресвитер рассудил, что эта акция, если ее правильно организовать и провести, сможет оказать положительное влияние на сближение солдат католической и православной веры. Он решил передать деньги лично римско-католическому архиепископу Варшавы Александру Каковскому.

Встреча эта состоялась и, как следовало ожидать, имела миротворческий резонанс. Она помогла снять многие имевшиеся в Варшаве проблемы. В частности, тогдашних жителей столицы Царства Польского очень беспокоило засилье немцев в руководстве. Александр Каковский назвал имя бывшего генерал-губернатора Скалона, вновь назначенного генерал-губернатора Эссена, губернатора Корфа, обер-полицмейстера Мейера, президента Варшавы Миллера...

Вскоре ситуация не без помощи Шавельского изменилась – на должность Варшавского генерал-губернатора был назначен генерал князь Енгалычев, начальником его канцелярии стал князь Оболенский.

А вот еще один эпизод из жизни Шавельского, – эпизод, который получил всероссийское звучание.

"23 сентября я прибыл в Севастополь. По просьбе заведующего авиационной школой полковника С. И. Одинцова я в шесть часов утра 24 сентября прибыл на аэродром (в 5–6 верстах от Севастополя). Там уже были собраны летчики – офицеры и солдаты. Я сказал им несколько слов и благословил их. Начались полеты. А потом офицеры, окружив меня, начали просить, чтобы и я полетел. Как было отказать им? Откажись, они, пожалуй, объяснят отказ трусостью, боязнью подвергнуть себя опасности... И я согласился. Меня усадили на аэроплан, и я с летчиком, штабс-капитаном лейб-гвардии саперного батальона сделал над аэродромом на высоте 450 метров три круга. Когда я садился на аэроплан, у меня невольно явилась мысль: что-то сказал бы Николай Иудович? Уж на аэроплане-то никто из духовных лиц никогда не летал".

Тут надобно сделать небольшое отступление и объяснить, кто таков Николай Иудович, на которого ссылался в своих воспоминаниях Шавельский. Н. И. Иванов – генерал русской армии. В свое время он командовал Киевским военным округом и запомнился Шавельскому тем, что на просьбу разрешить ему пользоваться автомобилем ответил решительным отказом: "У нас духовные лица на автомобилях не ездят. Если вы поедете, то такой соблазн будет, такие разговоры пойдут. Сами не возрадуетесь... Возьмите мою пролетку".

В Петербурге полет протопресвитера военного и морского духовенства на самолете породил массу разговоров. Многие сочли его недостойным духовного лица. В некоторых печатных изданиях, особенно в "Колоколе", началась настоящая травля отца Георгия. Да что там газеты! В Академии Генерального штаба профессора разделились на две группы; большинство, правда, было за отца Георгия.

Любопытно, что когда эта история стала известна Николаю II, то между ним и отцом Георгием произошел примерно следующий диалог:

– За этот полет я бы не похвалил вас, – сказал император.

– Почему?

– Да есть такие вещи, которые просто не идут к лицу. Представьте, что, например, я полетел бы на аэроплане.

– Это другое дело, Ваше Величество. Вам не подобает летать потому, что летающий подвергает свою жизнь опасности. А если бы я разбился, вы назначили бы другого протопресвитера, этим и был бы ликвидирован инцидент...

Но какую бы реакцию ни вызвал полет Шавельского на аэроплане, думается, он говорит о его смелости не только как человека, но и лица духовного.

Заботясь о повышении нравственного воспитания солдат, Шавельский написал докладную записку, в которой предложил организовать культурно-просветительные кружки. В них могли бы входить священники, врачи, местная интеллигенция – все, кто мог разоблачить сектантов, а также других людей, выступающих против войны. Опыт организации подобного кружка уже имелся – он существовал в Жмеринке, возглавлял его военный священник протоиерей В. Грифцов.

Проект отца Георгия долго блуждал по коридорам власти и был обнаружен в марте 1917 года пришедшим к власти Временным правительством. Усмотрев в нем контрреволюцию, новые власти арестовали протопресвитера, и два дня он провел в Таврическом дворце.

...В спецхране Библиотеки имени В. И. Ленина (нынче она получила статус Российской государственной) имеется двухтомник воспоминаний Г. Шавельского (многие факты, используемые в моем повествовании, взяты из него). Книги эти читаются легко и с интересом. Среди действующих лиц – многие известные в нашей истории люди. Знакомство с мемуарами Шавельского убеждает, что их автор не только чутко откликался на явления общественной жизни, но и был великолепным оратором и логиком. Так, в декабре 1916 года Шавельский посетил 17-й Сибирский стрелковый полк. Часть эта, прославившаяся в русско-японскую войну, отказалась идти в наступление. Ее изолировали от других полков 50-й Сибирской стрелковой дивизии. И вот протопресвитер в походной церкви, оборудованной в землянке, держит речь перед солдатами:

"...Коснулся я прошлого полка, когда он покрывал свои знамена славой, удивлял других мужеством и доблестью. Наконец, заговорил о страшном несчастье, постигшем и опозорившем полк, о последней измене полка своему долгу. Я не могу воспроизвести слов, в которых я изображал ужас измены, позор перед миром, преступление перед Родиной. Помню, что во время моей речи послышались всхлипывания, потом рыдания. Опустились на колени сначала первые ряды, потом все. Все плакали, начиная со старых полковников, кончая молодыми солдатами.

– Кайтесь! – раздался чей-то голос.

– Простите! Будем верны! Исправимся! – отовсюду отвечали голоса.

Картина была потрясающая. Мерцавшие свечи, кадильный дым, низкая крыша храма, как крышка гроба, опускавшаяся над этой массой сплоченных, каявшихся голов, еще более усиливала впечатление".

На следующий день полк пошел в наступление и отлично дрался...

Но обстоятельства, неумолимый революционный рок надвигались с такой неотразимостью, что перед ними пасовали и логика, и риторика.

В конце мая 1917 года Шавельский посетил 63-й Сибирский стрелковый полк, который митинговал и не хотел идти в бой. Отец Георгий попробовал обратиться к солдатам с проповедью, но разъяренная толпа чуть не растерзала его.

Победа Октябрьской революции нанесла жесточайший удар по военному духовенству. Естественно, трудно пришлось и протопресвитеру – он вынужден был уехать с фронта. Переодевшись, выдавая себя за крестьянина Скобленко, Шавельский три недели добирался от Витебска до Киева. Вскоре он оказался в Добровольческой армии. Здесь состоялся Собор духовенства, который создал Вре-

менное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России. Вновь созданный орган имел власть Патриарха и был готов сложить полномочия после восстановления с таковым связи. На соборе Шавельского избрали членом Высшего Церковного Управления.

События, происходящие в стране, оказали на отца Георгия огромное влияние. Можно только догадываться, какие бури прошумели в душе этого человека, если, попав на одно из совещаний ярых монархистов Добровольческой армии (они требовали восстановления помещичьих прав и дворянских привилегий), он сказал им: "Затеваете вы, господа, безнадежное дело: не течет река обратно, не вернуть, что невозвратно!"

После поражения Белой армии Шавельский оказывается в Болгарии, служит простым священником. Знания, трудолюбие, упорство позволили ему вновь подняться по иерархической лестнице – жизнь свою он окончил профессором Софийского университета, директором русской гимназии. Умер Георгий Иванович в 1951 году.

Прожив долгую и многотрудную жизнь, проведя много лет в дали от родимых очагов, он не потерял любви и сострадания к Отечеству. В среду 16 июля 1943 года (шла страшная схватка на советско-германском фронте) он написал заключительные слова своих воспоминаний, которые и сейчас актуальны: "Большевизм и антибольшевизм лишь преходящие этапы в истории России. Большевизм, как крайнее богоборческое, античеловеческое и противоестественное учение, не может не умереть: исчезнет тогда и антибольшевизм, с ним борющийся. Но Россия, русский народ должны пребыть и пребудут вечно. Должен поэтому наступить момент, когда продолжающие ныне принадлежать к разным лагерям, но одинаково честно любящие свою Родину и готовые самоотверженно служить ей русские люди поймут друг друга, забудут прошлое, протянут друг другу руки и начнут совместными усилиями целить и восстанавливать свою измученную Родину".

Владимир ГАЛАЙКО

К 400-летию основания Нило́вой пустыни

Нилова пустынь

В Тверской области верующим передано много ранее закрытых церквей, переданы и два монастыря: женский – в Вышнем Волочке и мужской – Нилова пустынь, что на острове Столбном на озере Селигер.

Нилова пустынь – очень красивый архитектурный памятник XVIII–XIX веков. В одном из лучших описаний Ниловой пустыни, принадлежащих перу В. П. Успенского, говорится: "Монастырь по зданиям своим в настоящее время может быть причислен к лучшим обителям России" (1867 год).

Монастырь всегда привлекал к себе много известных людей, таких, как художники И. И. Шишкин, М. И. Иванов, Н. П. Богданов-Бельский, академик Н. Я. Озерецкий, литераторы П. В. Киреевский, А. Н. Островский, В. А. Слепцов, В. Я. Шишков, педагог С. А. Рачинский, и многих других, а особенно паломников, которых в праздник Обретения мощей преподобного Нила, 9 июня по новому стилю, собиралось до 35 тысяч, а всего за год – до 100 тысяч человек.

Нилова пустынь (вид с юго-восточной стороны); крестный ход на воде, 1887 год. Литография сделана по благословению Высокопреосвященнейшего Саввы, архиепископа Тверского, при настоятеле архимандрите Арсении

Столбный остров до 1528 года был необитаем и покрыт дремучим лесом. В этом году поселился на нем смиренный отшельник преподобный Нил. Сначала он выкопал себе в горе пещеру и прожил там одну зиму, затем выстроил келью и часовню. Его 27-летняя подвижническая жизнь на острове Столбном, блаженная кончина (7 декабря 1555 года) и чудеса от нетленных мощей, последовавшие вскоре после преставления его, послужили причиной основания на острове монастыря, а имя преподобного дало название обители – Нилова пустынь. Основателем монастыря на месте подвигов преподобного Нила был иеромонах Герман из ближайшего к острову Столбному Рожковского монастыря. Он построил на острове первую деревянную церковь во имя Богоявления. К нему стали присоединяться многие желавшие подвизаться вместе с ним и начали строить себе деревянные кельи. Поэтому иеромонах Герман в 1594 году испросил у Патриарха Иова разрешение устроить на Столбном острове иноческую обитель с общежительным уставом. Так была основана Нилова пустынь.

Облик монастыря формировался на протяжении XVII–XIX веков. Центром монастырского ансамбля является величественный пятиглавый Богоявленский собор с колокольней, построенный в 1821–1825 годах по проекту петербургского архитектора И. И. Шарлеманя в стиле позднего классицизма.

Монастырь – это целый город, состоящий из построек самого разного назначения: тут и храмы, и жилые строения – покои для настоятеля монастыря и братии, монастырская гостиница, хозяйственные постройки – многочисленные амбары, погреба, кузницы, судоремонтные мастерские, конюшенный двор, а также

прекрасный фруктовый сад. Монастырь окружен высокой каменной оградой с башнями, у стен пустыни вдоль берега разбит тенистый парк. Монументальная гранитная набережная с Архиерейской пристанью образуют парадный фасад монастыря.

Замечательный памятник отечественной культуры, включенный в список мировых уникальных исторических архитектурных ансамблей, требует большой реставрации. В настоящее время Нилова пустынь находится в состоянии разорения. Братские корпуса полуразрушены и непригодны для жилья, в храмах служить невозможно: нет рам оконных, полов, отопления, совершенно непригодны для эксплуатации и хозяйственные постройки.

Для восстановления монастыря необходимо несколько миллионов рублей. Понятно, что в настоящее время Церковь такими средствами не располагает. Поэтому мы обращаемся с просьбой ко всем организациям и гражданам России внести свою посильную лепту на восстановление этого замечательного памятника или принять личное участие в восстановительных работах.

Наш адрес:

Осташков Тверской области.
Коммерческий банк "Селигер".
Счет N 701603 – на восстановление Ниловой пустыни.

Наместник Нило-Столобенского монастыря,
настоятель Знаменской церкви города Осташкова
архимандрит ВАССИАН (Владимир Иванович ШУСТА)

Житие преподобного Нила, Столобенского чудотворца

Преподобный Нил родился предположительно в 1485 году в Валдайском уезде в погосте Жабенском. Кто были родители его и как именовался он в миру, неизвестно. Воспитанный в страхе Божием, отрок с ранних лет воспламенился любовию к Богу и по смерти родителей, оставив дом отеческий, удалился в монастырь Иоанна Богослова вблизи Пскова, называемый Крыпцы, где принял пострижение в монашество и был назван Нилом во имя подвижника горы Синайской.

Высокая подвижническая жизнь юноши в монастыре, соединенная с кротостью, смирением и послушанием, скоро была замечена настоятелем и братиею и возбудила в них удивление. Узнал об этом преподобный и, не желая похвалы от людей, стал просить у настоятеля благословения отойти в пустыню, чтобы подвизаться пред очами Единого Всевидящего Бога. Долго настоятель не соглашался отпустить его, провидя в нем человека Божия и избранный сосуд Святого Духа и считая удаление его в пустыню великою потерею для монастыря. Но, видя необоримое его намерение, дал ему благословение.

Получив благословение, преподобный устремился в пустыню, как птица на гнездо свое, и, проходя различные пустынные места, остановился в дремучем лесу на берегу реки Серемхи. Там с молитвою поставил он себе келейку и начал жить. Это было в 1515 году. Живя здесь, питался он первоначально полевым былием и желудями. Потом, с течением времени, для про-

питания своего стал возделывать землю, сеять на ней семена и садить огородные овощи, а душу укреплял непрестанным богомыслием, постом, бдением и молитвами.

Видя высокую его жизнь, исконный враг нашего спасения, диавол, восстал на него со всею злобою. Первоначально диавол старался устрашить его и вытеснить из пустыни разными привидениями, и для того демоны, принимая на себя вид страшных зверей, змей и гадов, устремились на преподобного с диким свистом и воплем. Но святой отразил демонские нападения крестным знамением и молитвами. Не видя успеха в этих кознях, диавол наустил разбойников убить его. Но преподобный, принесши молитву Богу о помощи, вышел к ним с келейною своею иконою Пресвятой Девы, и сила Небесной Заступницы сделала из них вместо злодеев боязливых и кротких агнцев. Им представилось, что святого сопровождает целый полк вооруженных людей. В ужасе они пали к ногам его, открыли ему свое преступное намерение и просили у него прощения. Преподобный сделал им наставление, чтобы впредь удерживались от дурных дел, и отпустил их с миром.

Протекло несколько лет со времени водворения его в пустыне Серемской. По окрестным селениям прошел слух о его богоугодной жизни, и многие из боголюбивых жителей этих селений стали приходить к нему за молитвою и наставлениями. Тяжко стало преподобному от молвы людской. Он начал молить Бога, чтобы наставил его на путь, которым бы он мог спастись, и глас Божий, слышанный им в тонком сне, указал ему на остров Столбной. Это было в 1528 году, спустя 13 лет после пришествия его на реку Серемху.

Узнав от приходивших к нему, что этот остров находится на озере Селигере в семи верстах от Осташкова, он, помолившись, отправился туда.

Пришедши на остров Столбной, сначала он выкопал себе в горе пещеру и прожил в ней зиму; потом, с наступлением весны, построил себе для жилья келейку, а для совершения молитв – часовню. И здесь так же, как в пустыне Серемской, первоначально он питался былием и ягодами, росшими на острове; потом для пропитания возделывал землю; а иногда принимал подаяние от боголюбивых окрестных жителей, которые приносили ему хлеб и рыбу. Подвиги молитвенные, бдительность над помыслами и борьбу с плотию преподобный со дня на день усиливал. Проводя дни и ночи в молитве и помышлении о Боге, он не ложился и на малое время, но в случае крайнего изнеможения стоя облокачивался на деревянные крюки, вбитые в стены келлии его, и в таком положении позволял себе кратковременный отдых.

Всегда содержа в памяти смерть, он, чтобы еще более усилить памятование о ней, за несколько лет до кончины выкопал себе в часовне могилу и, поставив в нее вытесанный своими руками гроб, приходил к нему каждый день плакать. К подвигам произвольных скорбей умерщвления плоти присоединились скорби и напасти, наносимые отвне – то от духов злобы, то от злых людей. Кроме смущений в помыслах, дух злобы, однажды явившись святому в человеческом образе, представил ему опасность пребывания на пустом острове, окруженным грубыми окрестными жителями, и советовал ему оставить оный. В другой раз он же, с целым полчищем бесов окружив келлию, когда преподобный совершал в ней молитву свою, и оцепив ее веревками, с неистовым криком грозил стащить в озеро. Но дух злобы при всех ухищрениях не мог отвлечь преподобного от любви Христовой и, побежденный крепким его дерзновением к Богу, удалился от него.

Бессильною же осталась и ненависть к нему людей; напротив, неприязненные покушения их были остановлены силою Божиею, послужив впоследствии к прославлению преподобного. Так, в одно время жившие против Столбного острова поселяне, завидуя ему, что он, дальний и чуждый пришелец, один владеет и пользуется остро-

вом, а они, ближайшие к острову жители, не извлекают из него никаких выгод для хозяйства своего, пришли на остров рубить лес, чтобы завести здесь пашню. Преподобный умолял их оставить одну гору, покрытую деревьями. Они не послушали его и, возбужденные ненавистию диавольскою, вырубили весь лес, оставив только одну сосну, которая была близ келлии преподобного, и зажгли срубленные деревья, желая, чтобы сгорела и келлия его. Пламя быстро распространилось по острову, угрожая истребить все. Но преподобный прочел слезную молитву Богу об избавлении от напасти – и пламя, дошедши до места, где стояла келлия его, вдруг погасло. Злодеи, видя такое чудо, со стыдом и страхом бежали с острова.

В другое время на остров пришли разбойники, надеясь найти у преподобного тленное сокровище. Преподобный в то время был вне келлии своей и копал землю мотыгою. Как дикие звери устремились на него злодеи и требовали от него, чтобы он указал им, где положено у него сокровище. Он, ничего не имея, кроме ветхого рубища и одной келейной иконы Пресвятой Богородицы, которая составляла единственное его сокровище, сказал им: "Сокровище мое в углу моей келлии". Дерзновенно вбежали они в келлию и как только посмотрели в передний угол, где стояла икона, то, внезапно пораженные чудным светом ее, ослепли. Объятые страхом, они пали ниц и не могли двинуться с места. Преподобный, вошедши в келлию и увидев их лежащими, сжалился над ними; и, когда они показали искреннее раскаяние в своих злодеяниях и стали просить прощения, помолился за них, и они прозрели.

Пустынными подвигами и терпением напастей очистившись и соделавшись угодным Богу, преподобный самое место своих подвигов оградил покровом Божиим от нарушения неразумными людьми священной тишины оного, принял дар прозревать тайные дела людей и заблуждающихся от пути истины вразумлял и направлял к пристанищу Вечной жизни; замечая на озере обуреваемых волнами пловцов, молитвами укрощал ветры и избавлял плавающих от опасности потопления и во всяких напастях и скорбях призывавшим имя его был скорым помощником и утешителем.

Среди неослабных подвигов поста, бдения и молитв преподобный приблизился к исходу из сей временной жизни и, получив извещение свыше о приближающемся часе смертном, исповедал грехи свои пред духовным своим отцом, которым был игумен вблизи находившегося Николаевского Рожковского монастыря Сергий. Преподобный причастился Святых Таин и, долго беседуя с ним, исполнился пророческого духа и открыл ему, что по его преставлении на месте его подвигов воздвигнет Бог храм и это место будет жилищем иноков. Преподобный просил игумена опять посетить его в скором времени и неоднократно повторял ему свою просьбу, а сам, оставшись один по отшествии игумена, всю наступившую ночь провел в молитве в своей келлии. По окончании молитвы, почувствовав крайнее изнеможение, оперся руками своими на крюки и, продолжая в таком положении молитву, предал чистую свою душу в руце Божии 1555 года месяца декабря в 7-й день. Пришедшие на другой день игумен с братиею нашли его уже почившим с лицем светлым и келлию его исполненной благоухания. Совершив надгробное пение, они положили честное тело его в приготовленных им же гробе и могиле.

Основание Ниловой пустыни

Основателем монастыря на месте подвигов преподобного Нила и первым его настоятелем был иеромонах Герман из братии Николаевского Рожковского монастыря – того самого, игумен которого был духовным отцом преподобного. Родившись невдалеке от Столбного острова и быв иноком самого близкого к острову монастыря, Герман много слышал и от родителей своих, и

от братии Рожковского монастыря, и от других благочестивых христиан о жизни и подвигах преподобного Нила и потому великое питал в душе своей благоговение и любовь к нему. На острове он всегда находил поклонников и из монахов, и из мирян, некоторые из них даже проживали на острове какое-то время. В одно из посещений он нашел живущего на острове игумена одного из новгородских монастырей, по имени Антоний, и, прожив с ним на острове три года, построил над могилою преподобного часовню, устроил поверх могилы гробницу и накрыл ее покровом.

Так как чудеса, истекавшие от гроба преподобного, повсюду прославляли его и явно было, что Бог не хочет далее таить светильника благочестия под спудом, в 1591–1594 годах иеромонах Герман по благословению Новгородского митрополита Александра при помощи боголюбивых христиан построил на острове первую деревянную церковь во имя Богоявления с приделом во имя Василия Блаженного, Московского чудотворца. Построение церкви имело следствием то, что некоторые как из проживавших на острове, так и из вновь приходивших изъявляли желание остаться здесь на постоянное жительство, чтобы жить по чину монашескому, и начали строить себе деревянные келии. И потому иеромонах Герман в 1594 году испросил у Московского и всея Руси Патриарха Иова разрешения открыть на острове иноческую обитель с уставом общежительным. Обитель открылась и, и по грамоте Патриарха, получила название Ниловой пустыни. Настоятелем ее был определен иеромонах Герман.

Вскоре по устроении церкви и монастыря, именно в 1595 году, пришли сюда из тверского Оршина монастыря два инока: Иов и Нифонт, занимавшиеся и иконописанием. Со слов старцев, знавших угодника Божия и помнивших черты лица его, они написали на доске первый образ преподобного Нила. Когда написанный образ покрыли олифою и поставили на открытом месте против солнца, жители окрестных деревень видели над островом необыкновенно яркое сияние. Об этом знамении скоро сделалось известным в пустыни, и все приняли его за удостоверение в надлежащей верности образа. После сего стали писать и другие образа преподобного, а помянутый образ был положен на гробнице для поклонения приходивших с верою и лежал на ней до открытия святых мощей преподобного, а по открытии их поставлен был в церкви.

Обретение мощей преподобного Нила произошло 27 мая 1667 года при строительстве церкви у места погребения угодника. Перед тем же на острове произошли следующие знамения. За 10 дней до обретения мощей виден был некоторыми рыболовами ночью огненный столб, несколько времени сиявший над монастырем и потом ниспустившийся на землю. За два дня до обретения видима была другими рыболовами в воздухе над гробницею преподобного свеча горящая. Были и другие знамения. С того времени ежегодно 27 мая (9 июня по новому стилю) празднуется Обретение мощей преподобного с крестным ходом из Осташкова в Нилову пустынь.

Впоследствии Нилова пустынь стала одним из крупнейших монастырей России. Первые деревянные постройки монастыря, к сожалению, не сохранились. Уцелела лишь некоторая часть зданий конца XVII века. Современный комплекс монастыря составляют постройки главным образом XVII–XIX веков. В двадцатых годах нашего века монастырь был закрыт и подвергся разорению.

Недавно, в конце 1990 года, Нилова пустынь возвращена в лоно Русской Православной Церкви. Сейчас здесь заново возрождается мужской монастырь. Его первым игуменом стал настоятель Знаменской церкви города Осташкова Владимир Иванович Шуста, принявший пострижение в монахи под именем отца Вассиана.

Уральский Афон

Одну из многих обителей, процветавших на земле Российской, православный народ наш называл "Уральским Афоном". Стояла обитель среди горных цепей седого Урала на Белой горе.

В 1890 году епархиальный миссионер протоиерей отец Стефан Луканин, пораженный величественным видом горы, возвышавшейся среди лесной чащи, воздвиг на вершине ее крест. Перед крестом начали служить молебны, в 1893 году была построена часовня и появилось двенадцать насельников. Так был основан Белогорский Свято-Николаевский мужской монастырь. Раньше других поселился на Белой горе инок Варлаам, ставший впоследствии первым настоятелем.

Обитель быстро росла. Перед революцией в ней трудилось уже 400 насельников. Кроме полевых работ, монахи занимались портняжным, сапожным, кузнечным, столярным, токарным, слесарным, переплетным и другими ремеслами, писали иконы, делали ризы для них. Все требы совершались в обители бесплатно. Бесплатно принимали и всех паломников. Был открыт также приют для мальчиков-сирот.

Украшением обители стал соборный храм в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня с приделами во имя Иоанна Предтечи и Святителя Николая, один из самых больших храмов России. В ясную погоду купола его были видны из Перми и Кунгура – более чем за сто километров; в сорока километрах от горы слышен был колокольный звон. Ежегодно обитель посещало около двадцати пяти тысяч паломников.

Но недолго длилась мирная жизнь монастыря... Первому настоятелю, архимандриту Варлааму, пришлось стать и последним настоятелем. В 1918 году одни насельники обители были изгнаны, другие зверски замучены. Архимандрит Варлаам был утоплен в Каме. Через несколько дней после гибели он явился во сне своей духовной дочери, жившей в г. Перми, и просил взять тело его из реки для погребения. Тело мученика было найдено в указанном им месте и похоронено на кладбище в Перми.

Жестоко расправились и с насельниками Серафимовского скита, находившегося в пяти километрах от обители, в лесу. Богослужения здесь совершались по уставу Афонской Горы, иноки имели трапезу один раз в день, а скоромная пища разрешалась только в Пасху. Богоугодная жизнь завершилась для монахов скита мученической кончиной: все они были живыми закопаны в землю. Здания скита ныне разрушены до основания, и только дивный аромат, исходящий от могилы мучеников, указывает нам место их кончины.

Монастырские здания использовались после закрытия монастыря для жилья, затем на территории обители находилась психолечебница. Собор долго оставался невредимым, но восемь лет назад сгорел его главный купол.

Сегодня развалины обители переданы Русской Православной Церкви. В сохранившемся трехэтажном корпусе поселились иноки. Первым пришел сюда новый настоятель – игумен Варлаам. В корпусе устроен маленький храм, где совершаются богослужения, а в праздничные дни церковные песнопения вновь звучат под сводами огромного собора, вмещавшего когда-то восемь тысяч человек. Но над головами молящихся вместо купола сегодня небо, ясное или проливающее слезы дождя.

Какая судьба ждет обитель? Будем ли мы достойными потомками тех, кто сто лет назад закладывал первые кирпичи в фундаменты монастырских

храмов? Сегодня это святое место еще более свято, ибо обильно полито кровью мучеников. Неужели дорога к их могилам будет забыта? Но монастырь расположен вдали от населенных мест, и редко-редко приходят сюда паломники...

"Святые места на Руси не были оставляемы добрыми людьми. Белогорская обитель с великою благодарностью примет всякую жертву благочестивых благотворителей, которые своими приношениями на дело святое заслужат великую милость от Бога в загробной Вечной жизни" – так обращались белогорцы к нашим предкам. Сегодня они обращаются к нам. Но обители нужны не только деньги. Еще более необходимы мастера. Уже есть стройматериалы, но нет людей, которые взялись бы перекрыть сгоревшую крышу собора, восстановить купол. Мастера земли Русской, обитель просит вашей помощи. Помогите же ей! Строя храм здесь, на земле, вы возведете для душ ваших невидимую обитель на небесах.

Если вы можете приехать и потрудиться для обители, напишите по адресу: 617443, Пермская обл., Кунгурский район, Калининский сельсовет, Белогорский монастырь, игумену Варлааму.

Проезд к обители от ст. Кунгур (Пермской обл.) автобусом до с. Калинино, далее 12 км на попутных машинах или пешком.

Расчетный счет: Пермь. Комбанка филиал в г. Кунгуре. Корреспондентский счет 700161542, монастырский счет 000701407 МФО 185323.

Получатель – Свято-Николаевский Белогорский монастырь.

Игумен ВАРЛААМ, настоятель Свято-Николаевского монастыря

Подвиг смирения

(памяти Святителя Агафангела,
Митрополита Ярославского и Ростовского)

Митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября 1855 года в семье священника села Мочилы Кормовской волости Виневского уезда Тульской губернии. Окончив Тульскую Духовную Семинарию и Московскую Духовную Академию, он в 1881 году был определен на должность учителя латинского языка в Раненбургское духовное училище, а спустя несколько месяцев стал помощником смотрителя Скопинского духовного училища.

В 1884 году в один день умерли его жена и маленький сын, после чего отец Александр решил посвятить себя служению Богу и 7 марта 1885 года принял монашеский постриг с именем Агафангел, что в переводе на русский означает "вестник любви".

В течение тридцати последующих лет монах Агафангел, исполняя волю Святейшего Синода, сменил множество должностей и мест служения – инспектор Томской Духовной Семинарии, ректор Иркутской Духовной Семинарии, епископ Киренский (второй викарий Иркутской епархии), епископ Тобольский и Сибирский, епископ Рижский и Митавский, архиепископ Литовский и Виленский, – пока указом от 22 декабря 1913 года не занял Ярославскую кафедру, которую и возглавлял до своей кончины, последовавшей 3(16) октября 1928 года.

На его могильной плите в склепе Леонтьевской церкви Ярославля выбито: *Он как бы видя Невидимаго, был тверд* (Евр. 11, 27). Митрополит Агафангел, подобно пророку Моисею, о котором говорит в Послании к Евреям святой апостол Павел, благодаря несокрушимой вере в Спасителя, преодолел все искушения, устроенные "бесами от революции", и не отступился от чистоты Православия.

В 1922 году "живцы" во главе с протоиереями Красницким и Введенским тотчас после ареста Патриарха Тихона захватили его жилище и Канцелярию церковного управления. Поддерживаемые и поощряемые ГПУ, они чувство-

---

Очерк написан на основе до сих пор не изданного словаря митрополита Мануила "Русские православные иерархи с 1893 по 1965 год" и следственного дела Митрополита Агафангела, хранящегося в архиве Министерства безопасности Российской Федерации.

вали себя в полной безопасности и упивались собственным величием. Кто посмеет молвить против них слово в дни, когда по всей России прокатилась волна судебных процессов над сторонниками Патриарха Тихона и газеты пестрят приговорами: расстрел, каторга, ссылка?..

И уже шла к ним на поклон смалодушничавшая часть российского духовенства, уверовавшая, что патриаршему управлению Церковью настал конец, когда появилось "Послание Заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Митрополита Ярославского Агафангела к Архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви:

Благодать вам и мир от Бога и Отца нашего и Господа Иисуса Христа!

Святейшему Патриарху и Отцу нашему Тихону угодно было от 3(16) мая 1922 года обратиться ко мне со следующей грамотой:

"Вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе церковного управления до созыва Собора. На это имеется согласие и гражданской власти; а посему благоволите прибыть в Москву без промедления... Патриарх Тихон".

Во имя святого послушания я предполагал немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения Церкви и поспешить в Москву. Но вопреки моей воле, по обстоятельствам, от меня не зависящим, я лишен и доныне возможности отправиться на место служения... Между тем, как мне официально известно, явились в Москву иные люди и встали у кормила правления Русской Церковью. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незакономерными. Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучение нашей православной веры, священные каноны Святых Вселенских Соборов, православные Богослужебные уставы, данные великими молитвенниками и подвижниками христианского благочестия, и организовать таким образом "новую", именуемую ими "живую церковь".

Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений и преобразований в служебной практике и обрядах. Некоторые вопросы этого рода были предметом рассмотрения Всероссийского Собора 1918 года, но не получили разрешения вследствие преждевременного прекращения его деятельности по обстоятельствам тогдашнего времени. Но во всяком случае всевозможные изменения и церковные реформы могут быть произведены только Соборной властью, а посему я почитаю своим долгом по вступлении в управление делами Церкви созыв Всероссийского Поместного Собора, который правомерно, согласно со словом Божиим и в меру правил Святых Вселенских Соборов, этих первых и основных источников нашего церковного строительства, рассмотрит все то, что необходимо и полезно для нашей духовной жизни. Иначе всякие нововведения могут вызвать смятение совести у верующих, пагубный раскол между ними, умножение нечестия и безысходного горя. Начало всего этого мы уже с великою скорбию и видим.

Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри.

Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, священными канонами; впредь до восстановления Высшей Церковной Власти окончательно решайте дела, по которым прежде испрашивали разрешение Святейшего Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению.

Честные пресвитеры и все о Христе служители алтаря и Церкви.

Вы близко стоите к народной жизни, вам должно быть дорого ее преуспеяние в духе православной веры. Умножьте свою священную ревность. Когда верующие увидят в вас благодатное горение духа, они никуда не уйдут от своих святых алтарей.

Братья и сестры о Господе – наши пасомые.

Храните единство святой веры в союзе братского мира. Не поддавайтесь смущению, которое новые люди стремятся внести в ваши сердца по поводу учений нашей православной веры. Не склоняйтесь к соблазнам, которыми они хотят обольстить вас, производя изменения в православном Богослужении, действуя не законным путем соборного постановления, но по своему почину и разумению; не обольщайтесь беззаконием путей, которыми хотят повести вас новые люди к какой-то новой церкви; ищите законных средств и путей, которыми должно устранять церковные нестроения; держитесь и не порывайте союза со своими духовными пастырями и архипастырями. Повинуйтесь с доброй совестью, просвещенною Христовым светом, государственной власти; несите в духе мира и любви свои гражданские обязанности, памятуя завет Христа: Воздатите кесарева кесареви, и Божия Богови. Наипаче же увеличьте молитвенный подвиг, ограждая себя от наветов духа злобы, врага нашего спасения.

Итак, возлюбленные о Христе чада, храните учение, чины и уставы веры нашей, храните вся преданная нам, держитесь Церкви Божией. Знайте, что уходящие от Святой Церкви оставляют своего Спасителя. Тем же убо, братие, стойте, – говорит нам Апостол, – и держите предания, им же научистеся, или словом, или посланием нашим (2 Сол. 2, 15).

5(18) июня 1922 г."

Почему же Митрополит Агафангел не смог "прибыть в Москву без промедления", как угодно было распорядиться 3(16) мая 1922 года Патриарху Тихону?..

5(18) мая 1922 года в Толгский монастырь под Ярославлем, где временно проживал Митрополит Агафангел, не получивший еще сведений о распоряжении Патриарха, прибыл "красный протоиерей" Красницкий и потребовал от Владыки, чтобы он подписал воззвание так называемой "инициативной группы духовенства", обвинившей Святейшего Тихона и его окружение в контрреволюционной деятельности. Митрополит, конечно же, отказался стать доносчиком и клеветником.

Спустя двое суток Ярославский отдел ГПУ получил от московского начальства шифрованную телеграмму:

"Под ответственность начальника ГОГПУ с соблюдением строжайшей конспирации предлагаем провести следующее:

1. Обследовать хозяйство митрополита Агафангела, осторожно намекнув на то, что оно может быть реквизировано.

2. Немедленно произвести у Агафангела в его канцелярии и у его ближайших помощников самый тщательный обыск, изъяв все подозрительные документы.

3. Взять с Агафангела подписку о невыезде ввиду неблагонадежности.

4. Арестовать всех его приближенных, в частности тех, кто принимал участие в беседе Агафангела с московским попом Красницким, причем последних с материалами немедленно выслать СОГПУ.

5. Прислать на Агафангела весь компрометирующий материал.

Настоящее принять к неуклонному исполнению и хранению в строжайшем секрете".

Тотчас с Митрополита была взята подписка о невыезде, а для верности возле его келлии выставили охрану. Чекист, искавший крамолу в личных вещах Владыки, отметил в докладе, что "из найденной переписки тоже удалось определить, что действительно Тихон и Агафангел есть неразлучные друзья, ибо частных писем у Агафангела больше всего от Патриарха Тихона, с содержанием частной жизни".

Неоднократно допрашивая Митрополита, следователи пытались склонить его к примирению с "живцами" и признанию созданного ими Высшего Церковного Управления. Но Владыка

оставался непоколебим и на последнем допросе 1(14) июня 1922 года, как и прежде, заявил: "Власть Патриарха передана мне, распоряжения Высшего Церковного Управления считаю незаконными".

На следующий день ему было предъявлено обвинение:

"Состоя митрополитом Ярославской епархии (монашеское имя Агафангел), использовал Церковь против существующей власти, распространял слух, что власть устраивает гонение Церкви, восстанавливал этим верующих против Соввласти с целью торможа делу изъятия ценностей, распространял воззвание Тихона, организовывал протесты собраний верующих против мероприятий власти".

Митрополит понял, что скоро и он, как и Глава Русской Православной Церкви, окажется в изоляции, и 5(18) июня обратился к верующим с вышеприведенным посланием.

Спустя десять дней его арестовали, запретив не только видеться с близкими, но и исполнять долг пастыря. Одновременно развернули активную деятельность осведомители, пытаясь добыть для предстоящего суда компрометирующие факты. Но их доносы-рапорты в Ярославский городской отдел ГПУ вряд ли годились для показательного процесса:

"13-го сего июля к митрополиту Агафангелу приходили, желали видеть и приносили передачу. Косыгина, имеет свою торговлю, одну молока крынку, ягод земляники, французскую булку, монпасье. Масленикова хлеба ситнего три фунта и постного сахару. Монашка Пешехонского уезда Исаковской пустыни принесла 20 штук яиц и гороховой муки пять фунтов".

"За время моего дежурства при Митрополите Агафангеле наблюдались мною следующие замечания: во время прогулки Агафангела в садике из церкви с площадки второго этажа смотрели на митрополита молящие люди с печальными грустными лицами, а некоторые утирали платками выступавшие слезы. Потом в садик стали ходить поодиночке или по двое те же молящие, прося у меня разрешение подойти к арестованному под благословение, который я не смел допустить, и, после их настойчивого требования, грозил отвести их в ГПУ, после чего они и расходились".

"Доношу до Вашего сведения слова епископа Иова (точно его имя не усвоил), который приехал просить Агафангела, чтобы он оставил его на старом посту, как сосланного новым духовенством во Флорищеву пустынь. Но Агафангел ему ответил, что он пока ничего не может сделать, только спросил Иова: "Ведь там, кажется, теперь нет ничего". Иов ответил ему, что там теперь какая-то коммуна. Потом Иов стал спрашивать Агафангела: правда ли, что он остался на посту Патриарха Тихона? Он подтвердил ему, что правда. Потом спросил Иов: верно ли, воззвание выпустилось от вас? Агафангел также подтвердил и это и указал на то, что в Москве они были расклеены и об этом писалось в центральных "Известиях". Потом Иов сказал: какие бы пытки ни были, но я не пойду по новому пути, а останусь твердо на старом. Потом он передал Агафангелу, что епископ Симбирский отстранен, Саратов и Казань держатся твердо, и также епископ Уральский стоит твердо. Потом Иов спросил Агафангела: правда ли, что вы тоже отстранены? Он сказал ему, Иову: "Ну да еще..." Потом замялся и больше ничего не сказал. В заключение Агафангел одобрил Иова, что он твердо стоит за старый церковный порядок, и при прощании благословил на дальнейшую твердость".

Развернули свою деятельность против престарелого митрополита и верные помощники ГПУ "живцы", назначив главой Ярославской епархии своего сторонника. Но ярославцы не признали нового епископа и собирались у стен Спасского монастыря, где томился в заточении их истинный архипастырь.

Испугавшись народа, власти 23 августа 1922 года перевели Владыку в каземат Ярославского ГПУ, откуда вскоре

он был вытребован в Москву, во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Одновременно без суда расстреляли его викарных епископов. Впрочем, не было суда и над самим митрополитом, для его ссылки оказалось достаточным заключения помощника 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Чапурина, который обвинил Владыку в призыве считать Церковное Управление "живцов" канонически незаконным и самозваным. Несмотря на правительственные заявления, что государство не будет вмешиваться в дела Церкви, на деле оно требовало от митрополита Агафангела отречься от своего пастырского долга. "Он является самым смелым и самым ярым продолжателем церковной деятельности Патриарха Тихона", – последовал вывод.

Семидесятилетнего старца, страдающего пороком сердца, удушьем, ишиасом, несмотря на просьбу отправить на поселение в местность, "куда я мог бы доехать не по грунтовым дорогам, а по железнодорожным путям", сослали в Нарымский край, в глухой поселок в двухстах верстах от села Копышева, куда его вынудили добираться с группой осужденных уголовников.

Обрел свободу Митрополит Агафангел спустя три года, уже после смерти Патриарха Тихона, и, являясь единственным пребывающим на свободе из трех кандидатов, назначенных усопшим Святейшим в Патриаршие Местоблюстители, обратился 5(18) апреля 1926 года к духовенству и мирянам с посланием о своем вступлении в управление Русской Церковью.

Старец, проживший три года без каких-либо вестей об изощренной политике советского режима по расколу Церкви изнутри, испытал новое искушение. О его подвиге смирения ради церковного мира рассказал усердный и добросовестный собиратель житий русских иерархов XX века митрополит Мануил (Лемешевский), чей многотомный труд до сих пор полностью не издан:

"Митрополит Сергий – Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, учитывая незаконные притязания митрополита Агафангела на местоблюстительство, предупредил его об опасном шаге, предпринятом им, и, опираясь на Собор более 25 православных епископов, предупредил его, что если он (Митрополит Агафангел. – *Авт.*) не откажется от своих притязаний и не даст распоряжения по епархии о поминовении Патриаршего Местоблюстителя Петра, то он, Митрополит Сергий, вынужден будет предать его суду епископов и устранить от управления епархией[1].

Тогда Митрополит Агафангел 11(24) мая телеграммой ответил Митрополиту Сергию: "Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений. Распоряжение о поминовении Митрополита сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства".

Однако, получив 18(31) мая письмо от Митрополита Петра, в котором последний просил его принять на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя, он 1 июня принял канцелярию, уведомил об этом и Митрополита Сергия, но 8 июня Митрополит Агафангел и по состоянию своего здоровья и ради церковного мира решительно отказался от местоблюстительства, о чем поставил в известность Митрополита Петра и Митрополита Сергия.

Расхождение во взглядах между Митрополитом Агафангелом и Митрополитом Сергием проявилось в резкой форме после издания последним так называемой Декларации от 16(29) июля 1927 года[2], в которой ярославская группа духовенства усмотрела отступление от канонов Православной Церкви. В этом с Митрополитом Агафангелом были согласны три его викария – архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ бывший Пермский Варлаам (Ряшенцев), временно управляющий Любимским викариатством, и епископ Ростовский Евгений (Кобранов), а также временно проживавший в Ростове митрополит Иосиф (Петровых). Они совместно составили и отправили Митрополиту Сер-

гию "акт отхода" – послание от 24 января/6 февраля 1928 года. Перечислив в нем все причины, по которым они считали "небезопасным" для себя и своей паствы дальнейшее пребывание в административном подчинении Митрополиту Сергию, они заявили:

"Отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и Вашим Синодом право на высшее управление Церковью". Они остаются в подчинении Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра, говорилось в послании, и сохраняют молитвенное общение с ним, а через него и со всеми Восточными Православными Церквами, но будут управлять своей епархией самостоятельно. При этом было решено, что "Ярославская церковная область" "для сохранения мира" не будет принимать в общение с собой никого из других епархий.

Оказавшись перед опасностью нового раскола, тем более серьезного, что имя Митрополита Агафангела было известно далеко за пределами Ярославской епархии, Митрополит Сергий созвал внеочередную сессию Временного Патриаршего Синода, на которой было решено послать для увещания в Ярославль митрополита Тверского Серафима (Александрова) с письмом Митрополита Сергия от 28 января/10 февраля 1928 года.

Митрополит Сергий умолял "потерпеть еще немного нашим немощам, пока не выяснится с определенностью, куда мы хотим вести церковный корабль". "Мы с Вами подошли уже к той черте, – писал он, – когда остается только одно: дать добрый ответ на судилище Христовом. Во имя этого нашего общего упования и во имя блага Св. Церкви прошу Вас и молю, не разрывайте общения с нами, не переходите на сторону наших врагов..." Неизвестно, ответил ли Митрополит Агафангел на это письмо. Он, по-видимому, решил пока отделаться молчанием.

Между тем распространился слух, что митрополит Иосиф, уже возглавивший ленинградский раскол, стремится к объединению и с ярославской оппозицией и что будто бы Митрополит Агафангел и его викарии дали на это согласие.

Созванная внеочередная сессия Священного Синода 14(27) марта 1928 года издала постановление о лишении кафедр и запрещении в священнослужении, кроме иосифлянских епископов, и всех трех викариев Ярославской епархии. Митрополита Агафангела постановление Синода не коснулось, значит, члены Синода считали его лишь вовлеченным в смуту, а не организатором ее. К нему был послан для переговоров на этот раз архиепископ Вятский Павел. В разговоре с ним и в ответном письме Митрополит Агафангел категорически отрицал обвинение в расколе и в намерении объединиться с иосифлянами и выражал согласие пересмотреть прежнее решение со своими викариями, но уже без митрополита Иосифа. При этом он настаивал, что отделились они "не по разномыслию в вере, тайнодействии и молитве, а только в порядке административного управления".

В последнем своем письме от начала апреля 1928 года Митрополит Сергий пишет по этому поводу, что расколом называется именно разделение не из-за веры, а из-за вопросов, "допускающих врачевание", или же из-за нежелания подчиниться распоряжениям законной церковной власти "самочинного сборища". Сохранение молитвенного общения при административном разрыве едва ли канонически законно даже в отношении двух не зависящих друг от друга епископов одной Поместной Церкви. "Объявить себя состоящим в послушании Первому Епископу и в то же время административно порвать с Заместителем, которого Первый Епископ поставил, значило бы противоречить самому себе".

На этот раз вопрос обсуждался долго. 10 мая ярославские епископы направили Митрополиту Сергию свое краткое *разъяснение*. Они снова подтверждали, что молитвенного общения с ним не прерывают, раскола не учиняли и не учиняют, принципиально его

власти, как Заместителя, не отрицают, но, писали они далее, "распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие церковные каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте исполнять не могли и не можем".

Несмотря на эту достаточно острую формулировку, говорящую о том, что ярославские иерархи остались при своих мнениях, заключительная фраза: "Да послужат эти наши разъяснения, при помощи Божией, к миру церковному" – дала надежду на возможность примирения. Спешно были посланы в Ярославль архиепископ Ювеналий (Масловский) и протоиерей О.Воробьев, оба отличавшиеся умением благотворно влиять на людей. Беседа с ними, состоявшаяся 3(16) мая 1928 года, расположила Митрополита Агафангела к полному примирению с Митрополитом Сергием.

Ровно через пять месяцев после примирения Митрополит Агафангел скончался и был похоронен в склепе Леонтьевской церкви на окраине Ярославля. Божий храм со временем отдали под склад, а склеп превратили в подобие мусорной ямы. И лишь в 1993 году в поруганной святыни вновь раздались песнопения Божественной литургии, а на могиле ярославского святителя стали совершаться панихиды.

Примечания

[1] К сожалению, вопрос о временном замещении Патриарха (местоблюстительстве) не был тщательно разработан на Всероссийском Соборе 1917-1918 годов, а следующий Собор власти созывать запретили. Поэтому после ареста в конце 1925 года Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Петра каждый архиерей по-своему трактовал "законность" и "незаконность" прав Митрополита Агафангела и Митрополита Сергия на исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя до избрания нового Патриарха.

[2] Наметившийся после издания этой декларации раскол среди духовенства всевозможными способами пытались углубить карательные органы советской власти, не брезгуя передачей через своих агентов фальсифицированных фактов иерархам Русской Православной Церкви. А что подобных агентов было достаточно, видно из доклада начальника 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Е.А.Тучкова от 27 февраля 1924 года: "Осведомление, которое создано за этот прошлый год по церковникам, вполне отвечает тому, чтобы сохранить негласное руководство церковью в наших руках, конечно, при условии, если будут даны соответствующие средства для их содержания". И все-таки, несмотря на столь усердную "опеку" ОГПУ, а позже НКВД, Церковь сохранила единство.

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Три тезоименитых Святителя-современника

Всероссийский Митрополит Макарий († 1563; память 30 дек.), канонизованный на Соборе в год празднования 1000-летия Крещения Руси, известен своей многогранной деятельностью. Одним из важнейших его деяний является прославление русских святых. На Московских Соборах 1547, 1549 годов решался только один вопрос – канонизация русских святых. Среди канонизованных святых были, в частности, Московский Митрополит Иона († 1461; память 31 марта) и Новгородский архиепископ Иона († 1470; память 5 ноября)[1]. Первый был для Святителя Макария предшественником по первосвятительской Московской кафедре, а второй – по Новгородской, оба жили в одно время и были современниками.

Позднее, при первом Всероссийском Патриархе Иове († 1607; память 19 июня), в 1596 году, было установлено соборное празднование в честь Московских

Митрополитов Петра, Алексия и Ионы[2]. С именем первого из названных Святителей, Митрополита Петра († 1326; память 21 дек.), связано начало возвышения стольного града Москвы. По его благословению был построен в Кремле главный собор Московской Митрополии – храм во имя Успения Богоматери, где и были затем погребены святые мощи русского Первоиерарха. Его заветы патриотического служения Отчизне и усилия к возвышению Москвы, ставшей первопрестольным градом, продолжали его преемники по кафедре[3].

Вторым в лике Московских чудотворцев является Святитель Алексий († 1378; память 12 февр.). Он принимал активное участие в воспитании оставшегося малолетним московского князя Дмитрия Ивановича († 1389; память 19 мая), названного впоследствии Донским, – героя Куликовской битвы. Современниками Святителя были Преподобный Сергий Радонежский († 1392; память 25 сент.) и святитель-миссионер Стефан Пермский († 1396; память 26 апр.). В.О. Ключевский († 1911) в актовой речи на празднике Покрова Пресвятой Богородицы в Московской Духовной Академии в 1892 году по случаю 500-летия кончины Преподобного Сергия сказал, характеризуя совместную деятельность этих русских светильников: "Все три святых мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа... Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархии величайшим Святителем Древней Руси Митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда ниоткуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трех наших святых мужей XIV в., воспринявших этот завет Святителя, Русская земля и пришла поработать над предвозвещенной судьбой этого города... Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века... Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы"[4]. По словам историка, эти три мужа при своей разнохарактерной деятельности дополняли друг друга, имея единую цель; они делали одно дело, они созидали Русь...

Следующим в диптихе московских иерархов называется Митрополит Иона, живший почти столетие спустя после Митрополита Алексия. Причем, следует отметить: явление, описанное В.О. Ключевским, имеет типологическую параллель в русской истории XV века. Митрополит Иона был первым автокефальным Предстоятелем Русской Церкви, Московской Митрополии. О его интронизации читаем в летописи: "В лето 6957, месяца декабря 15, поставлен бысть на Митрополью всея Руси епископы русскими: Ефремом Ростовским, Аврамием Суздальским, Варламом Коломенским, Питиримом Пермьским. А Новгородский архиепископ Евфимий и епископ Тверский грамоты свои прислаша, что с ними единомыслени на поставление на Митрополью Ионы, владыки Рязанского. А преже того коли в Цариграде был о исправлении Митрополья, и он и от Святейшаго Патриарха и от всего еж о нем священнаго Собора благословен последи Сидора на Митрополью"[5]. Это событие явилось ключевым моментом в русской истории, положив начало русской церковной автокефалии и поставлениям Предстоятеля Русской Церкви в Московском граде. Содействие святителя Ионы росту мощи Московского государства выразилось в деятельной поддержке им великого князя Василия Темного в его борьбе с галицким князем Дмитрием Шемякой[6].

В это время перед Русским государством все настоятельней вставала проблема закрепления успеха Куликовской битвы, окончательного свержения золотоордынского ига и объединения воедино всей Руси. Поэтому отношения с таким крупным политическим, административным, церковным и культурным центром,

каким был Великий Новгород, имели первостепенное значение. Московский Митрополит Иона, как и Новгородский архиепископ Иона, понимал это. Исторический памятник XVI века – Степенная Книга, составленная по благословению Митрополита Макария, – так сообщает о хиротонии Новгородского Владыки: "Тогда же поставлен бысть архиепископ Великому Новуграду чюдотворивый Иона чюдотворивым же Ионою Митрополитом"[7]. Ниже говорится: "По пророчению и благословению двою святителей сих чюдотворивых преосвященнаго Ионы, Митрополита всеа Русии, и святаго Ионы, архиепископа Новоградскаго, вся благая збывахуся великому князю"[8]. Это была духовная двоица единомысленных Святителей, что было подмечено древнерусскими авторами. Агиограф святого архиепископа Ионы, процитировав в его житии в свободной передаче Евангелие от Матфея (см.: Мф. 18, 20; 7, 7; 6, 16), говорит о Митрополите Ионе и архиепископе Ионе, как оба тезоименитых Святителя стали молиться об освобождении Руси от татарского ига[9]. Составитель Степенной Книги также подчеркивал, что Митрополит Иона и архиепископ Иона "к у п ь н о д у ш ь н о, действом Святаго Духа" пророчествовали великому князю Иоанну III независимость от ордынских ханов[10]. "Московский Митрополит святой Иона... был другом Новгородского святителя и хотел видеть его своим преемником" – читаем в "Настольной книге священнослужителя"[11]. Подобное событие, как известно, имело место и в отношениях между Святителем Алексием и Преподобным Сергием Радонежским[12]. Интересно, что Новгородский Владыка Иона был глубоким почитателем великого русского святого – Преподобного Сергия и он первый построил на новгородской земле храм во имя его.

Продолжателем трудов святителя-миссионера Стефана Пермского в XV веке был святитель Великопермский Иона († 1471)[13], рукоположенный Митрополитом Ионой с собором русских архиереев после кончины его предшественника святителя Питирима († 1455)[14]. Церковный историк Е.Е.Голубинский говорит, что святитель "Иона, епископ Пермский, докончил крещение пермян или пермяков, начатое святым Стефаном Пермским"[15].

Удивительным является также следующий фактор. В наше время, при многочисленности епископата Русской Церкви, ни у кого не вызывает удивления наличие одновременно, например, двух или даже трех тезоименитых иерархов. Но в XV веке, когда святительский лик был значительно малочисленнее (вспомним, что постановление первого автокефального русского Митрополита совершали четыре архиерея, а два прислали свои повольные грамоты), бытие сразу трех тезоименитых святителей: Митрополита, архиепископа и епископа – обращает на себя внимание и вызывает чувство благоговения, так как эти три мужа-современника были причтены позднее Русской Церковью к лику святых. Небезынтересно и то, что имя Иона в переводе с еврейского означает "голубь". Отец Павел Флоренский говорит о смысле имен: "Имя оценивается Церковью, а за нею – и всем православным народом как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея, а святой – как наилучший ее выразитель, свое эмпирическое существование соделавший прозрачным так, что чрез него нам светит благороднейший свет данного имени". Поистине деятельность трех тезоименитых иерархов XV века по примеру Ноева голубя, возвестившего масличной ветвью скорое окончание потопа (см.: Быт. 8, 11), явилась провозвестницей освобождения Руси от монголо-татарского ига и ее объединения в единое, мощное, централизованное государство[16].

Примечания

[1]См.: Г о л у б и н с к и й Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903. с. 100, 103; В е р е т е н н и к о в П., диакон. Московские Соборы 1547 и 1549 годов.–ЖМП, 1979, № 12, с. 70–71.

[2]См.: Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество: (По современным Минеям). Париж, 1951, с. 179–180; Настольная книга священнослужителя. Т.2. Месяцеслов: (Сентябрь–февраль). М. Изд. Московской Патриархии, 1978, с. 162.

[3]См.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1900, т.2, ч.1, с. 98–144; Волнянский Н. (Шабатин И.Н.). Созвездие великих ревнителей объединения Руси: (Московские Святители митрополиты Петр, Алексий, Иона и Филипп).– ЖМП, 1945, № 4, с. 11–18; Stokl G. Staat und Kirche im Moskauer Russland. Die vier Moskauer Wundertater.– Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, 1981, Bd. 29, H.4, S. 481–493.

[4]Очерки и речи: Второй сборник статей В. Ключевского. М., 1913, с. 204; Ключевский В. О. Церковь и Россия. Париж, 1969, с. 47.

[5]ПСРЛ. Т.12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901, с. 73.

[6]См.: И. С. Св. Иона, Митрополит Московский.– ЖМП, 1946, № 8, с. 32–37.

[7]ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. СПб., 1913, с. 472.

[8]Там же.

[9]См.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982, с. 367. О двойстве говорится в Евангелии, как Христос по двое посылал Апостолов на проповедь (см.: Лк. 10, 1). Эту тему рассматривает с богословской точки зрения отец Павел Флоренский (см.: Столп и утверждение истины. М., 1914, с. 419 и сл.; см. также: Weretennikov P., Erzpriester. Heiligenpaare. Der ehrwurdige Alexander Swirski und Metropolit Makari von Moskau.– Stimme der Orthodoksle, 1986, № 5, S. 43–44). Подобное духовное явление (см. также: Еккл. 4, 9) можно назвать единением, сдвоением. Однако в истории человеческой деятельности известно и противоположное: раздвоение, расслоение, разъединение (см.: Лепехин В. В. К вопросу о теме "двойничества" в древнерусской литературе и фольклоре.– В кн.: Материалы и сообщения по славяноведению: История, литература, язык и искусство восточных славян в XI–XVII вв. Szeged, 1981, с. 59–73; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984, с. 35 и сл.).

[10]См.: ПСРЛ, т. 21, ч.2, с. 556.

[11]Настольная книга священнослужителя. М., 1978, т. 2, с. 246.

[12]См.: Тихон, иеромонах. Преподобный Сергий Радонежский и его школа.– ЖМП, 1981, № 10, с. 21.

[13]Его память празднуется 29 января совместно с Пермскими святителями-миссионерами Герасимом и Питиримом. Как отмечается, соборная их память была установлена при Патриархе Ермогене (см.: Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903, с. 121–122).

[14]П. Строев указывает 1459 год как дату архиерейской хиротонии святителя Ионы Великопермского (см.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877, стб. 729).

[15]Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1911, т.2, ч.1, с. 527.

[16]См.: Флоренский П., священник. Имена. "Купина", 1993, с. 34–35.

Архимандрит МАКАРИЙ,
доцент Московской Духовной Академии

Н. О. ЛОССКИЙ

ДОСТОЕВСКИЙ и его христианское миропонимание

Россия и русский народ

1. Характер русского народа

В 1862 году Достоевский, будучи в Лондоне, посетил Герцена. После этой встречи Герцен писал Огареву, что Достоевский "верит с энтузиазмом в русский народ" (т. XV, с. 345). В "Дневнике писателя" Достоевский незадолго до смерти писал: "Я за народ стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величии их, как в святыню, верую" (1881). Россию как государство Достоевский любил уже в десятилетнем возрасте, будучи "воспитан на Карамзине" ("Дневник писателя", 1873). О русском народе и России он писал так много и разнообразно, что исчерпать здесь эту тему невозможно; она будет рассмотрена мною лишь настолько, насколько это необходимо для характеристики христианского мировоззрения Достоевского.

Согласно персоналистической метафизике, каждый народ есть личность высшего порядка, чем личное бытие каждого отдельного человека: лица, принадлежащие к составу народа, суть органы народа; конечно, они только отчасти живут интересами народа как целого, отчасти же ведут свою самостоятельную жизнь. Личность народа, как и всякая личность, есть своеобразный, единственный в мире индивидуум. Ин-

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1994, № 1, 2.

дивидуальное своеобразие народа не может быть выражено в общих понятиях. Общие свойства, которые можно подметить у отдельных лиц, входящих в состав народа, выразимы, конечно, в общих понятиях, но они представляют собою уже нечто вторичное, производное, не составляющее самой индивидуальности народа. Правда, и через эти общие свойства сквозит индивидуальность народа, но она может быть уловлена в них только теми людьми, которые долго жили среди народа, знают и любят его.

Трудность характеристики народа станет понятною, между прочим, и потому, что основные общие свойства человечности присущи каждому народу, и при том так, что каждый народ как целое совмещает в себе пары противоположностей. Например, русскому народу присущи и религиозный мистицизм и земной реализм. Русский религиозный мистицизм теоретически выражается, например, в наше время в пышном расцвете русской религиозно-философской литературы, а реализм – в не менее широком распространении материализма, позитивизма и т. п. направлений. В практической жизни для русского народа в высшей степени характерны, с одной стороны, например, странники, "взыскующие града", вроде Макара Ивановича, но, с другой стороны, не менее характерны и деловые люди, создавшие, например, русскую текстильную промышленность или волжское пароходство. Сочетание таких противоположностей, как религиозный мистицизм и земной реализм, имеется, конечно, не только у русских, но и у французов, немцев, англичан; однако у каждого из народов и мистицизм и реализм осуществляются по-своему, и вот это-то "по-своему" только приблизительно выразимо в понятиях. Особенно интересно найти ту основу, из которой у народа вырастают пары противоположных свойств так, что органическая цельность народа не разрушается. Русский мистицизм, например, имеет характер м и с т и ч е с к о г о р е а л и з м а; в русской гносеологии этой черте мистицизма соответствует такое направление, как и н т у и т и в и з м, в метафизике – к о н к р е т н ы й характер русских философских систем и любовь к и н д и в и д у а л ь н о м у бытию.

Достоевский любил русский народ индивидуально личною любовью. Мы попытаемся установить, что он любил в русском народе и как он представлял себе его характер. Из сказанного об индивидуальности народа (да и вообще всякой личности) ясно, что сведения, которые удастся получить в общих понятиях, будут сравнительно поверхностные. К счастью, первая черта русского народа, о которой мы будем говорить, выражена Достоевским в живом конкретном образе.

В девятилетнем возрасте, живя летом с родителями в имении, Федя Достоевский отправился один в лес за грибами и забрался в чащу густого кустарника. "Ничего в жизни я так не любил, – рассказывает Достоевский, – как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ежиками и белками, с его столь любимым мною сырым запахом перетлевших листьев. И теперь даже, когда я пишу это, мне так и послышался запах нашего деревенского березняка: впечатления остаются на всю жизнь. Вдруг среди глубокой тишины я ясно и отчетливо услышал крик: "Волк бежит!" Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика.

Это был наш мужик Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его все звали Мареем, – мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде. Я знал его, но до того никогда почти не случалось мне заговорить с ним. Он даже остановил кобыленку, заслышав крик мой, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другой за его рукав, то он разглядел мой испуг.

– Волк бежит! – прокричал я, задыхаясь.

Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновение почти мне поверив.

– Где волк?

– Закричал... Кто-то закричал сейчас: "Волк бежит!" – пролепетал я.

– Что ты, что ты, какой волк, померещилось вишь: какому тут волку быть, – бормотал он, ободряя меня.

Но я весь трясся и еще крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

– Ишь ведь испужался, ай-ай! – качал он головой. – Полно, родный, ишь малец, ай!

Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

– Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись.

Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивающих моих губ.

– Ишь ведь, – улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкою. – Господи, да что это, ишь ведь, ай, ай!

Я понял, наконец, что волка нет и что мне крик: "Волк бежит!" – померещился.

– Ну, я пойду, – сказал я, вопросительно и робко смотря на него.

– Ну и ступай, а я те во след посмотрю. Уж я тебя волку не дам! – прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь. – Ну, Христос с тобой, ну, ступай, – и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился.

Я пошел, оглядываясь назад почти каждые десять шагов. Марей, пока я шел, все стоял с своей кобыленкой и смотрел мне вслед, каждый раз кивая мне головой, когда я оглядывался" ("Дневник писателя", 1876, февраль).

В этой картинке прекрасно изображена душевная мягкость русского человека, одинаково часто встречающаяся и у простолюдина, и во всех слоях общества. Говорят иногда, что у русского народа – женственная природа. Это неверно: русский народ, особенно великорусская ветвь его, народ, создавший в суровых исторических условиях великое государство, в высшей степени мужествен; но в нем особенно примечательно сочетание мужественной природы с женственною мягкостью.

Услужливость и заботливость русского простолюдина, вхождение его в чужие интересы изображены несколькими штрихами в "Бесах" в рассказе о "последнем странствовании Степана Трофимовича" и встрече его с Анисимом. Жалостливость русского человека, выражающаяся, например, в отношении к преступникам как к "несчастным", общеизвестна. Достоевский высоко ценит то, что народ считает преступление виною, которая заслуживает наказания, тем не менее стремится облегчить участь наказанного человечным отношением к нему. Ненавидеть грех, но жалеть грешника – таким должно быть правильное отношение ко всякой личности, согласно св. Августину.

Доброту свою русский человек проявляет и на войне. Во время Севастопольской кампании раненых французов "уносили на перевязку прежде, чем своих русских", говоря: "Русского-то всякий подымет, а французик-то чужой, его наперед пожалеть надо". "Разве тут не Христос и разве не Христов дух в этих простодушных и великодушных, шутливо сказанных словах!" ("Дневник писателя", 1877, май-июнь). И во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов солдат кормит измученного в бою и захваченного в плен турка: "Человек тоже, хоть и не христианин". Корреспондент английской газеты, видя подобные случаи, выразился: "Это армия джентльменов" (1877, июль-август). Особенно ценно то, что у русских нет злопамятности. "Русские люди, – говорит Достоевский, – долго и серьезно ненавидеть не умеют" (1876, февраль).

Но более всего, пожалуй, ценит Достоевский в русском народе смирение, отсутствие гордости и самодовольства. "Никогда, даже в самые торжественные ми-

нуты его истории не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он воздыхает и относит славу свою к милости Господа" ("Дневник писателя", 1873).

Неудивительно, что народ, обладающий перечисленными свойствами, не особенно отстаивал свои права и завоевал политическую свободу только в 1905 году. Также и от крепостной зависимости русские крестьяне были освобождены позже, чем западноевропейские. Из этого, однако, вовсе не следует, будто русский народ имеет рабскую природу: внутренняя духовная свобода присуща русским людям, пожалуй, в большей степени, чем всем остальным европейцам, но о защите ее посредством внешних правовых форм они сравнительно мало заботились. Достоевский ссылается на великого знатока русского народа Пушкина, который говорил, что "русский человек н е р а б и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов (в целом, конечно, в общем, не в частных исключениях) – вот тезис Пушкина. Он даже по виду, по походке русского мужика заключал, что это не раб и не может быть рабом (хотя и состоит в рабстве)". "Он признавал и высокое чувство собственного достоинства в народе нашем (опять-таки в целом, мимо всегдашних и неотразимых исключений), он предвидел то спокойное достоинство, с которым народ наш примет и освобождение свое от крепостного состояния". Достоевский ссылается также на другого великого русского поэта – Лермонтова, который в стихах своих часто "мрачен, капризен", но, "чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен. Он любит русского солдата, казака, он чтит народ!" (1877, декабрь).

Великие русские писатели дали замечательные незабываемые образы скромных русских людей, строго исполняющих свой долг перед людьми и государством, проявляющих высокую человечность, в трудные минуты обнаруживающих спокойную храбрость без всякой рисовки. Таков у Пушкина комендант крепости капитан Миронов, таков штабс-капитан Максим Максимыч в "Герое нашего времени" Лермонтова, таков капитан Тушин в "Войне и мире" Льва Толстого. К этому типу русских людей приближается исправник Михаил Макарович в "Братьях Карамазовых". При аресте Димитрия Карамазова он, нарушая интересы судебного следствия, два раза бурно выражал свое негодование сначала против Димитрия, а потом, когда Грушенька закричала: "Это я, я, окаянная, виновата!", он обрушился на нее: "Да, ты виновата, ты неистовая, ты развратная, ты главная виноватая". Но очень скоро, прислушиваясь к тону показаний Димитрия, видя к тому же проявления горячей подлинной любви Димитрия и Грушеньки друг к другу, он совершенно изменил свое поведение. Когда Грушенька, будучи не в силах сдержать себя, бросилась из соседней комнаты к Мите, ее увели, а Митю прокурор и следователь долго уговаривали, чтобы он успокоился, Михаил Макарович, сопровождавший Грушеньку, вернулся в комнату допроса и с разрешения следователя обратился к арестованному. "Дмитрий Федорович, слушай, батюшка, – начал, обращаясь к Мите, Михаил Макарович, и все взволнованное лицо его выражало горячее, отеческое, почти сострадание к несчастному, – я твою Аграфену Александровну отвел вниз сам и передал хозяйским дочерям, и с ней там теперь безотлучно этот старичок Максимов, и я ее уговорил, слышь ты? уговорил и успокоил, внушил, что тебе надо же оправдаться, так чтоб она не мешала, чтоб не нагоняла на тебя тоски, не то ты можешь смутиться и на себя неправильно показать, понимаешь? Ну, одним словом, говорил и она поняла. И так успокойся, пойми ты это. Я пред ней виноват, она – христианская душа, да, господа, это кроткая душа и ни в чем неповинная. Так как же ей сказать, Дмитрий Федорович, будешь сидеть спокоен аль нет?" – "Добряк наговорил много лишнего, но горе Грушеньки, горе человеческое, проникло в его добрую душу, и даже слезы стояли на глазах его". В. Короленко, проведший значительную часть своей жизни в ссылке в разных местах Азиатской и Европейской России, сообщает в своей автобиографии "История мо-

его современника" множество случаев такого доброго отношения жандармов, полицейских и т. п. к заключенным и ссыльным.

"При полном реализме найти в человеке человека, – говорит Достоевский в своих записных тетрадях, – это русская черта по преимуществу". Свое собственное художественное творчество он характеризует этою чертою и поясняет: "В этом смысле я, конечно, народен, ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного"[1].

Синтез и завершение всех добрых свойств русского народа Достоевский находит в его христианском духе. "Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос", – думает Достоевский ("Дневник писателя", 1873). Достоевский доказывает эту мысль так: русский народ своеобразно принял Христа в свое сердце, как идеального человеколюбца; он обладает поэтому истинным духовным просвещением, получая его в молитвах, в сказаниях о святых, в почитании великих подвижников. Его исторические идеалы – святой Сергий Радонежский, святой Феодосий Печерский, святой Тихон Задонский (1876, февраль). Признав святость высшею ценностью, стремясь к абсолютному добру, русский народ не возводит земные относительные ценности, например частную собственность, в ранг "священных" принципов.

Носителем высоких идеалов является, согласно Достоевскому, в его время главным образом простой народ; верхний, образованный слой русского общества, оторвавшийся от почвы после петровской реформы, должен вернуться к народу и преклониться перед "правдою народною". В этом состоит "почвенничество" Достоевского. Не следует, однако, думать, будто Достоевский утверждает, что интеллигенция должна учиться у народа, а народ ничему не может научиться у интеллигенции. "Преклониться", говорит Достоевский, мы должны под одним лишь условием, и это sine qua non: чтобы народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было правдой; наше пусть остается при нас, и мы не отдадим его ни за что на свете, даже в крайнем случае, и за счастье соединения с народом. В противном случае пусть уж мы оба погибнем врозь" (1876, февраль).

Как могло случиться, что "народ-богоносец", народ "христианского духа" произвел самую свирепую и самую безбожную революцию? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим недостатки русского народа, восходя к той их основе, из которой вытекают и достоинства его. Увлеченный стремлением к абсолютному, русский человек сравнительно мало проявляет интереса к средней области земной культуры. "Или все, или ничего" – таков сознательный или безотчетный принцип поведения многих русских людей. В современной русской литературе особенно много писал об этом свойстве русского духа Бердяев. Русский человек может совершать великие подвиги во имя абсолютного идеала, но он может и глубоко пасть, если утратит его. Карсавин говорит, что если русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему; он способен перейти "от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта"[2].

Для большей ясности я попытаюсь изложить эту черту русского характера, опираясь на основы своего учения о строении личности. Всякая личность есть сверхвременное и сверхпространственное "я", одаренное с в е р х к а ч е с т в е н н о ю творческою силою. Сотворенного Богом о п р е д е л е н н о г о эмпирического характера (гордости, смирения, доброты, злобности, трусости, храбрости и т. п.) ни одна личность не имеет. Всякое "я" свободно вырабатывает себе само свой эмпирический характер: выбирая или творя те или другие ценности и осуществляя их, личность создает определенный способ поведения, то есть свой эмпирический характер. Она никогда не остается навеки связанною этим характером: как бы глубоко ни упрочился характер личности, основное свойство ее есть

сверхкачественная творческая сила; поэтому всякое "я" стоит выше своего эмпирического характера, может перерабатывать его и заменять совершенно новым способом поведения[3].

У западных европейцев, интересующихся больше, чем русские, среднею областью культуры, есть веками упроченная форма индивидуальной и общественной жизни; в связи с нею многие черты эмпирического характера отдельных лиц точно выработаны и глубоко укоренены уже с детства под влиянием воспитания и воздействия общественных нравов. Даже внешне – в чертах лица, в манерах, в одежде – в большинстве случаев обнаруживается эта строгая выработанность жизни. Поэтому между творческою силою западного европейца и его поступками стоит его эмпирический характер, ограничивающий его проявление так, что он иногда становится рабом своего характера и ему нужны неимоверные усилия, чтобы освободиться от своих привычек, традиций и т. п. Наоборот, русский человек в своем искании абсолютного и бесконечного обыкновенно не удовлетворяется надолго никакими определенными выработанными формами жизни. Поэтому у многих русских людей эмпирический характер недостаточно определен и не упрочен. Между творческою силою такого русского и его поступками не стоит как ограничивающий и направляющий фактор его эмпирический характер, не помогает устраивать жизнь легко в привычных формах, но за то и не стесняет свободы. Даже внешне это выражается в расплывчатых чертах лица, в невыработанных манерах, в небрежности одежды.

О невыработанности русского характера Достоевский рассуждает много в различных своих произведениях. В романе "Идиот" князь Мышкин говорит: "У меня жеста приличного, чувства меры нет". Интересно, что и в самом себе Достоевский отмечает эту черту: "Формы, жеста не имею" (Письма, № 269).

Многие недостатки, но зато и многие достоинства русского человека объясняются невыработанностью характера и формы поведения. У русского человека, говорит Достоевский, "широкий всеоткрытый ум" ("Дневник писателя", 1876, февраль). "Русские слишком богато и многосторонне одарены, чтобы скоро приискать себе приличную форму" ("Игрок"). В самом деле, четкая форма появляется там, где началась специализация, где из многих возможностей избрана одна определенная и на ней сосредоточены все силы, так что в одной, сравнительно ограниченной области получается высокая степень развития, но при этом остальные способности отмирают, многосторонность молодости исчезает, наступают возмужалость и старость. Таковы западные европейцы; они – старики.

Наоборот, "мы, русские", говорит Достоевский, "народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет; но большому кораблю большое плавание. Мы народ свежий, и у нас нет святынь quand meme. Мы любим наши святыни, но потому лишь, что они в самом деле святы. Мы не потому только стоим за них, чтобы отстоять ими l'Ordre" ("Дневник писателя", 1876, февраль).

Несвязанность русского человека своим эмпирическим характером только тогда хороша, когда он стремится к абсолютному идеалу Божественного добра. Но если он почему-либо утратит этот идеал, он не найдет тогда в своей душе никаких привычек и форм, сдерживающих страсти и помогающих бороться с соблазнами зла. Он может тогда дойти до крайних степеней зверства, например "наложив непомерно воз, сечет свою завязшую в грязи клячу кнутом по глазам" (1876, январь); он может тогда проявить крайнее озорство, хулиганство; он может оказаться изменником и предателем, каких свет не видывал (вспомним Гришку Кутерьму в опере Римского-Корсакова "Град Китеж"). Вступив на этот путь, русский человек испытывает потребность, говорит Достоевский, "хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – броситься в нее, как ошалелому, вниз головой".

В виде подтверждающего примера Достоевский рассказывает об одном дере-

венском парне, который "по гордости" взялся совершить поступок самый крайний по степени дерзости и совершил его, именно – расстрелял Причастие. В момент выстрела* он увидел перед собою "крест, а на нем Распятого" и упал без чувств. Через несколько лет муки раскаяния заставили его ползком добраться до "старца" в монастыре, чтобы исповедать свой грех (1873). Имея в виду подобные отвратительные проявления русского человека, Достоевский говорит: "Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает" (1876, февраль).

С невыработанностью эмпирического характера связана и русская широта, становящаяся предосудительною, когда человек оказывается способным созерцать сразу две бездны, принимать одновременно идеал содомский и идеал Мадонны. Говоря об этом, Димитрий Карамазов восклицает: "Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил". И в "Подростке" два раза идет речь об этой широте иных русских людей – один раз в связи с характером подростка, а другой раз в связи с поведением сестры его Анны Андреевны.

Юноша, руководившийся в детстве безотчетно усвоенными и инстинктивно выработанными религиозными и нравственными началами, если он духовно одарен, переживает период сознательной критики этих основ жизни. При этом он иногда испытывает кризис сомнения и даже временной утраты религии и традиционной нравственности; что касается религии, она утрачивается иногда уже до конца жизни. Особенно остро протекает такой кризис у множества русских молодых людей. "Русские мальчики, – говорит Достоевский устами Карамазова, – едва лишь познакомятся, тотчас начинают говорить о вековечных вопросах <...> есть ли Бог, есть ли бессмертие", а утратив веру в Бога, толкуют "о переделке всего человечества по новому штату" – "так это все те же вопросы, только с другого конца".

Если народ духовно одарен, то и целый народ, переходя от инстинктивных основ своего национального бытия к осознанию их, может пережить период критического сомнения в них и даже отрицания. В Древней Греции во времена Сократа симптомом такого кризиса была деятельность софистов с их атеизмом, скептицизмом, этическим релятивизмом. Подобный кризис начал переживать русский народ начиная с середины XIX века. Он выразился сначала в нигилизме, широко распространившемся в кругах образованных русских людей, особенно среди разночинцев. Спускаясь все ниже, этот кризис в XX веке охватил рабочих и часть крестьянства и нашел себе выражение в большевистской революции, самой разрушительной из всех, пережитых человечеством.

Отношение Достоевского к западничеству ("либерализму") и славянофильству, к нигилизму и к революционному социализму, не обоснованному нравственно и религиозно, было и будет предметом многих специальных исследований. Здесь я скажу об этом предмете лишь несколько слов, насколько это необходимо для характеристики христианского миропонимания Достоевского.

Достоевский не был ни односторонним славянофилом, ни односторонним западником-либералом. "Обе партии, – писал он, – в отчуждении одна от другой, во вражде одна с другой сами ставят себя и свою деятельность в ненормальное положение, тогда как в единении и в соглашении друг с другом могли бы, может быть, все возместить, все спасти, возбудить бесконечные силы и воззвать Россию к новой, здоровой, великой жизни, доселе еще невиданной" ("Дневник Писателя",

---

* Н. Лосский неточно пересказывает текст: выстрела и вовсе не было. Вот как у Ф. М. Достоевского: "Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг передо мною как есть Крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии". – *Ред.*

1880). Но о крайних западниках-либералах он писал язвительно и непримиримо. Ему ненавистно было в них отрицательное отношение к православию как форме религиозности будто бы реакционной, мешающей развитию русского народа. Не менее ненавистно ему было отрицание некоторыми либералами индивидуального своеобразия русского народа, уверенность их в том, что нет никакой "русской правды народной", что все своеобразие в русском народе есть пережиток варварства и развитие русского народа должно свестись к усвоению западноевропейской науки с ее "просвещенным и гуманным атеизмом" и к пересадке на русскую почву западных политических форм. Отвечая Кавелину, Достоевский пишет в своих записных тетрадях: западничество есть "партия во всеоружии, готовая к бою против народа, и именно политическая. Она стала над народом, как опекающая интеллигенция, она отрицает народ, она, как вы, спрашивает, чем он замечателен, и, как вы, отрицает всякую характерную самостоятельную черту его, снисходительно утверждая, что эти черты у всех младенческих народов. Она стоит над вопросами народными: над земством так, как его хочет и признает народ; она мешает ему, желая управлять им по-чиновнически, она гнушается идеи органической духовной солидарности народа с царем"[4].

Достоевский готов встретить западников "в восторге сердца", если они "признают хоть самостоятельность и личность русского духа, законность его бытия и человеколюбивое, всеединяющее его стремление" (1880, август).

В письме к Майкову из Женевы в 1868 году Достоевский пишет, что "в русской либеральной печати все та же заскорузлая ненависть к России", "наш либерал не может не быть в то же самое время закоренелым врагом России и сознательным". Через два года в письме к тому же Майкову он рассказывает, что прочитал в передовой статье "Голос" признание: "Мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехами оружия союзников и поражению наших". И действительно, русские люди в своем страстном желании видеть родину совершенною подчеркивают и преувеличивают все недостатки ее и в обличении их доходят до так называемого "самооплевания", явления, не замечаемого у других народов. Точно так же во время войны среди русских, вероятно, чаще, чем среди других народов, встречаются пораженцы, надеющиеся на исцеление своего государства от тех или других недостатков путем военной катастрофы.

Русский нигилизм и материалистический социализм идут гораздо дальше отрицания Церкви и ценности национального своеобразия. Отвергнув идею Божественного добра, русский социал-атеист абсолютизирует какую-нибудь относительную ценность, например коммунизм, и доходит до крайних степеней последовательности в отрицании и разрушении всех ценностей, которые кажутся ему несовместимыми с социализмом или сколько-нибудь замедляющими его осуществление. В прокламации "Молодая Россия", появившейся в 1862 году, дается совет для осуществления "социальной и демократической республики русской" произвести революцию, не останавливаясь ни перед какими жестокостями: "...бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам. Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против нас, кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами".

Мысль о необходимости истребить всех, кто по строю своей души не годится для преобразования общества на новых началах, высказывали в России не только жестокие революционеры, способные на любое преступление, но и люди мягкосердечные. В романе "Бесы" Липутин, представляя Степану Трофимовичу Кириллова, человека доброго, не способного мухи обидеть, говорит о его идеологии: они "до сущности вопроса или, так сказать, до нравственной его стороны совсем не прикасаются и даже самую нравственность совсем отвергают, а держатся но-

вейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей. Они уже больше чем сто миллионов голов требуют для водворения здравого рассудка в Европе, гораздо больше, чем на последнем конгрессе мира потребовали". Большевистская революция эту программу и осуществила: всеобщее разрушение произведено ею в такой степени, что дать понятие о нем людям, не пережившим этого ужаса, невозможно, а количество отправленных на тот свет людей равняется не менее чем тридцати миллионам, если считать не только расстрелянных людей, но и смертность в концентрационных лагерях, и гибель множества людей от голода в начале революции вследствие реквизиции хлеба, а потом вследствие стремительного разрушения индивидуальных крестьянских хозяйств и замены их колхозами.

Перечисленные недостатки русских людей исходят из того же источника, из которого вытекает и христианских дух его, именно из напряженного искания абсолютного. Замечательно, что такие лица, как Чернышевский, Добролюбов и самый яркий представитель нигилизма – Писарев, в молодости были глубоко религиозны. Писарев, например, будучи студентом, вступил в кружок религиозных мистиков, считавших своею обязанностью девственность на всю жизнь. Быть может, именно чрезмерность его религиозного горения была причиною утраты им веры спустя два года[5].

2. Миссия русского народа

Зная глубокую религиозную основу русского духа, Достоевский, несмотря на все недостатки народа, верил в то, что русским предстоит осуществить великую миссию в Европе. "Сущность русского призвания" он видит "в разоблачении перед миром Русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном Православии" (Письма, № 325). Ввиду широты русского ума и характера Достоевский уверен, что христианский дух выразится в способности выработать синтез всех противоположных идей и стремлений, разделяющих народы Европы, откуда получится не только теоретическое, но и практическое примирение всех разногласий.

Замечательно, что эта способность и страсть русского ума ко всеохватывающему синтезу отмечена задолго до Достоевского, как это указывает Б. Яковенко в своей "Истории русской философии", многими русскими писателями – кн. В. Ф. Одоевским, Белинским, И. В. Киреевским, Шевыревым[6].

В 1861 году в журнале "Время" Достоевский писал, что основное стремление русских людей есть "всеобщее духовное примирение". "Русская идея станет со временем синтезом всех тех идей, которые Европа так долго и с таким упорством вырабатывала в отдельных своих национальностях". Западные народы стремятся "отыскать общечеловеческий идеал у себя, собственными силами и потому все вместе вредят сами себе и своему делу". "Идея общечеловечности все более и более стирается между ними. У каждого из них она получает другой вид, тускнеет, принимает в сознании новую форму. Христианская связь, до сих пор их соединявшая, с каждым днем теряет свою силу". Наоборот, в русском характере "по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности". "Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса". "Вот почему европейцы совершенно не понимают русских и величайшую особенность в их характере назвали безличностью" (Там же, III). В величайшем русском поэте Пушкине всего совершеннее воплощен этот "русский идеал – всецелость, всепримиримость, всечеловечность" (Там же, V). Именно русские, думает Достоевский, положат начало "всепримирению народов" и "обновлению людей на истинных началах Христовых" ("Дневник писа-

теля", 1876, июнь). Восточный идеал, то есть идеал Русского Православия, есть "сначала духовное единение человечества во Христе, а потом уж, в силу этого духовного соединения всех во Христе, и несомненно вытекающее из него правильное государственное и социальное единение" (1877, май-июнь). Такой идеал есть применение формулированного Хомяковым принципа соборности не только к строю Церкви, но и к строю государственному, к строю экономическому и даже к международной организации человечества.

Речь о Пушкине, произнесенная Достоевским 8 июня 1880 года в Москве, была верховным выражением его убеждения в том, что "сила русской народности" есть "стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности".

Что касается внутреннего строя русской общественности, Достоевский и здесь видел нечто вроде соборности, указывая на демократизм всех слоев русского общества. "Честность, бескорыстие, прямота и откровенность демократизма в большинстве русского общества не подвержены уже никакому сомнению", – говорит Достоевский. В Европе "демократизм до сих пор и повсеместно заявил себя еще только снизу, еще только воюет, а побежденный (будто бы) верх до сих пор дает страшный отпор. Наш верх побежден не был, наш верх сам стал демократичен или, вернее, народен". Поэтому у нас в России "временные невзгоды демоса непременно улучшатся под неустанным и беспрерывным влиянием впредь таких огромных начал (ибо иначе и назвать нельзя), как всеобщее демократическое настроение и всеобщее согласие на то всех русских людей, начиная с самого верху" (1876, май).

Во главе "Религиозной жизни Достоевского" мною поставлен вопрос: было ли для Достоевского православие самоценностью или только средством, необходимым для политической жизни России? Ответ там был дан следующий: любя русский народ, Достоевский стал внимательно всматриваться в то, что дорого русскому народу и в чем выражаются его достоинства; при этом ему открылась самоценность Русского Православия. Глава о характере русского народа должна служить окончательным подтверждением мысли, что разделение на цели и средства здесь не имеет смысла: любовь к русскому народу и любовь к Русскому Православию составляют в его душе органическое целое, две стороны которого друг друга поддерживают и взаимно обосновывают.

Ход русской истории как будто опровергает убеждение Достоевского в том, что христианский дух есть выражение сущности русского народа. Именно русский народ осуществил наиболее свирепую антихристианскую и принципиально атеистическую революцию. В ответ на это сомнение следует напомнить, что революция есть преходящее болезненное состояние общества. Великая французская революция, несмотря на жестокие преследования Церкви, не уничтожила католичества во Франции. Согласно сведениям из России, сами большевики сознаются, что религиозность в русском народе до сих пор сильна. Можно надеяться, что Русское Православие после тяжелых испытаний не погибнет, а, наоборот, поднимется на еще более высокую ступень сознательности и духовной чистоты. Тогда исполнятся слова старца Зосимы, хотя и не так, как надеялся Достоевский: "Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая Православная Русь".

3. Россия как государство

Россия, как великая Империя, есть существо большее, чем русский народ. Однако русский народ есть важнейший фактор Российской Империи и основные черты его духа в значительной степени определяют характер ее государственности. Поэтому мысли Достоевского о свойствах России как государства и о ее миссии тесно связаны с изложенными взглядами его на русский народ.

В главе "Перерождение убеждений" показано, что Достоевский был противником ограничения самодержавия: он опасался, что политическою свободою вос-

пользуются высшие слои общества, буржуазия и образованные люди, для того чтобы подчинить простой народ своим интересам и своим идеалам. "Наша конституция, – говорит Достоевский, – есть взаимная любовь Монарха к народу и народа к Монарху" (Письма, № 302). Гражданские свободы, свободу совести, свободу мысли, свободу печати, как подробно рассказано уже об этом, Достоевский во все периоды своей жизни любил и отстаивал. Земское и городское самоуправление он ценил высоко и считал их соответствующими духу русского народа. В записных тетрадях, подготовляя роман "Бесы" и обдумывая образ Ставрогина (сначала под именем "князя"), Достоевский писал и, без сомнения, выражал при этом свою мысль: "если реформа, самоуправление, то уж поставь ее ясно, твердо, не колеблясь и веря в силу нации"; "немецкое начало, администрация, хочет коренную русскую форму, то есть самоуправление, к рукам прибрать". Далее одно из действующих лиц поясняет, имея в виду эти мысли "князя": "Любопытно, что он так глубоко мог понять сущность Руси, когда объяснял ее и воспламенял этим Шатова"[7].

Находя в русском народе "всеобщее демократическое настроение", Достоевский, без сомнения, приветствовал бы и установление политической демократии в форме демократической монархии, если бы надеялся, что политическую свободу в России могут действительно использовать и низшие слои народа в духе своих идеалов. В последний год своей жизни, когда шли толки о созыве Земского собора, он рекомендовал спросить "серые зипуны" о их нуждах и даже говорил об ответственности министров перед Земским собором.

Место России в Европе и международная политика ее особенно интересовали Достоевского. Мысль, что нравственные принципы должны руководить только поведением частных лиц, но не государства, возмущала его. Осуждая поведение таких дипломатов, как Меттерних, Достоевский говорит: "...политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но, может быть, и самая в ы г о д н а я политика для великой нации именно потому, что она великая" ("Дневник писателя", 1876, июль-август). Россия именно и ведет себя как великая нация. "Россия, – говорит Достоевский, – никогда не умела производить настоящих своих собственных Меттернихов и Биконсфильдов, напротив, все время своей европейской жизни она жила не для себя, а для чужих, именно для общечеловеческих интересов". Бескорыстие ее часто напоминает рыцарскую природу Дон-Кихота. "В Европе кричат о "русских захватах, о русском коварстве", но единственно лишь, чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами крикуны отнюдь тому не верят, да и никогда не верили. Напротив, их смущает теперь и страшит в образе России скорее нечто правдивое, нечто слишком уж бескорыстное, честное, гнушающееся и захватом и взяткой. Они предчувствуют, что подкупить ее невозможно и никакой политической выгодой не завлечь ее в корыстное или насильственное дело" (1877, февраль).

Недавно появилась брошюра проф. Спекторского "Принципы европейской политики России в XIX и XX веках"[8]. В ней профессор Спекторский, опираясь на множество фактов, доказывает, что Россия руководилась преимущественно политикою принципов, тогда как западные государства вели политику интересов. "Принципами европейской политики России было спасение погибающих, верность договорам и союзникам и солидарный мир" (13).

Могут возразить, что Россия при самодержавии вела бескорыстную политику не по воле народа, а по приказанию своих государей, например Александра I, Николая I, Александра II. Многими фактами можно доказать, что это неверно и что бескорыстная политика соответствовала духу самого русского народа. Так, после наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 года в народе шли толки, что это бедствие есть возмездие за грех неоказания помощи единоверцам грекам, восставшим против турецкого ига. Русско-турецкая война 1877–1878 годов, имевшая целью за-

щиту православных славян, была поддержана сочувственным движением широких народных масс.

Петровскую реформу, несмотря на опасности и временные уклонения в сторону обезличения, Достоевский высоко ценит за то, что она освободила Россию от "замкнутости"; следствием ее "явилось расширение взгляда беспримерное" и такое приобщение к Европе, благодаря которому мы сознали "всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами для всеобщего примирения". Вступив в европейскую жизнь, Россия получает возможность "деятельного приложения нашей драгоценности, нашего Православия, к всеслужению человечеству" (1876, июнь). Первым шагом на этом пути должно быть решение восточного и славянского вопросов, которые в понимании Достоевского весьма сближаются друг с другом. В самом деле, значение проливов для экономической жизни России и для обороны Черноморского побережья известно Достоевскому, но не это интересует его. "Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше, – говорит Достоевский, но не для захвата и не для насилия". Требовать Константинополя от Европы Россия, думает Достоевский, имеет "нравственное право", "как предводительница Православия, как покровительница и охранительница его" (1876, июнь, декабрь; 1877, март).

Утвердившись в Константинополе и освободив болгар и сербов от турецкого ига, Россия, надеется Достоевский, положит начало "всеединению славян" "ради всеслужения человечеству" (1876, июнь). Он знает, что Западная Европа будет всеми силами противиться панславизму, опасаясь усиления России. Даже в самой России, в статье профессора Грановского, Достоевский нашел мысль, что внимание России к судьбе южных славян обусловлено не идеальными мотивами, а соображениями практической выгоды и стремлением к усилению. Борясь с этою мыслью Грановского, Достоевский мимоходом признается, что его он имел в виду, когда в образе Степана Трофимовича Верховенского обрисовал русского либерала, осмеивая его, но вместе с тем любя и уважая. В утешение людям, боящимся усиления России, Достоевский говорит, что для самой России дело освобождения славян будет источником "только возни и хлопот" (1876, июль-август). Он предвидит, что "не будет у России и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными". Произойдет это "не по низкому неблагодарному будто бы характеру славян, совсем нет – у них характер в этом смысле как у всех, – а потому, что т а к и е в е щ и на свете иначе и происходить не могут". "Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта". "Они будут заискивать перед европейскими государствами", будут говорить, что "они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации". "Между собою эти землицы будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать" (1877, ноябрь). Поэтому "без единящего огромного своего центра – России – не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе, как бы там ни мечтали люди сербской интеллигенции или там разные цивилизованные по-европейски чехи..." (1877, февраль).

Несмотря на все эти печальные пророчества, Достоевский любит славян и

считает долгом России бескорыстно бороться за свободу их. "В теперешней же войне, – говорит он, – освободив славянские земли, мы не приобретем из них себе ни клочка (как мечтает уже Австрия для себя), а, напротив, будем надзирать за их же взаимным согласием и оборонять их свободу и самостоятельность хотя бы от всей Европы" (1877, апрель). Он надеется, что освобожденные славяне после вековой, может быть, розни, поймут наконец бескорыстие России и образуют с нею федеративное государство, в котором каждый член получит "как можно более политической свободы". Достоевский мечтает, что "к такому союзу могли бы примкнуть наконец и когда-нибудь даже и не православные европейские славяне" (1876, июнь).

Говоря о всеславянской федерации, Достоевский, очевидно, имеет в виду труд Н. Я. Данилевского "Россия и Европа". Данилевский задается целью доказать, что объединенные славяне внесут в исторический процесс новый вид культуры и осуществят новый культурно-исторический тип, который придет на смену романо-германскому культурно-историческому типу. Однако отличие Достоевского от идей Данилевского очень велико. Согласно Данилевскому, культурно-исторические типы так своеобразны, что почти не способны влиять друг на друга и выработать общечеловеческую единую культуру невозможно. Наоборот, Достоевский не сходит с почвы христианского универсализма. "Мы первые объявили миру", говорит он, "что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполнясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю" (1877, апрель).

Прекрасны мечты Достоевского о всеобщем братстве народов и мирном развитии культуры. Говоря о России, он постоянно подчеркивает ее бескорыстие и нежелание ее производить хищнические захваты чужих земель. Обстоятельные доказательства того, что Россия, создавая громадную империю, никогда не убивала никакой сложившейся национальной личности, он имел перед собою в книге Данилевского "Россия и Европа". К сожалению, однако, нельзя закрыть глаза на то, что славянский и русский мессианизм соблазнил Достоевского к утверждению, будто захват Константинополя Россиею был бы нравственно оправдан. Он упускает из виду, что охрана Православия и защита экономических и стратегических интересов России может быть достигнута без отнятия Константинополя у турок, путем мирного соглашения с Турциею и другими государствами.

Скажу, кстати, мимоходом несколько слов об отношении Достоевского к войне. Христианство, как Православие так и Католичество, считая войну злом, признает, однако, что есть другие виды зла, еще худшие, и потому допускает в борьбе с ними войну, например для спасения народа, погибающего от насилий хищника-завоевателя. И Достоевский держится этого мнения, но уж слишком увлекается положительными сторонами войны: он говорит, что "долгий мир всегда родит жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное – умственный застой. В долгий мир жиреют лишь одни эксплуататоры народов". Накопив огромные богатства, эксплуататоры пресыщаются, начинают искать ненормальных наслаждений, рознь между богачами и бедняками усиливается, "теряется вера в братство людей". Из этого состояния общества возникают войны с корыстною целью, например из-за новых рынков; такие войны "развращают и даже губят народы". Наоборот, "война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень", укрепляет "сознанием самопожертвования", сознанием исполненного долга и соли-

дарности всей наци (1877, апрель; см. также: Письма, № 353).

Горячая любовь к России не мешала Достоевскому видеть недостатки ее государственного и общественного строя. Так, в "Бесах" он дал меткую сатиру на самовластие губернатора, который, не выслушав выборных от рабочих, пришедших жаловаться на мошенничество управляющего фабрикою, принял их за бунтовщиков и высек нескольких из них. Великолепно изображены в романе также нелепость и незаконность мер, которые принимал для борьбы с революционерами не только губернатор, но и подчиненный ему чиновник. Всякий "административный восторг" (словечко Степана Трофимовича) был отвратителен Достоевскому. Под конец своей жизни он писал в своих тетрадях, что наше общество не консервативно потому, что "все у него отнято, до самой законной инициативы". "Все права русского человека – отрицательные. Дайте ему что положительного – и увидите, что он будет тоже консервативен". "Не консервативен он потому, что нечего охранять"[9].

4. Европа, Россия и русский народ

Достоевский возмущается тем, что западные европейцы не знают и не понимают России и русского народа, ненавидят Россию, боясь ее силы, считают русский народ варварским, лишенным гения.

Для нас, русских, наоборот, Западная Европа – "страна святых чудес". Эти слова славянофила Хомякова Достоевский повторяет много раз. Приведя их в статье о кончине Жорж-Занд, Достоевский говорит: "У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа – даже и в том случае, если мы называемся славянофилами" ("Дневник писателя", 1876, июнь). "Знаете ли вы, как дороги нам эти "чудеса" и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена, населяющие ее и все великое и прекрасное совершенное ими. Знаете ли, до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и р о д н о й нам страны?" (1877, июль-август). "Всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России". Достоевский называет при этом Шекспира, Байрона, Вальтера Скотта, Диккенса. Что же касается Шиллера, он "в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил. Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени во всю всемирную историю, и если это свойство есть действительно наша национальная русская особенность, то какой обидчивый патриотизм, какой шовинизм был бы в праве сказать что-либо против этого явления и не захотел, напротив, заметить в нем прежде всего самого широко обещающего и самого пророческого факта в гаданиях о нашем будущем" (1876, июнь). И в самом деле, замечу я, эта "всеоткрытость" русского духа есть признак высокой одаренности, которая дала уже замечательный плод: в художественной литературе русской явились в XIX веке три первоклассных гения – Пушкин, Достоевский, Лев Толстой*.

Образованный русский в большинстве случаев любит все великие творения духовной культуры, созданные Западною Европою; борьбу за усовершенствование государственного строя и достижение социальной справедливости он обыкновенно даже слишком идеализирует, усматривая в ней только возвышенные мотивы. Тем более горькое чувство вызывают в таком русском идеалисте подмеченные им при более близком знакомстве недостатки Европы. После первой поездки на Запад, совершенной в 1862 году, Достоевский писал в статье "Зимние заметки о

---

* К сожалению, Н. Лосский, толкуя о Православии, выстраивает ряд гениев по их писательским, художническим достоинствам. Духовно такого соседства не может быть. – *Ред.*

летних впечатлениях", что его поражает "буржуазность" западных европейцев ("накопить деньги, завести как можно больше вещей"); очень огорчен был он тем, что "свобода, равенство и братство" оказались весьма далекими от подлинного осуществления.

После многолетнего пребывания за границею Достоевский еще более разочаровался в современной ему Европе. Его поразила "замкнутость" в себе западных народов: англичанин хочет быть только англичанином, француз – только французом (1876, июль-август; "Время", январь). "Обособление" западных народов делает их в случае спора непримиримыми: "...уступить друг другу не хотят ничего и скорее умрут, чем уступят" ("Дневник писателя", 1876, март). Поэтому русский, увлекшийся выставленным Западною Европою идеалом выработки общечеловеческой культуры и искренне принявший эту задачу к сердцу, стал более европейцем, чем европейцы. Эту мысль Достоевский прекрасно выразил в приведенных выше речах Версилова.

Достоевский любит говорить о всеоткрытости русского духа, о способности его перевоплощаться в дух других наций, о его любви к другим народам. Но сам он, могут задать вопрос, обладал ли этими свойствами? Почему он в своих романах выставляет иностранцев обыкновенно в очень непривлекательном виде? Вспомним, например, как зло изобразил он в "Братьях Карамазовых" поляков пана Муссяловича и пана Врублевского или в "Игроке" маркиза Де-Грие. Этой темы я коснусь лишь слегка. Множеством фактов из жизни и творчества Достоевского можно доказать, что Западная Европа для него действительно "страна святых чудес". Он понимал и любил все великие проявления духовной жизни Западаной Европы. Но художественно изобразить значительную личность западного европейца в духе своего реализма он не мог вследствие недостатка опыта. Если бы он родился и жил в католической Франции, он мог бы вместо старца Зосимы дать образ святого вроде монсеньора Бьенвеню в романе В. Гюго "Les Miserables" – произведении, которое Достоевский особенно любил и много раз перечитывал. Оставаясь в области хорошо знакомого, Достоевский вводит в свои романы иностранцев только на второстепенные роли, где можно ограничиться поверхностною обрисовкою. Он говорит и о добрых качествах их, например доктора Герценштубе в "Братьях Карамазовых", но чаще изображает отрицательные черты. Вспомним, однако, что и в художественном изображении русских людей Достоевский больше дает ярких картин зла, чем добра; поэтому нельзя говорить о несправедливом отношении его к иностранцам. О грандиозных проявлениях зла у русских героев Достоевского подробно было сказано в главе "Личность в художественном творчестве Достоевского". Что же касается второстепенных лиц, Достоевский часто пользуется ими, чтобы беспощадно и язвительно осмеять некоторые типичные недостатки русских людей. Вспомним, например, в "Идиоте" сцену появления у князя Мышкина компании нигилистов, требовавших, чтобы князь Мышкин отдал Бурдовскому часть наследства Павлищева. Великолепно также изображение бестолковщины, часто встречающейся в разных видах в русском обществе; в романе "Бесы", например, рассказано, как гости, собравшиеся у Вергинского, подняли вопрос, происходит ли у них простая беседа или заседание; они хотели решить этот вопрос голосованием, но несколько попыток голосования ни к чему не привели вследствие невнимательности одних участников собрания и непонятливости других.

Социализм

"Я никогда не мог понять мысли, – говорит Достоевский, – что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во

мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько их там народится) будут все когда-нибудь образованны, очеловечены и счастливы" ("Дневник писателя", 1876, январь). В записных тетрадях Достоевского много раз повторяется заметка об этих несчастных девяти десятых человечества. С молодых лет и до конца жизни его волновала мысль о социальной справедливости, о необходимости обеспечить каждому человеку средства для развития духовной жизни, об охране достоинства человеческой личности, о защите от произвола.

В своих романах Достоевский много говорит о ранах, наносимых душе человека обидами вследствие социального и имущественного неравенства. В "Дневнике писателя" он много пишет о жестокой силе капитала, об изнуренном нищетою и трудом пролетариате и т. п. Долинин говорит, что Достоевский "мечтает, как истый толстовец, о достижении гармонии на земле путем любви", а сам "классовую борьбу разжигает в каждой строчке своей, как только заговорит об угнетенных в прошлом и настоящем, на Западе и в России"[10].

Самое влиятельное движение в XIX веке и до наших дней, надеющееся осуществить социальную справедливость в полной мере, есть социализм. Отношение Достоевского к социализму и будет предметом настоящей главы.

Достоевский сам был участником социалистического движения, как член кружка Петрашевского, едва не подвергнувшийся смертной казни и перенесший восьмилетнюю каторгу и ссылку. По мере того как Достоевский созревал духовно, в нем все более развивалась ненависть к тому виду социализма, который наиболее распространен со второй половины XIX века вплоть до наших дней, именно к революционному атеистическому социализму, опирающемуся на материалистическое миропонимание, не обоснованное нравственно и религиозно. Для Достоевского верховными ценностями были индивидуальная человеческая личность и свободное духовное развитие ее. А материалистический социализм сосредоточивает свое внимание на материальных благах, не ценит индивидуальной личности и не дорожит свободою духовной жизни. Об отрицательном отношении Достоевского к этим чертам материалистического социализма было уже много сказано в предыдущих главах. Теперь остается дополнить сказанное немногими штрихами.

Духовный строй буржуа и социалиста-материалиста, согласно Достоевскому, однороден: и тот и другой ценят выше всего материальные блага. "Нынешний социализм, – пишет Достоевский, – в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причина всех бедствий человеческих одно – нищета, борьба за существование, "среда заела". Эти социалисты "по моему примечанию, в ожидании будущего устройства общества без личной ответственности, покамест страшно любят деньги и ценят их даже чрезмерно, но именно по идее, которую им придают" (замечательное письмо к В. А. Алексееву о трех искушениях Христа диаволом см.: Письма, № 550).

Прежде была в социализме нравственная постановка вопроса: "были фурьеристы и кабетисты, были споры и дебаты о разных весьма тонких вещах. Но теперь предводители пролетариата все это до времени устранили" и борьба руководится лозунгом: Ote toi de la que je m'y mette ("убирайся, а я – на твое место"). Любые средства считаются при этом дозволенными: коноводы материалистического социализма говорят, что "не считают их, буржуазию, способными стать братьями народу, а потому-то и идут на них просто силой, из братства их исключают вовсе: "...братство-де образуется потом, из пролетариев, а вы – вы сто миллионов обреченных к истреблению голов, и только. С вами покончено для счастья человечества". Другие из коноводов прямо уже говорят, что братства никакого им и не надо, что христианство – бредни и что будущее человечество устроится на основаниях научных" ("Дневник писателя", 1877, февраль).

Если нравственные основы построения общества отвергнуты, то и социальное единство окажется неосуществимым. "Чем соедините вы людей, – спрашивает Достоевский, отвечая Градовскому на его статью, содержащую критику "Пушкинской речи", – для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной"? Эту первоначальную великую идею Достоевский тотчас же и указывает: все нравственные принципы, говорит он, "основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе все, все стремления, все жажды, а стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы. Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью "спасти животишки". Ничего не получите, кроме нравственной формулы: Chacun pour soi et Dieu pour tous. С такой формулой никакое гражданское учреждение долго не проживет" (1880, август). Наоборот, в краткой формуле Достоевского заключается вся сущность христианского миропонимания. Христианский идеал личного абсолютного самосовершенствования ведет к Царству Божию, в котором каждый член любит Бога больше себя и всех сотворенных Богом лиц – как себя. Поведение бывает правильным лишь настолько, насколько оно сознательно или инстинктивно руководится такою любовью, с которою тесно связана также и любовь к неличным абсолютным ценностям – к истине, к красоте. Не только личные индивидуальные отношения, но также и социальные связи, всякая социальная иерархия, всякое социальное подчинение и командование, добросовестно исполняемые, в конечном итоге должны восходить к идеалу абсолютного добра с Богом во главе. Наивно, но правильно высказал эту мысль седой капитан, воскликнувший, слушая рассуждения атеистов: "Если Бога нет, то какой же я после того капитан!" ("Бесы"). В русской философской литературе мысль о религиозной основе социальной жизни особенно хорошо выработана в "Оправдании добра" Вл. Соловьева и в книге С. Франка "Духовные основы общества".

Социалисты-атеисты, отвергнув идею бескорыстного нравственного долга, считая единственным мотивом поведения человека стремление к своей пользе и самосохранению, требуют в то же время, чтобы гражданин будущего общества отказался "от права собственности, от семейства и от свободы"; "устроить так человека можно только страшным насилием и поставив над ним страшное шпионство и беспрерывный контроль самой деспотической власти" (1877, февраль). В обществе, лишенном духовного идеала, люди таковы, что "дай им хлеб – и они от скуки станут, пожалуй, врагами друг другу" (Письма, № 550). "Никогда не сумеют они разделиться между собою", – говорит Великий Инквизитор, и самые хлебы, добытые ими, будут в руках их обращаться в камни.

Замысел построить общество без нравственного обоснования, опираясь только на науку и на мнимо научные аксиомы вроде "борьбы за существование", Достоевский сравнивает с построением Вавилонской башни; пытаясь устроить нечто вроде муравейника, люди не создадут богатств, наоборот, они придут к такому разорению, которое закончится антропофагиею ("Дневник писателя", 1877, ноябрь). В "Бесах" Шигалев выработал программу муравейного строя. "Выходя из безграничной свободы, я заключаю, – говорит он, – безграничным деспотизмом". Петр Верховенский рассказывает, что "у него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносить". "Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях – клевета и убийство, а главное – равенство". Шигалевщина казалась шаржем, созданным ненавистью Достоевского к атеистическому социализму. Теперь, однако, приходится признать, что большевистская революция осуществила шигалевщину и даже, пожалуй, перещеголяла ее. В большевистском социализме шпионство доведено до того, что зачастую родители и дети не доверяют друг другу. Большевистская деспотия более многостороння и придирчива, чем деспотия какого-нибудь негритянского царька. Клевета и убийства применяются в самых широких

размерах. В большевистском строе нет ни малейшей свободы совести (для учителя нет даже свободы молчания о религиозных вопросах), нет никакой свободы мысли, свободы печати, нет правовых гарантий, защищающих личность от произвола; эксплуатация трудящихся государством доведена до такой степени, о какой и не снилось капиталисту в буржуазном строе.

Достоевский настойчиво повторяет, что революционный атеистический социализм приведет к такому разрушению, которое вызовет антропофагию. Это пророчество его исполнилось буквально: в СССР по крайней мере два раза были периоды людоедства: в 1920–1921 годах вследствие голода, вызванного "военным коммунизмом", и в 1933 году вследствие голода, вызванного стремительным переходом от единоличного сельского хозяйства к колхозам. Потрясающую картину случаев людоедства можно найти в художественной советской литературе, например в рассказе В. Иванова "Полая Арапия"[11].

Достоевский ясно представлял себе, какими путями, наверное, нельзя прийти к установлению социальной справедливости, но положительного определенного идеала общественного строя он и сам не разработал, и от других мыслителей не усвоил. В 1849 году на допросе Достоевский показывал, что социалистические "системы", также и система Фурье, его не удовлетворяют, но при этом он заявил, что считает идеи социализма, при условии мирного осуществления их, "святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества"[12]. Такое убеждение Достоевский, по-видимому, сохранил до конца дней своих. Это ясно видно из его статьи по поводу кончины Жорж-Занд. В 1876 году Достоевский с глубоким чувством проникновенно говорит о социализме Жорж-Занд, стремящемся обеспечить духовную свободу личности и обоснованном на нравственных началах, "а не на муравьиной необходимости" (1876, июнь). Но в эту пору своей жизни Достоевский требовал, чтобы общественный строй определенно опирался на заветы Христа. Он писал В. А. Алексееву в июне 1876 года: "Христос знал, что одним хлебом не оживишь человека. Если при том не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и в Слове Своем нес идеал Красоты, то и решил: лучше вселить в души идеал Красоты; имея его в душе, все станут один другому братьями и тогда, конечно работая друг на друга, будут и богаты" (Письма, № 550).

Достоевский, по-видимому, был сторонником своего рода "христианского социализма", но об экономической и правовой структуре его он не говорит ничего определенного. Есть у него только одно мистически-экономическое положение, сообщенное им от имени какого-то своего собеседника "парадоксалиста" и, очевидно, одобряемое им. "Родиться и в с х о д и т ь нация в огромном большинстве своем должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут". "В земле, в почве есть нечто сакраментальное. Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделать людей, то наделите их землею – и достигнете цели. По крайней мере, у нас земля и община". Говоря о Франции, парадоксалист конкретно поясняет свою мысль: "По-моему, работай на фабрике: фабрика тоже дело законное и родится всегда подле возделанной уже земли: в том ее и закон. Но пусть каждый фабричный работник знает, что у него где-то там есть сад, под золотым солнцем и виноградниками, собственный или, вернее, общинный сад, и что в том саду живет и его жена, славная баба – не с мостовой, – которая любит его и ждет; с женою – его дети, которые играют в лошадки и все знают своего отца". "Вот он туда и будет заработанные деньги носить, а не пропивать в кабаке с самкой, найденной на мостовой". "Пусть он знает по крайней мере, что там его дети с землей растут, с деревьями, с перепелками, которых ловят, учатся в школе, а школа – в поле, и что сам он, наработавшись на своем веку, все-таки придет туда отдохнуть, а потом и умереть". Основы для развития такого строя он находил в

России. У русского фабричного рабочего сохраняется еще связь с деревнею, и у русского крестьянства есть сельская община" ("Дневник писателя", 1876, июль-август).

Любовь к сельской общине у русских народников была, как известно, связана с мечтою, что привычка к общинному землевладению облегчит для русского народа осуществление социализма. Мечта эта вряд ли была основательная, потому что земля в сельской общине делилась на участки, которые обрабатывались каждою семьею индивидуально. В настоящее время, при большевистском режиме, переход от индивидуального труда семьи над отведенным ей в пользование участком земли к коллективному труду колхозников на общих полях колхоза совершается крайне болезненно.

Кроме мыслей о связи каждого человека с землею, у Достоевского есть много соображений о справедливом общественном строе, но все они касаются лишь нравственных и религиозных условий возникновения и сохранения такого строя, а о самой структуре его не дают сведений.

На Западе, говорит Достоевский в своих "Зимних заметках о летних впечатлениях", провозглашены свобода, равенство и братство как принципы, на которых должна строиться жизнь. Но там, где властвует буржуазия, свобода есть у того, кто имеет миллион: он делает что ему угодно; а у кого нет миллиона, с тем делают что угодно. Такую критику свободы в буржуазном строе высказывают на разные лады марксисты, и особенно большевики. И Достоевский признает, что в капиталистическом строе свобода, предоставляемая гражданину законом, остается без возможности реализации ее у тех слоев населения, которые не имеют материальных средств, чтобы воспользоваться ею.

Равенство, о котором заботятся люди в современном обществе, Достоевский характеризует как завистливое: оно состоит в желании унизить того, у кого есть духовное превосходство (1877, февраль). Что же касается братства, вместо него Достоевский находит повсюду лишь борьбу за свою равноценность, тогда как подлинное братство существует там, где я жертвую собою для общества, а общество само отдает все права человеку ("Зимние заметки..."). Такое подлинное братство существует там, где достигнуты прежде всего внутренняя свобода путем преодоления своей воли и благородное равенство, свободное от зависти к чужим духовным дарам. В обществе, руководящемся такими принципами, нет необходимости пожертвовать свое имущество на общую пользу, тем более что отказ даже и всех богатых людей от собственности был бы "лишь каплею в море" и не уничтожил бы нищеты. Надо "делать то, что велит сердце". Если сердце "велит отдать имение – отдайте", но не надо при этом "переряживания" в зипуны, не надо "опрощения"; "лучше мужика вознести до вашей осложненности". "Обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви". "Надобно заботиться больше о свете, о науке и об усилении любви. Тогда богатство будет расти в самом деле, и богатство настоящее". Такое решение социального вопроса Достоевский называет русским ("Дневник писателя", 1877, февраль): оно основано на христианском идеале жизни, а дух русского народа, выработавшего Русское Православие, Достоевский считает христианским по преимуществу.

Познакомившись в "Пушкинской речи" Достоевского с подобными мыслями его об условиях решения социального вопроса, профессор Градовский написал критическую статью, в которой говорит, что у Достоевского есть "мощная проповедь личной нравственности, но нет и намека на идеалы общественные". Иными словами, Градовский понял Достоевского как сторонника мысли, что нужно только "личное совершенствование в духе христианской любви", а формы общественного строя безразличны, потому что добрые, любвеобильные люди наполнят всякую форму добрым содержанием. Такая односторонняя социальная философия существует. В этой области есть два противоположных учения. Со-

гласно одному, все недостатки человека, пороки, преступления обусловлены несовершенством социального строя; стоит усовершенствовать общественный строй – и поведение человека станет добрым. Согласно другому учению, наоборот, правильное поведение и в индивидуальных, и в общественных отношениях зависит только от личной нравственности, а формы общественного порядка безразличны. Достоевский резко отвергал первую из этих односторонностей, и Градовский полагает, что он является представителем противоположного ей тоже одностороннего учения. Вл. Соловьев назвал эту односторонность "отвлеченным субъективизмом в нравственности". В "Оправдании добра" он ясно и убедительно доказывает (в главе XII), что субъективного добра недостаточно и что в дополнение к нему необходимо "собирательное воплощение" добра, состоящее в усовершенствовании общественного строя, так что человеческое общество становится "организованною нравственностью". Государство никогда не состоит из одних только добрых людей, и потому необходимо организовать такой общественный строй, который содействовал бы ограничению зла и осуществлению добра.

Достоевский, как и Пушкин, поражает не только силою своего художественного творчества, но и силою своего ума. Поэтому трудно допустить, чтобы он впал в такую грубую односторонность, как "отвлеченный субъективизм". И в самом деле, он возмутился критикою Градовского и написал ему в "Дневнике писателя" ответ, в котором старался доказать, что он свободен от приписанной ему односторонности. Тем не менее и в наше время Достоевского нередко истолковывают как сторонника "отвлеченного субъективизма". Разберемся подробно в этом вопросе.

Отвечая Градовскому, Достоевский говорит ясно, что религиозно-нравственные идеи и связанное с ними личное совершенствование служат исходным пунктом для искания соответствующей им о р г а н и з а ц и и общества: благодаря им люди начинают искать, "как бы им так устроиться, чтобы сохранить полученную драгоценность, не потеряв из нее ничего, как бы отыскать такую г р а ж д а н с к у ю формулу совместного жития, которая именно помогла бы им выдвинуть на весь мир в самой полной ее славе ту нравственную драгоценность, которую они получили". Если же духовный идеал какой-либо национальности начинает "расшатываться и ослабевать", вместе с этим падает "и весь ее гражданский устав" (1800, август). Мало того, даже и при существовании хорошо организованных общественных форм нравственно негодные люди ухитряются в отдельных случаях найти способы обходить законы, искажать дух общественных форм, из чего, конечно, не следует, будто эти формы вовсе не имеют значения. Достоевский решается поэтому сказать, что личное совершенствование есть не "н а ч а л о только всему", "но и продолжение всего и исход (Там же). Как ни соблазнительно истолковывать эти слова в духе "отвлеченного субъективизма", нужно помнить, что они помещены в ответе Градовскому, где Достоевский снимает с себя упрек в односторонности и этими словами только хочет выразить мысль, что "общественные и гражданские идеалы" связаны "органически с идеалами нравственными", что нельзя их разделить на "две половинки", оторванные друг от друга (Там же).

Необходимость определенного идеала справедливой общественной организации Достоевский, следовательно, не отрицал. Без сомнения, он его имел или, вернее, искал. В каком направлении? По-видимому, как и в молодости, в направлении социализма, но не революционного и не атеистического, а христианского. Как уже сказано, он надеется, подобно народникам, что совершенный строй разовьется из русской сельской общины. Он считает необходимым, чтобы каждый рабочий, особенно жена его и дети, сохраняли связь с землею, имели сад, личный или "общинный". Дорожа особенно свободою, он уверен, что общественные идеалы, которые выработает Россия, исходя "из Христа и личного самосовершенствования", будут "либеральнее" европейских (Там же).

Достоевский считает возможным сохранение и в будущем строе права част-

ной собственности, по-видимому, даже на землю и средства производства. Скажут, пожалуй: какой же это социализм? В ответ я напомню, что существуют попытки выработать идеал социалистического строя, в котором право частной собственности на средства производства было бы сохранено, но подвергнуто таким правовым ограничениям, благодаря которым хозяйство служило бы не целям личного обогащения, а нуждам общества и государства. Укажу, например, на труд профессора С. Гессена "Проблема правового социализма" ("Современные записки", 1924–1928). Вряд ли следует сохранять слово "социализм" для обозначения такого сложного общественного строя, сочетающего в себе ценные, осуществимые стороны социалистического идеала с ценными сторонами индивидуального хозяйствования. Однако не будем спорить о словах. Важно лишь то, что творческие усилия многих государств, Соединенных Штатов, Великобритании идут в направлении выработки такого сложного общественного строя.

Присматриваясь к тому, как труден этот процесс выработки нового строя и каких специальных знаний, теоретических и практических, он требует, мы вполне понимаем, почему у Достоевского нет определенного учения о нем. Как религиозный мыслитель и моралист, он уверенно говорил о религиозно-нравственных условиях справедливого строя, но, как человек выдающегося ума, он отлично понимал, что вырабатывать конкретное учение о новом экономическом строе и его правовых формах – дело специалистов политикоэкономов и практических общественных деятелей. К тому же в его время конкретизация этих проблем была и преждевременна. Лишь спустя пятьдесят лет после его смерти благодаря чрезвычайному расцвету техники и рационализации производства, все уменьшающей численность необходимых для физического труда рабочих, выработка нового экономического строя стала настоятельно необходимою.

Мы рассмотрели в этой книге важнейшие художественные творения Достоевского и познакомились с мыслями его о главных вопросах миропонимания. Везде мы нашли у него в основе Христа и две заповеди Его, составляющие сущность христианства, – любовь к Богу больше, чем к себе, и любовь к ближним, как к себе. Поэтому миропонимание его подлинно можно назвать христианским.

Примечания

[1] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, 1883, с. 373.

[2] К а р с а в и н. Восток, Запад и русская идея. Пг. 1922.

[3] См. мою книгу "Свобода воли".

[4] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, 1883, с. 372.

[5] См. статью И. Лапшина "La phenomenologie de la conscience religieuse dans la litterature russe" (Зап. науч.-исслед. объед. Т. 35. Прага, с. 25–28).

[6] Я к о в е н к о Б. Dejiny ruske filosofie, с. 17.

[7] Записные тетради Достоевского, 1935, с. 297, 317.

[8] Изд. Русской Матицы. Любляна, 1936.

[9] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, 1883, с. 357.

[10] Д о л и н и н. К истории создания "Братьев Карамазовых". – В кн.: Ф. М. Достоевский/ Под ред. Долинина. АН СССР. Лит. архив, 1935, с. 33.

[11] В альманахе "Пчелы" (Петербург ; Берлин: Эпоха, 1923).

[12] Б е л ь ч и к о в Н. Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. – Красный Архив, 1931, XLV, с. 132.

Воспоминания московского прихожанина

Мы продолжаем знакомить читателей с материалами, рассказывающими о церковноприходской жизни первых советских десятилетий. Автор публикуемых ниже воспоминаний – Анатолий Борисович Свенцицкий родился в 1921 году в Москве в церковной семье. Его родным дядей по отцу был Валентин Павлович Свенцицкий († 1930), один из ярких деятелей русского религиозного возрождения начала века; став священником в тяжелом для России 1917 году, отец Валентин благодаря своему замечательному таланту проповедника делается известным в церковных кругах Москвы и привлекает к Церкви многих людей (см. о нем: Московский журнал, 1992, № 10). Во многом унаследовав художественный дар своего знаменитого дяди, А. Б. Свенцицкий избрал для себя путь служения искусству. Окончив щепкинское Театральное училище, он долгие годы работал в Малом театре, а затем стал солистом Москонцерта. В 1970 году ему было присвоено звание заслуженного артиста Литвы. Публикация воспоминаний А. Б. Свенцицкого совпала с 50-летием его творческой деятельности. В течение всей своей жизни он, подобно многим другим русским артистам, неизменно пребывал верным сыном Православной Церкви. В настоящее время Анатолий Борисович – староста возрождающегося прихода храма Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах Центрального благочиния Москвы.

Воспоминания детства имеют интересную особенность: откладываясь в сердце и памяти, с течением времени они становятся ярче, наполняются новым смыслом, обогащаются последующим опытом, и, может быть, только в конце своего пути начинаешь понимать, какое важное значение для тебя имели события и люди, безвозвратно ушедшие, но живущие в тебе какой-то своею жизнью и уже неотделимые от тебя.

Я помню себя очень рано, с трехлетнего возраста. Мы жили тогда в доме № 19а по Большому Левшинскому переулку, на углу Левшинского и снесенного теперь Смоленского бульвара, среди благоухания высочайших лип, посаженных еще в конце XVIII века. Дом этот сохранился, но запах лип давно сменился запахом солярки, несущимся с Садового кольца. Сейчас часто говорят, что в Москве возрос шум. Нет, в те годы гула и шума в Москве было гораздо больше! Ведь асфальтового покрытия не было и по мощенной булыжником мостовой с раннего утра стучали бесчисленные повозки тяжеловозов: везли бочки с водой, бочки с отходами, спешили торговцы и покупатели на Смоленский рынок и в магазины, ехали извозчики с седоками... Десятки тысяч лошадей, звенящие трамваи, грузовые и легковые машины, автобусы. Весь этот шум в утренние и вечерние часы сливался с колокольным звоном окружающих наш дом церквей. Было их восемь: Покрова в Левшине, Святой Троицы на Пречистенке, Неопалимой Купины, Знамения в Зубове, Успения на Могильцах, Святой Троицы на Арбате, Смоленской Божией Матери и святого Власия. Сейчас из них уцелели здания только двух храмов – Успенского и Власьевского, остальные давно снесены.

Мама с самого раннего детства часто водила меня в церковь, а отец учил основам веры и читал мне Евангелие. Рассказы отца были необычайно поэтичны и красочны. Он часто вспоминал своего преподавателя Закона Божия в Казанской гимназии Молчанова, впоследствии ставшего митрополитом Антонием, Экзархом Грузии. Лет до тринадцати церковь и домашнее воспитание заменяли мне не только начальную школу, но и светское искусство – оперу, театр, картинные галереи. Особенно поражало мою детскую душу церковное пение. В дальнейшем я

на всю жизнь полюбил оперное искусство именно благодаря тому, что с младенческих лет постоянно слышал замечательные московские церковные хоры. Колокольный звон – моя первая колыбельная музыка. Живопись храмов привила в дальнейшем и любовь к хорошей светской живописи.

В кино я в детстве почти не бывал, равнодушным к искусству кино остался на всю жизнь. Впоследствии, став артистом, я никогда не порывал с Церковью, навсегда остался верующим человеком и церковное искусство ценю очень высоко. Оттого-то я так болезненно воспринимал в детстве разрушение большевиками-атеистами храмов, уничтожение икон, снятие колоколов.

Яркие воспоминания моего детства связаны с московскими православными похоронами. Я был болезненным ребенком и многие дни проводил в кроватке, стоявшей напротив окна. И почти каждое утро – похоронные процессии. Их я в детстве боялся. Да и как было не бояться? Лежишь – и вдруг: цок, цок... Особый звук копыт по мостовой: четкий, медленный. Как завороженный, смотрю на медленно возникающую в окне лошадиную морду с добрыми, усталыми глазами. Обычно это были старые красивые лошади, списанные из кавалерии или из конюшен ипподромов. "Пара гнедых, запряженных с зарею". Тогда я еще не знал стихотворения А. Апухтина и знаменитого романса, а как бы видел этот романс наяву. На лбах лошадей – белые стоячие кисти, а иногда и страусовые перья, узда украшена с двух сторон большими белыми резиновыми кругами у розовых лошадиных губ. Английская упряжка без дуги, единственная тогда в Москве, так как все другие "транспортные упряжки", включая извозчиков, были русские, с обязательной дугой. Лошади покрыты белыми накидками с бахромой. Я смотрю, затаив дыхание, на кружевные накидки. В катафалк, на который ставили гроб, впрягали одну лошадь, двух, четырех, шестерку, а иногда (например, на похоронах Л. В. Собинова) и восьмерку лошадей. Все зависело от того, кого хоронят. В церквах отпевали многих видных профессоров и артистов – Г. Н. Федотову, М. Н. Ермолову, А. И. Южина и других. Года до 1934-го это не считалось "зазорным" и никакими последствиями по службе родственникам не грозило.

Процессии мимо окон нашей квартиры обычно проходили в 11–13 часов. По нашему переулку был ближайший путь на Дорогомиловское кладбище. Шла процессия (провожать покойника было принято пешком, лишь пожилые ехали за гробом на извозчиках) от нашего дома, далее по узкому мощенному булыжником проезду к 1-му Неопалимовскому переулку, далее пересекала Плющиху и по 2-му Ростовскому переулку (который называли Кладбищенским) направлялась на Дорогомиловский мост, а затем на Большую Дорогомиловскую улицу к месту "вечного упокоения" – на Дорогомиловское кладбище. Проходила дорога из близлежащих храмов мимо наших окон и на другие кладбища: Ваганьковское, Новодевичье, тогда еще не снесенное, расположенное внутри стен Новодевичьего монастыря (сейчас там оставлены лишь могилы известных деятелей: Вл. Соловьева, генерала Брусилова, А. Писемского, А. Плещеева и некоторых других).

...Смотрю в окно. Сегодня только пара лошадей. С обеих сторон идут два катафальщика. Они в не первой свежести и чистоты серебристых цилиндрах и балахонах. Третий катафальщик сидит и правит лошадьми. Лица у них подобающе печальные. Вот вижу и сам белый катафалк на четырех огромных колесах, на нем – розоватый гроб, закрытый. В Москве уже тогда было запрещено возить открытые гробы. Розовый цвет гроба означает, что усопшая – девица, и, очевидно, молодая. Гроб покрыт парчовым покрывалом. Несмотря на малый возраст, я уже знал, что покрывало взято "на прокат" в церкви. За то, которое сегодня покрывает гроб, взята средняя цена. Вообще, эти похороны рядовые, и средства на них потрачены средние. Сзади, за катафалком, медленно идут провожающие, а за ними – две пролетки, возницы сдерживают лошадей, не привыкших к такой медленной езде и то и дело фыркающих.

В одной из подержанных пролеток сидит полноватая дама в черном и фетровой серой шляпе. Ее глаза полны слез. Кто она? Мать? Бабушка?.. Процессия скрылась. Через несколько минут на извозчике мелкой рысцой проезжает отец Стефан, настоятель храма Покрова в Левшине. Он еще молодой, интеллигентный священник, беженец из Варшавы, воспитанный в Варшавской Духовной Академии. Густые каштановые волосы подстрижены. Участвовать в похоронных процессиях духовенству уже было запрещено, допускалось лишь с особого разрешения. Правда, это касалось тогда только Москвы и Ленинграда.

Дорогомиловское кладбище – исконное кладбище нашего Пречистенского благочиния – оказалось недолговечным местом "вечного упокоения". С 1940 года кладбище начали сносить; в 1942 году для перезахоронений, а также для новых погребений в Востряковском лесу было отведено два участка для двух новых кладбищ – еврейского и русского. К чести евреев замечу, что очень многие из них перенесли захоронения своих предков, русские же – частично. Все это происходило, когда шло наступление на Сталинград, и переносить останки многим казалось странным, ненужным и даже циничным, да и стоило это очень дорого. У меня на русском Дорогомиловском кладбище был похоронен дед – Андрей Степанович Незым. На присланную в феврале 1942 года дирекцией кладбища открытку с предложением перенести прах деда мои родители ответили отказом. Отец считал, что это предложение безнравственно, когда на фронте гибнут миллионы. Вопрос этот, конечно, спорный; я считал – прах надо переносить при любых обстоятельствах.

К 1946 году на месте русского и еврейского кладбищ уже стояли многоквартирные дома. В одном из них в 1946–1947 годах мне часто случалось бывать. И когда поздними зимними вечерами я выходил из квартиры своей бывшей одноклассницы, дочери известного московского врача Инны Гимпельсон, казалось, что ветер, завывающий в стенах полуразрушенного, но тогда еще стоящего храма святой Елизаветы, вороша снег, поет свою вечную песнь всем, кто здесь был погребен, кого, как и моего деда, не перенесли на другое кладбище, над кем нет теперь ни креста, ни памятника. Многие и сегодня помнят погребенных здесь своих близких, скорбя, что лишены возможности навестить их могилы.

С 1948 года, когда был снесен храм святой Елизаветы, Дорогомиловские кладбища окончательно были застроены многоквартирными домами. В одном из домов, расположенном на русском участке кладбища, жил Л. И. Брежнев (спокойно ли спалось Генсеку на кладбищенской земле?). Об этом еще недавно извещала прохожих мемориальная доска. Ныне она уничтожена, а зря: снесено старинное кладбище, разрушен храм, поруганы могилы гренадеров 1812 года (к Кутузовской избе был перенесен лишь обелиск, но не их прах) – мемориальная доска напоминала бы об одном из многочисленных "подвигов" коммунистов.

Дорогомиловскую дорогу предварял старый Арбат. В 30–40-е годы здесь через сто шагов друг от друга, сменяясь, день и ночь дежурили "личности в штатском". Они охраняли сталинский путь из Кремля на дачу в Кунцево. "Он" ездил в машине по Дорогомиловской дороге. Летело несколько машин, и в каждой сидел "Он".

Когда именно "отец народов", как легендарный призрак, проезжал по Большой Дорогомиловской улице, никто не знал, но все в Москве и даже во всей стране знали, что это бывало часто. Представим, что в один из летних предвоенных вечеров Сталин чуть приоткрыл занавеску в машине и... увидел белые ворота Дорогомиловского кладбища, кресты и церковь святой Елизаветы. Он быстро задернул шторку окна. Он был всемогущ, мог все, но... боялся смерти. Сталину необходимо было бессмертие личное, для себя, но он старел, чувствовал приближение смерти, стал забираться в подземелья, никому не доверять. Сталин никогда не был "рыцарем революции" – он был смертельным трусом. И вот одного его взгляда, намека было достаточно для принятия решения о сносе кладбища на дорого-

миловской дороге: смерть не должна быть видна...

А быть может, ранним утром по дороге из Кунцева в Кремль Сталин снова отдернул занавеску... и на паперти Преображенского собора увидел чуть приметные сквозь стекла три крышки от гробов. В соборе были покойники! И вот в августе 1939 года дорогомиловский Преображенский собор, имевший восемь приделов и по вместимости бывший вторым в Москве после взорванного в 1931 году храма Христа Спасителя, также был разрушен. На его месте был построен мрачноватый многоквартирный – генеральский, как его назвал народ, – дом. От этого дома началась застройка Дорогомиловского шоссе, переходящего теперь в Кутузовский простект.

С середины 30-х годов в Москве были окончательно запрещены похороны-процессии. Смерть как бы отступила. Она, все знали, конечно, существовала, но стала незаметной. Теперь в машинах мчались гробы, пляшущие совместно с живыми бесконечную пляску многомиллионного города, лошади же исчезли с улиц совсем. Похороны были их последней работой. Печальные, везли они белые катафалки. Как это символично, что конь, вековой друг человека, отходил в историю, везя гроб своего любимого хозяина. Конь вез человека, который веками называл его своим кормильцем, а часто и спасителем на полях войны, – человека прошлого. А "новый" человек привнес в жизнь технику, и его в последний путь везет уже бездушная машина...

Видел я и так называемые "красные похороны" с оркестрами, правда, их в моем детстве было гораздо меньше. Если церковные процессии по нашему переулку проходили почти ежедневно, то процессии с оркестром бывали два-три раза в месяц, а иногда и реже. Их я почему-то совсем не боялся; не было в них тишины, таинственности, медленной торжественности.

Будучи уже взрослым, я видел похороны одновременно коммунистические и православные. Они очень характерны для "двойственности" людей моего поколения, думающих одно, а вынужденных говорить другое. Это были похороны известного дирижера Николая Семеновича Голованова в 1953 году. Все, кто слышал о Н. С. Голованове и А. В. Неждановой, особенно люди искусства, прекрасно знали, что они верующие. Многие также знали, что давним другом их семьи был известный московский протоиерей Николай Бажанов († 1965), настоятель храма Воскресения Словущего в Брюсовском перелуке (ныне ул. Неждановой), а также храма Пимена Великого (с перерывом: в 20-е, а потом в 50-е годы).

Отец Николай вообще был "театральным" священником, часто бывал и у "старух" Малого Театра – А. А. Яблочкиной, Е. Д. Турчаниновой, В. Н. Рыжовой. Кстати, с этими знаменитыми артистками связана одна примечательная история. В послевоенные годы при ЦДРИ был создан "Университет марксизма-ленинизма", и артистам, особенно молодым, было рекомендовано его окончить. Я сам окончил этот "университет" дважды – при Сталине и повторно при Хрущеве; правда, на мои религиозные убеждения не повлияли лекции М. П. Баскина и А. Я. Зиса (хотели, чтобы я поучился в нем и при Брежневе, но я счастливо этого избежал – это было бы уж слишком!). В 1946 году партийное руководство решило обучать марксизму-ленинизму и "старушек" Малого театра, правда не вместе со всеми нами, а индивидуально, на дому. Вот и смеялись в труппе, что, скажем, В. Н. Рыжова будет по средам принимать за чашечкой кофе профессора марксизма М. П. Баскина и выслушивать его коммунистическую схоластику, а по четвергам, тщательно вымыв эту чашечку после посещения марксиста, в нее же нальет кофе отцу Николаю, пришедшему к ней с евангельской проповедью, а иногда и со Святыми Дарами. Такова была тогда жизнь советской интеллигенции.

...Итак, вполне советские похороны Н. С. Голованова, бывшего многие годы духовным сыном отца Николая Бажанова. Когда из дверей Большого театра при громе оркестра выносили гроб с телом Николая Семеновича, перед гробом шел

отец Николай Бажанов, правда без облачения. Немногим было известно, что под габардиновым импортным плащом священника были скрыты полукафтанье, поручи, епитрахиль. Отец Николай сел в машину на переднее место рядом с водителем, и она двинулась впереди автобуса, на котором везли гроб с телом Голованова. Таким образом, похоронную процессию на Новодевичье кладбище возглавлял, как и положено, православный священник. А когда гроб был опущен в могилу и прозвучали напутственные слова от партийной организации ГАБТа, местного комитета и прочей общественности, отец Николай конечно же совершил заупокойную литию по замечательному музыканту.

Мы, верующие артисты (а таких было немало), молча вторили отцу Николаю. Об этой необычной литии знали многие и в Большом театре, и в других театрах, но в то время все предпочитали молчать.

Это молчание стало привычным для нашего поколения с детства. Мы воспитывались внутренними эмигрантами, "советскими" людьми с "двойным дном". Еще мальчиком я знал, кто виноват в закрытии храмов, в разрушении красоты, в гонениях на веру, но одновременно знал и то, что говорить об этом вслух нельзя. Все это было тяжело и больно, но наша тайная духовная жизнь приносила нам не одни только огорчения – она наполняла нас и великой радостью.

Душа каждого ребенка жаждет света, любви, радости жизни – все это давала православная церковная служба. Мальчиком я не знал, конечно, высказывания Ф. И. Шаляпина о том, что если и есть в Церкви "дурман", то он прежде всего в пении церковного хора. С детских лет я слышал могучие московские хоры Данилина, Локтева и другие. Все они были партесными. Несомненна связь русской национальной оперы, возникшей в XVIII веке, с русской церковной хоровой музыкой. Последняя – громадный пласт в нашей певческой культуре. В XIX веке в творчестве А. Гречанинова, М. Ипполитова-Иванова и многих других композиторов слилось церковное и светское искусство. Несомненно, что одно искусство обогащало другое. И не случайно часто солировали на богослужениях в русских церквах Ф. И. Шаляпин, Д. Смирнов, Пироговы, В. Р. Сливинский, С. П. Юдин, И. С. Козловский, Е. А. Степанова, С. И. Мигай и многие прославленные оперные певцы – до тех пор, пока "это было разрешено".

Очень горько, что сегодня приходится слышать высказывания некоторых священнослужителей против партесного пения – при этом говорится о необходимости возвращения к унисонному, допетровскому пению. По-моему, такие призывы наруку атеистам. Вряд ли впервые пришедшего в храм человека, мало знакомого с церковным служением, может увлечь столь практикуемое сейчас "народное" исполнение основного нашего церковного гимна "Верую" – "кто в лес, кто по дрова", да еще часто с неверным произношением слов. А иногда даже раздаются голоса правящих иерархов: "Безнравственно иметь в церквах платный правый хор!" Но ведь и священники, и диаконы, и другие работники храма получают за свою деятельность деньги, а не служат "на общественных началах". Возрождая сегодня служение во вновь открытых храмах, чрезвычайно важно возрождать и церковные хоры. И правильно однажды заметил недавно скончавшийся выдающийся церковный музыкант и регент Н. В. Матвеев: "Пение в церкви – наша русская национальная гордость. Ценна именно наша традиция пения – композиторов Бортнянского, Веделя, Чеснокова, Кастальского, Чайковского, Рахманинова, Гречанинова и других. Лично меня коробит от однотонного пения в греческих и антиохийских церквах – это не для русского уха!"

И действительно, когда сегодня, войдя в некоторые церкви, слышишь завывание правого хора, невольно хочется выйти из храма, а не молиться. Еще один шаг от этого вопиющего пения – и в русских храмах воцарится "рок-музыка", ведь и она имеет народные корни, хотя и не наши, не русские. Порвав с хоровой русской церковной культурой, целое поколение россиян теперь перестали слушать и

оперу, и симфоническую музыку, заменив их эстрадным стуком. Поистине это стало "роком" нашего времени и привело миллионы людей к непониманию величайших музыкальных красот. Народ, порвавший с религией, с духовным искусством, оказался отлученным и от мировых вершин классической музыкальной культуры. Лучше обстоит дело в католических странах, где ребенок с пеленок слышит орган и хорал. Об этом стоило бы подумать всерьез и искусствоведам, и православным священнослужителям.

Кроме церковного пения и храмовой живописи, с детства я полюбил и колокольный звон. В ближайшей к нашему дому церкви Покрова в Левшине был замечательный звонарь. Он извлекал из колоколов небольшой по размерам звонницы небывалые по красоте и силе звуки. Медленно пел колокол-бас, и, как искорки солнца, подхватывали трезвоном колокола меньшие и совсем маленькие колокольчики – дисканты. Звонит, казалось мне, мальчишке, Русь по допетровским временам, по казненным Петром стрельцам слободы Левшина и Зубова, тоскует колокол по всему, как казалось тогда, навсегда ушедшему и не знает, что пройдет всего лишь год и будет он сброшен, расколот, звякнет нелепо и смолкнет навсегда. И только через много лет начнут покупать и слушать голоса его ростовских братьев, записанные на пластинки, повезут русские звоны и в другие страны. Не знает колокол, что придет время, когда поэт С. П. Щипачев воскликнет о нем: "Не Богу, искусству хвала!" Кстати, тот же Щипачев, которого я хорошо знал, рассказывал мне на даче в Переделкине, как опробовали и записывали звоны в Ростове Великом: приехали писатели, музыканты, корреспонденты газет, ждут. И вот – первый удар колокола, затем второй, третий, начался малиновый трезвон. И побежали, крестясь, жители города к монастырю, и старые, и молодые – думали, кончилась советская власть... Разочарованы были, улыбаясь, добавлял Степан Петрович. Узнал бы теперь Щипачев, что снова ростовские звоны созывают людей на молитву, думаю, что перекрестился бы и он. В послевоенные годы коммунисты уже не были такими оголтелыми гонителями религии, как в тридцатых годах, когда даже хвалить красивый звон было небезопасно. За одну только фразу: "Мне нравится церковный звон", – сказанную на работе или в учебном заведении, можно было отправиться в "известные места". Но все еще звонила православная Москва. Мне, мальчишке, нравился звон. Колокола Покровской церкви трезвонили весело, по-русски, и вот какой-то гражданин, очевидно решивший доказать прохожим свой атеизм, пустился в пляс, вприсядку. Хохот одних, осуждение других...

В 1930 году колокольный звон в Москве был запрещен, и этот звонарь – замечательный музыкант, голубоглазый, седобородый, невысокий, – стоял с протянутой рукой и, смотря растерянными глазами на прохожих, робея, просил на хлеб. Он видел, как сбивали золоченый крест с синего купола Покровской церкви, украшенного позолоченными звездами, как сбрасывали на землю и сам купол, слышал, как застонали упавшие колокола – его колокола. Звонарю, всю жизнь своим звоном призывавшему людей к молитве, суждено было увидеть осквернённый алтарь, где вповалку на нарах будут спать рабочие-сезонники. Потом они разрушат храм и построят на его месте многоквартирный дом. Я также видел все это и не понимал, почему же не вступится Христос? Где же карающая десница Божия? Так думал и я – ребенок. Мне было очень жаль старинных стен храма и его певучих колоколов. Конечно, я тогда еще не имел понятия о том, какую страшную свободу дает Бог каждому своему творению, вольному выбирать между добром и злом. Я не мог тогда понять, что разрушить храм – это еще не значит разрушить Христианскую Церковь. С ней-то справиться потруднее: чем с храмами! Недаром когда-то римляне так боялись и не понимали "еврейского" Бога: невидим, нерукотворен, вездесущ. Разрушить религию, как храм, нельзя, не искореняя ее в самом сознании. Этот чудовищный эксперимент был проведен в России большевиз-

ками, но, как показало время, позорно провалился.

Через несколько лет старик-звонарь умер в больнице, может быть, он даже не был отпет. Но его искусство, его звон до сих пор звучит в моей душе. Есть вклад нашего звонаря из Покровского храма и в знаменитом ростовском звоне, разошедшемся по всему свету на пластинках. Искусство не умирает, его, как и Бога нельзя победить, ибо оно само Божественно. Небывалые, самобытные звоны сегодня возрождаются по всей Руси, зазвучал снова и колокол Ивана Великого, и невольно хочется воскликнуть: слава Богу за все!

* * *

В 1930 году девятилетним мальчиком я проводил лето в подмосковной Верее. По обычаю два раза в год из расположенного за рекой монастыря в город шел крестный ход с чудотворным образом Николы Можайского. Это была статуя из дерева. Глаза чудотворца казались живыми. Я помню, как на весеннего Николу при огромном стечении жителей города образ был внесен в громадный храм великомученика Георгия, который стоял на площади среди старинных торговых рядов. *Святителю отче Николае, моли Бога о нас!* – до сих пор звучит в памяти пение народа. Образ святителя был обнесен вокруг города, во всех храмах служили водосвятные молебны, гремели колокола. А уже через год крестные ходы были запрещены и во многих городах на площадях заполыхали костры, на которых сжигались иконы и иконостасы.

Уже взрослым, в 70-е годы, я побывал в Верее. Торговые ряды и храм великомученика Георгия разрушены до основания. Собор реставрировали, восстановили памятник герою войны 1812 года И. С. Дорохову, на месте которого долго стоял памятник К. Марксу. Двери уже отреставрированного монастырского храма почему-то были не заперты, стекол на окнах не было, и в храме хулиганили подростки, сводя на нет реставрацию. Я увидел голые оштукатуренные стены храма, а на них вместо живописи – хулиганские рисунки и нецензурные надписи. Подумалось: "Вот они, потомки пролетария и беднейшей крестьянки, без стыда, совести и памяти..." И невольно пришла на ум не идея христианского прощения, а мысль о возмездии. Закричал я на подростков – и они разбежались, приняв меня за иностранного туриста.

Грустные раздумья вызвала во мне эта поездка. Благодаря гастролям, я увидел всю страну и хорошо знаю, сколько погибло безвозвратно ценнейших памятников нашей истории. Лишь на немногих висят ржавые доски "Охраняется государством". "Весь мир насилья" мы разрушили до основания, а затем? А затем – восстанавливаем на старушечьи копейки поруганные отечественные святыни. И, верю, восстановим их.

В Москве не было иконных аутодафе на площадях, здесь все было тише и незаметнее. На Пречистенке, во дворе восстановленных ныне теремов в начале улицы, где еще до сих пор истуканом стоит памятник Ф. Энгельсу, в 30-е годы была устроена печь. Об этой адской печи много лет спустя мне рассказывал пожилой таксист. Молодым комсомольцем он на общественных началах работал с товарищами при этой печи. "Ох, сколько икон, колонн, деревянных частей иконостасов мы там сожгли!" – рассказывал он. Сначала смывали с иконостасов позолоту, а потом, вечером или ночью, свозили их к печи и сжигали. Редко искусствоведам, работникам музеев удавалось их спасти. В запасниках остались крохи. Наиболее ценные иногда удавалось продать за границу. Разумеется, XIX век и даже XVIII весь шел в огонь, эти иконы не считались памятниками старины даже официально. А в провинции у костров на площадях на век никто и не смотрел. Несомненно, под ретивую комсомольскую руку попадали в огонь и иконы очень древние.

До 1928 года в Москве приходские храмы не закрывались, были закрыты лишь все ведомственные. Зато с первых дней революции антирелигиозная про-

паганда и борьба с верой велись не ослабевая во всех других формах: изъятие церковных ценностей, высылка из страны и расстрелы лучших представителей русского духовенства, богословов и писателей, безобразные, оскорбляющие душу любого нормального человека демонстрации и газетные публикации. Особенно усердствовали в этом Л. Троцкий, Н. Крупская, Н. Бухарин, Г. Зиновьев, Е. Ярославский.

Помню, еще до массового закрытия храмов в Москве я, маленький мальчик, видел, как на октябрьских и первомайских демонстрациях водили на веревках людей, наряженных в одежду священнослужителей, и пели: "Сергей диакон, Сергей поп! Долой, долой монахов, долой, долой попов!" Я, конечно, не знал, что в это время в школе учили вирши Демьяна Бедного: "У Николы сшибли крест, стало так светло окрест! Здравствуй, Москва новая, Москва новая – бескрестовая!" Помню "антирелигиозные" трамваи. Они были оборудованы художниками РОСТА и авторами ЛЕФа. В Москве таких трамваев было несколько. Мои родители брезгливо не садились в их вагоны, тем более что кондукторский сбор шел на антирелигиозную пропаганду обществу "Воинствующий безбожник", возглавляемому Е. Ярославским. Яркими красками на корпусах вагонов были нарисованы неприличные карикатуры на Иисуса Христа, Богородицу; Апостол Петр почему-то обнимал нагую женщину, у которой на нимбе было написано "св. Фекла".

В детстве я, как и многие дети, очень любил цирк и бывал, обычно с папой, в цирке на Цветном бульваре. Там знаменитый Владимир Дуров в 1930 году показывал "антирелигиозный дивертисмент": одетый в золотистую фелонь морж представлял протоиерея, на его голове красовалась камилавка, а грудь украшала епитрахиль. Сам Дуров в стихаре изображал псаломщика, и "служили" они богохульный молебен. Надо признать, что подобные сцены не вызывали сочувствия даже у неверующих. Но ничего не понимающие дети, конечно, смеялись.

В детстве моим любимым храмом был храм Успения на Могильцах. Настоятельствовал в нем очень почитаемый тогда в Москве протоиерей Георгий Чиннов († 1935), внешностью похожий на философа Сократа и на святителя Николая. Регентом храма Локтевым, которого в 1930 году сменил молодой Осипов, здесь был создан великолепный хор. В 1932 году во время выноса Плащаницы в Великую Пятницу (шли вокруг храма по мостовой, так как церковной ограды не было) хору пришлось соревноваться с улюлюканьем и дикими криками школьников, которых привели сюда советские "педагоги" из близлежащих школ. Школьники и "педагоги" бросали в крестный ход комки талого снега и грязи, выкрикивали богохульные слова. Остановить их было невозможно. Они олицетворяли советскую власть и атеизм.

Впоследствии будет создан Совет по делам религий, верующих будут охранять милиция и дружинники, а пока... Пока еще у власти наследник Троцкого Г. Зиновьев, свирепствует в своем атеизме Н. Бухарин, слышен голос завзятой антирелигиозницы – "бабушки" Н. Крупской, во всю действует Е. Ярославский, готовит свой проект строительства школ на местах снесенных "очагов одурманивания детей" (православных храмов) А. Бубнов.

В 1925–1926 годах я несколько раз видел палача Петроградского митрополита Вениамина и других новомучеников – большевика П. Красикова, возглавлявшего обвинительный процесс "сокрытия церковных ценностей", как официально называли это позорное ленинское судилище.

Красиков был еще дореволюционным знакомым близкой нам семьи Кисляковых. Это была известная купеческая фамилия в Москве. Двух братьев-близнецов, Павла Владимировича (врач педиатр, все мое детство лечивший меня) и Николая Владимировича, бывшего работника суда, и его супругу Серафиму Петровну, известного педагога, я отлично знал. Люди они были интеллигентные и очень интересные. Все трое – глубоко верующие. Серафима Петровна, будучи завучем в

школе, в 1931–1935 годах приезжала исповедоваться и причащаться в наш район в церковь святого Власия, так как в те годы этот храм был малопосещаем.

Внешность Красикова была малопримечательной. Каждый раз, как только он появлялся в передней, хозяин дома Николай Владимирович Кисляков, здороваясь с Красиковым, кричал жене: "Серафима! Серебряные ложки прячь! Коммунисты пришли!" Гости смеялись, Красиков покровительственно улыбался и шел к столу с угощением.

Конечно, я тогда не подозревал, что передо мной человек, который войдет в жития святых новомучеников Русской Православной Церкви как их мучитель-палач. Пожалуй, его вина была все же меньшей, чем А. И. Введенского да и всех обновленцев: те встали на путь Иуды Искариотского по собственной воле, тогда как Красиков был всего лишь исполнителем партийной воли, а вернее, люциферической воли Ильича. Помните, у В. Маяковского: "Мы говорим партия – подразумеваем Ленин".

Говоря о святых новомучениках, не могу не рассказать о самом ярком воспоминании моего детства. Мне посчастливилось видеть святого человека – Патриарха Всероссийского Тихона. Это было 14 сентября 1924 года в храме Неопалимая Купина во время престольного праздника. Мне было тогда три с половиной года, но помню все, как будто видел это вчера.

...Солнечный день, множество тополей, окружающих белоснежный древний храм, построенный в конце XVII века (закрыт в 1929 году и вскоре снесен). Тополя шелестят еще не пожелтевшими листьями. Люди толпой окружили храм, ждут. К самым дверям паперти подвезен на инвалидной коляске бывший настоятель Неопалимовского храма – разбитый параличом отец Димитрий Успенский, один из братьев известного богослова епископа Порфирия (Успенского; † 1885); здесь же и один из его сыновей – Дмитрий Дмитриевич Успенский, артист хора Большого театра, обладатель красивого баса, он часто читал в те годы в храме Апостола в воскресные и праздничные дни. Здесь и племянник отца Димитрия и епископа Порфирия, второй священник храма – отец Сергий Успенский, в облачении, с крестом на блюде встречает Патриарха. Ждут настоятель храма отец Борис, многочисленное духовенство. Сын знаменитого певца Павла Акинфиевича Хохлова диакон Георгий Хохлов стоит со свечой, тут же юноши в стихарях – братья Голубцовы: старший – будущий архиепископ Сергий († 1982), младший – будущий протоиерей Николай, а тогда оба – духовные дети отца Сергия Успенского.

Ударяет басовитый главный колокол. Через несколько минут к ограде храма подъезжает коляска: широкие шины на колесах, вороная лошадь, полный, важный кучер в поддевке, с крупным носом и окладистой каштановой бородой. Козлы пролетки широкие. Рядом с кучером – коренастый человек в подряснике, подпоясанный крупным диаконским поясом, бородка подстрижена. Улыбается. "Отец Максим Михайлов", – радостно шепчет народ. Отец Максим слезает с козел и подает руку... и вот из коляски поднимается Патриарх Тихон. От него исходит необычайное сияние, как от солнышка, которое светит сегодня с утра. Опираясь на посох, Патриарх идет к дверям храма, встречает его стройный трезвон, староста храма Ольга Гавриловна преподносит хлеб-соль. Патриарх седой, стройный, а глаза? Таких добрых глаз я еще никогда не видел.

Современные иконы Святителя Тихона, появившиеся после его канонизации, ни в коей мере не передают истинного образа этого человека (впрочем, то же можно сказать и об иконах отца Иоанна Кронштадтского и других недавно канонизированных святых). Кого вдохновят на молитву эти схематичные изображения с линейными взглядами ничего не видящих глаз? У иконописца должен быть вдохновенный талант, который идет от сердца и святости. Видно, святость эта у нас оскудела. Каждому веку – свое. Меня же более подвигают на молитву сохранившиеся портретные и фотографические изображения этих святых. И па-

мять о Патриархе – о его глазах, улыбке, которые невозможно забыть.

Я был еще очень мал, чтобы присутствовать в переполненном храме на богослужении. В дверях паперти меня все же несколько раз высоко подняли над головами молящихся, и я видел, как облачали Патриарха, как он благословил народ, а значит, и меня, тогда только вступающего в жизнь.

Через много лет я присутствовал на прославлении Патриарха Тихона в Донском монастыре. Когда сонм архиереев и духовенства возгласил: *Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас!* – я не мог сдержать слез, вспоминая уничтоженный Неопалимовский храм с его иконостасом и колоколами, трагическую судьбу его священнослужителей (отец Сергий Успенский и диакон Георгий Хохлов погибли в лагерях). Но это были и слезы радости и молитвы за них, за родителей, за всех прихожан этого храма. Они не дожили до радостного события канонизации Патриарха Тихона, но я свято верю, что они невидимо стояли тогда в Донском монастыре с нами.

Храм Неопалимой Купины был храмом моего раннего детства. Одна из его прихожанок, большая почитательница отца Сергия Успенского и отца Георгия Хохлова, друг моих родителей, – Мария Ивановна Преображенская часто после обедни заходила к нам домой. Этой изящной интеллигентной старушке очень небольшого роста, с неизменным стульчиком в руке, который она всегда носила в храм, я обязан важным событием моей жизни: она ввела меня в семью Всеволода Александровича Кудрявцева, профессора математики Московского университета, пасынка профессора-историка А. А. Кизеветтера. Его жена Ольга Яковлевна и сын Олег оказали в юности на мою жизнь, на формирование моего мировоззрения огромное влияние. С Олегом Кудрявцевым я дружил с четырехлетнего возраста до его безвременной кончины в 1955 году.

Ольга Яковлевна (урожденная Лукашева) не была коренной москвичкой, как ее муж Всеволод Александрович. Родилась она в Пятигорске, текла в ней кровь кубанских казаков, а бабка ее была турчанкой, "украденной" дедом, привезенной в Пятигорск, окрещенной и обвенчанной с ним. Отец, Яков Григорьевич Лукашев, был довольно крупным чиновником в Пятигорске. Там Ольга Яковлевна окончила женскую гимназию. Перед войной 1914 года семья переехала в Москву и поселилась на Большой Ордынке, вблизи церкви Всех Скорбящих Радость, где в голодном 1919 году Ольга Яковлевна обвенчалась с Всеволодом Александровичем Кудрявцевым. Примечательно, что "мальчиком с венчальной иконой" был будущий Владыка Киприан († 1985), тогда Мишенька Зернов, восьмилетний сынишка близкой подруги Ольги Яковлевны, Варвары Алексеевны Зерновой, жены московского профессора.

Ольга Яковлевна, несомненно, была выдающейся женщиной, хотя и не занимала никаких постов и даже не работала, а была лишь общественницей среди профессорских жен московского Дома ученых. В то необычайно тяжелое для всех верующих людей, а особенно для верующей интеллигенции, время она – я могу это смело сказать – совершила подвиг: вблизи Кремля, в стране, где царили невиданные еще в мире террор, беззаконие и разнузданная антирелигиозная пропаганда, она собирала в своем доме верующих мальчиков и девочек, многие из которых впоследствии стали довольно известными людьми: А. Д. Сахаров, его сестра – театровед И. Н. Сахарова, Миша Зернов, будущий владыка Киприан, а тогда молодой артист театра-студии, руководимой Р. Н. Симоновым.

Квартира Кудрявцевых в доме № 10 на Моховой до революции принадлежала Кизеветтеру. В начале 20-х Кудрявцевы подверглись "обязательному уплотнению" и были втиснуты в две комнаты – на троих. Эти две небольшие комнаты стали моим – и не только моим – "университетом". Ольга Яковлевна убедила наших православных родителей на отдавать нас в первые классы школы, чтобы избежать влияния атеистических и коммунистических идей. Была организована тай-

ная классическая гимназия на дому, занятия проходили в основном в квартире Кудрявцевых. Сюда приходили прекрасные педагоги, учившие нас литературе, светской и церковной истории, Закону Божию. Впоследствии ни я, ни Олег Кудрявцев, ни Андрей Сахаров никогда не были пионерами и комсомольцами.

Сейчас много спорят об убеждениях и деятельности А. Д. Сахарова, о его отношении к Православию и Русской Церкви. Не желая вступать в эти споры, хочу лишь рассказать о том, каким я помню нашего товарища по "православной гимназии": это был черноволосый кудрявый мальчик, радостно отплясывающий с нами на Рождественской елке у Кудрявцевых, любящий рассказывать о своих предках, которыми можно было гордиться, – древний московский священнический род Сахаровых вел свою родословную со времен царя Алексея Михайловича. Я был у него дома на елке, когда они уже были запрещены и Рождество праздновалось тайно, при наглухо занавешенных окнах. Дом Сахаровых стоял у церкви великомученика Георгия на Всполье, многие годы жили в нем предки Андрея Дмитриевича – московские священники.

Олег Кудрявцев, любимый мой друг, скончался рано, на 35-м году жизни, но успел стать известным историком, преподавателем древней истории в Московском университете. Помню его пророческие слова, сказанные мне в 1947 году: "Все империи распадались, неизбежно распадется и наша. Держится она во многом благодаря воле восточного тирана Сталина. Умрет Сталин – падет империя". Ненамного ошибся мой друг – на каких-нибудь тридцать лет...

В квартире Кудрявцевых до 1955 года (до смерти сына Олега) с небольшими перерывами проходили среды-журфиксы. Беседы на этих средах были чрезвычайно интересными, и, кстати, ни один из гостей дома Кудрявцевых не пострадал, что было по тем временам почти невероятным. Дом был открытым, но ни один коммунист, ни один фискал никогда не переступал его порог. Ольга Яковлевна была прихожанкой храма святого Георгия Победоносца на Красной Горке в Охотном ряду, и я верю, что именно святой Георгий хранил ее и весь ее дом в те трудные годы.

Помню удивительный случай, когда эта семья была чудом спасена от гибели. В одну из ночей июля 1941 года я, как обычно, дежурил на чердаке училища им. Щепкина на Неглинной, где нам приходилось тушить зажигательные бомбы. И вдруг услышал сообщение о прямом попадании фугасной бомбы в дом № 10 на Моховой. Когда взошло солнце и дали отбой тревоги, я побежал туда. Ольга Яковлевна с Олегом должны были быть на даче в Крюкове, но у Всеволода Александровича – дежурство в их доме. Дом был расколот на две части. Сосчитал окна от входной двери – цела квартира! А дальше – зияющий провал. Убежище с людьми засыпано – очевидно, профессор Кудрявцев погиб. Поехал в Крюково, три километра до дачи почти пробежал и увидел – навстречу мне шел улыбающийся Всеволод Александрович. Оказалось, что он поменял дежурство на следующий день.

Ольга Яковлевна тяжело переживала закрытие в 1932 году Георгиевского храма. Приход был переведен во Введенский храм на Поварской улице, закрытый храм снесли и построили на его месте жилой дом. А вскоре Ольгу Яковлевну ждало новое испытание: ее духовный наставник митрофорный протоиерей Александр, бывший настоятель Георгиевского храма, женился на одной из своих прихожанок и перешел к обновленцам. Ольга Яковлевна порвала с ним духовное и светское общение. Она была человеком, твердо убежденным в правоте Православия, ревнующим о его единстве и, хотя отрицательно относилась к советской власти, всегда оставалась в лоне Церкви, которую тогда называли Сергианской.

А. Б. СВЕНЦИЦКИЙ

(Продолжение следует)

БИБЛИОГРАФИЯ

И о а н н, митрополит Санкт–Петербургский и Ладожский. **Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк.** СПб., 1993. 302 с.

Жизнь святителя Мануила настолько насыщена драматическими событиями, исполнена трагического подвижничества, что подзаголовок "Биографический очерк" сужает представление о ее содержании. Собственно очерк накладывается на обширные исторические материалы к биографии, и на основании этих материалов через личность святителя автор монографии пересматривает историю с времен революции и до начала 1960–х годов. Раскрывается трагическая сторона истории XX века — гонение на Православие. Так обычно и восстанавливается объективная история — через частное к общему. И чем богаче и достойнее личность, тем полнее отражает она исторический процесс. Через личность объективно высвечиваются общественные явления, через личность даются нравственные оценки времени; через личность мы можем судить об истории, о духовно–нравственной зрелости общества. Такая масштабность книги делает ее по–своему уникальной. К тому же нечасто случается, чтобы митрополит написал книгу о митрополите. Хотя ее можно назвать и вполне традиционной, если учесть, что пишет ученик о своем учителе.

Какой же должна быть личность, чтобы в определенный период истории выступать мерилом нравственности и правды?! В церковных кругах митрополита Мануила называли борцом за Православие. Что может быть достойнее для иерарха!

Напомним вехи жизни митрополита Мануила. Родился Виктор Лемешевский 18 апреля 1884 года в Санкт–Петербурге в потомственной дворянской семье. В 1903 году окончил классическую гимназию и поступил в Санкт–Петербургский университет на юридический факультет, полный курс которого окончил в 1910 году.

Как отмечает автор книги, в гимназические годы "из духовных книг Виктор любил житие Преподобного Сергия, а из светских — журнал "Нива". В студенческие годы Лемешевский увлекался оккультизмом и спиритизмом, в чем проявилась свойственная ему тяга к мистицизму и даже революционным идеям начала века. Молодой человек ничем не отличался бы от сотен других, если бы в нем уже тогда не проявилась глубокая религиозность и творческая, самозабвенная увлеченность библиографией. "Золотая молодежь" того времени бравировала атеизмом, а юноша Лемешевский поклонялся святости отца Иоанна Кронштадтского. На юноше лежала печать богоизбранности, а пока велся внутренний духовный поиск. Он видит часто вещие сны, слышит неземные голоса. А когда заболел его брат Павел, то Виктор, проводя ночи в молитве, в критический момент, когда уже казалось, что смертельного исхода не избежать, возвысился до клятвенного обета: "Господи, приму монашество, если воздвигнешь от одра смертного моего брата Павла". Так и случилось — Господь исцелил брата. А вскоре Виктор услышал голос–напоминание: "Ты скоро будешь монахом..." Вся жизнь последующая показала, что и сны, и голоса, и явления святых, и обет не случайны — все было предопределено свыше. Его ждала нелегкая подвижническая жизнь — земной крест оказался тяжелым, но Владыка достойно пронес его.

Жизнь в Николо–Столпенской пустыни; миссионерская деятельность в Киргизии; Петроградская Духовная Академия (до 1918 года) и скорое (в 1923 году) рукоположение во епископа Лужского. В 1922 году последовал первый арест отца Мануила, в 1924 году — второй, затем в 1932, 1933, 1939 и 1949 годах — так что в общей сложности Владыка Мануил провел в лагерях и тюрьмах без малого двадцать лет.

Много сил отдал Владыка борьбе с обновленческим расколом. Направляя епископа Мануила в Петроград, где большинство храмов к тому времени были в руках обновленцев, Святейший Патриарх Тихон напутствовал его пророческими словами: "Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на

новом поприще твоего служения, но мужайся и верни мне епархию". И "этот странный инок малого роста, с бледным до прозрачности лицом, к долу опущенными очами под высоким челом" одержал, казалось бы, невероятную победу. За сто двадцать пять дней, проведенных в Петрограде, "из 115 обновленческих церквей перешло в Православие 83 прихода, а остальные 32, в силу сложившихся обстоятельств, вынужденно остались в обновленчестве". Это было, как тогда и отмечали, "торжество Православия". Бесспорно, власти не могли оставить на свободе Христова воина, и, как уже отмечалось, 3 октября 1924 года Владыку судили и отправили на три года на Соловки.

Служение в Серпухове и Москве, Кадаших, жизнь в Тамбове и служение в Оренбургской епархии, архипастырское служение в Чебоксарах и Самаре — и все это перемежалось с тюрьмами, лагерями и административными гонениями. Бесспорно, без Божией помощи такой крест нести человеку не по силам. А ведь, кроме всего, Владыка Мануил до последних дней своих занимался и творческой работой — богословием, "запрещенной" библиографией. Митрополит Иоанн перечисляет 34 работы, которые были завершены Владыкой Мануилом лишь на Соловках в 1926—1927 годах, и все они погибли. А ведь большинство из них — работы по фундаментальному богословию.

13 декабря 1963 года Патриархом Алексием был утвержден составленный Владыкой Чин архиерейского погребения. До сих пор не издан многотомный словарь-справочник митрополита Мануила "Русские православные архиереи периода с 1893 по 1965 год", который, однако, размножен в машинописи, ксерокопирован и которым активно пользуются все, кто обращается к вопросам истории Церкви.

Вот об этом подвижнике и новомученике и написал монографию митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Читателю небезынтересно будет узнать и о том, что жизнь Владыки Иоанна была тесно связана с жизнью Владыки Мануила с 1945 года, когда будущий митрополит Иоанн поступил на службу к Владыке Мануилу в качестве келейника и иподиакона, и до последних дней наставника — без малого четверть века.

"В качестве биографического материала автором были использованы оставшиеся от усопшего святителя его записи дневника, письма к родным и разным лицам, послания, литературные труды и разные заметки на очень маленьких листочках. Кроме письменных источников, автор, как много лет живший с митрополитом, использовал и свои личные воспоминания о приснопамятном, и воспоминания близко знавших его лиц", — отмечает в предисловии к книге Владыка Иоанн. Так "биографический очерк" перерос в трехсотстраничную монографию.

Труд подобного рода имеет церковно-историческое значение. Прочитав эту книгу, читатель увидит, какой сатанинский натиск в те годы выдерживала Русская Православная Церковь; спланированная борьба с Православием велась не на жизнь, а на смерть. Богоборческая власть применяла самые ухищренные методы борьбы с верой, со стороны же Православной Церкви никакой силы, кроме молитвенной, не было. Осознавая все это, понимаешь, почему так много вещих, пророческих снов и их толкований в воспоминаниях Владыки Мануила — в таких условиях без Божией помощи, без Божиего водительства невозможно было бы и выжить. К Владыке Мануилу помощь приходила не только в молитве, но и в снах — и это давало ему силы, нередко утешало.

Книга, которую мы настоятельно рекомендуем нашим читателям, бесспорно войдет в золотой фонд духовной литературы нашего смутного времени.

Б. С.

О Богородско-Уфимской иконе Божией Матери

По благословению епископа Уфимского и Стерлитамакского Никона сообщаем Вам исторические сведения о явлении в Уфимской земле чудотворной иконы Божией Матери Богородско-Уфимской, о ее почитании и о ее чудотворном заступничестве православных христиан.

Время появления чудотворной иконы относится к глубокой древности, когда на территории современной Башкирии образовывались первые православные поселения. Явилась она чудесным образом одному из крестьян села Кадомцева Уфимского уездах [1] в 1621 году за три дня до празднования Казанской иконы Божией Матери. Село Кадомцево после столь удивительного события было в народе, а затем и документально переименовано в Богородское и с этим прекрасным названием простояло до 1931 года. В 1622 году в Богородском был построен первый – деревянный – храм в честь Богородской иконы Божией Матери [2]. В конце XVII – начале XVIII века, по мере углубления почитания святыни, жители Богородского решили передать икону в кафедральный собор града Уфы, оговорив, однако, что в день, установленный для ее почитания (а он был приурочен к празднованию Казанской иконе Божией Матери), святая икона будет приноситься в село для совершения молебна перед нею в Богородском храме, и на месте явления иконы с того самого времени стал бить целебный источник – Богородский родник. Таким образом, было положено начало традиции ежегодных крестных ходов из города Уфы в село Богородское, которые совершались с 1688 года (по другим сведениям, с 1707 года) до начала 30-х годов нашего столетия [1,3,4]. По настоятельным просьбам верующего люда святая Богородская икона была носима и по другим местностям Уфимской епархии. Так, по ходатайству Преосвященного Иосифа, епископа Оренбургского и Уфимского, от 12 июня 1851 года за N 741 Святейший Синод, во внимание к усиленному желанию жителей ближайших к Уфе мест, указом от 8 августа 1851 года за N 8226 разрешил ношение чтимой всеми иконы Божией Матери Богородско-Уфимской по Уфимской епархии. Преосвященный Петр, епископ Оренбургский и Уфимский, получил из Святейшего Синода утверждение правил обноса этой чудотворной иконы по разным селениям Белебеевского, Мензелинского и Златоустовского уездов за N 1894 от 30 мая 1879 года. В 1880 году указом Святейшего Синода от 30 октября за N 4170 по ходатайству Преосвященного Никанора разрешено носить эту икону по Уфимскому и Бирскому уездам.

Икона Божией Матери Богородско-Уфимская почиталась как Покровительница и Заступница Уфы и всего Уфимского края: она неоднократно защищала землю нашу от эпидемий свирепствовавшей в наших краях "азиатской гостьи" – холеры, от голода и засухи, а также от набегов врагов и разбоя. Именно Чудотворная икона спасла от захвата и разграбления город Уфу, когда банды сподвижника Пугачева Чики Зарубина осадили город. Именно поэтому 300-летний юбилей Уфы отмечался в 1874 году 8 июля, в день чествования Чудотворной Заступницы города.

В XVIII веке икона Божией Матери Богородско-Уфимская была внесена в списки чтимых святынь Российской земли [5]. В конце XIX века установилась традиция считать годом явления иконы 1727-й, что не соответствует действительности. По найденным нами архивным данным, которые полностью соответству-

ют и преданию, изложенному в "Сказании о святой чудотворной иконе Божией Матери, по изображению именуемой Казанскою, а по месту явления Богородскою"[1], 1727 год – это год проведения восстановительных работ и перестройки первой деревянной церкви, сооруженной в 1622 году [3, 6]. Дата проведения этой реконструкции осталась в документах, и по ней стали датировать время явления Богородской иконы. В 30-е годы XX века храм, посвященный Богородской иконе, был закрыт и разграблен, а Богородский родник в 60-е годы был залит бетоном и засыпан многометровым слоем песка.

В наши дни происходит возвращение людям истории, веры православной, наших прекрасных традиций, одной из которых и было народное почитание иконы Богородско-Уфимской Божией Матери. С осени 1990 года началось восстановление Богородского храма бывшего села Богородского – ныне района города Уфы; в разгаре работы по возрождению целебного источника – Богородского родника. Нами испрошено благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на внесение Богородско-Уфимской иконы в списки чтимых икон Русской Православной Церкви.

Ее правильное полное название: Богородско-Уфимская чудотворная икона Божией Матери, и явилась она в селе Богородском близ города Уфы 6 (19) июля 1621 года.

Протоиерей Василий МОХОВ

Источники

1. Сказание о святой чудотворной иконе Божией Матери, по изображению именуемой Казанскою, а по месту явления Богородскою, находящейся в Уфимском Воскресенском кафедральном соборе/ Сост. Священник Евграф Еварестов. Издание Уфимского епархиального братства Воскресения Христова. Уфа, 1898.

2. Отводная книга по Уфе (1591/92 - 1629 гг.). Публикация Н.Ф. Демидовой. Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971, с.270.

3. Херувимов К. К столетию епископской кафедры и консисториального управления в Уфе епархии Оренбургской и Уфимской (с 4 марта 1800 г. по 21 марта 1859 г.), Уфимской и Мензелинской (с 21 марта 1859 г. по 4 марта 1900 г.). - Уфимские епархиальные ведомости, N 2, 1900, 15 янв., с. 34-37.

4. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896, с. 27.

5. Православный календарь на 1927 год. Издание Православной Уфимской архиерейской кафедры, с. 18.

6. Архив Богородского церковно-краеведческого музея, ф. И-403, оп. 1, д. 1.

Подписано в печать 13.04.94. Заказ 1979 . Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат

142300, г. Чехов Московской области

РОССИЙСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

УЧЕБНЫЙ ОБИХОД ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ

Серия состоит из нескольких тематических выпусков и содержит наиболее употребимые в клиросной практике песнопения основных богослужений годового круга.

Источниками настоящего издания являются печатные и рукописные нотные сборники второй половины XIX-XX веков, включающие гармонизации мелодий церковного обихода, а также записи напевов устной традиции.

Все песнопения изложены в виде четырехголосных партитур для смешанного хора и допускают исполнение трехголосное (без партии тенора), двухголосное (по партиям сопрано и альта) и одноголосное (по основной мелодии — партии альта) мужскими, женскими и детскими голосами.

«Учебный обиход» предназначен для регентов, псаломщиков и певцов приходских хоров; учащихся воскресных школ и регентских классов; прихожан православных храмов и любителей церковного пения.

Составитель-редактор — иеромонах Амвросий (Носов).

Каждый выпуск представляет собой брошюру в мягком переплете, с уставными заметками и указаниями для исполнения.

Формат издания 20×29см. Ориентировочный объем каждого выпуска 50 с.

Вып. 1 Великая вечерня. Неизменяемые песнопения.

Содержание: *Начало великой вечерни* [«Приидите, поклонимся»...] (По переложению А.Архангельского), *Предначинательный псалом* [Греческого роспева], *Пение на великой и малой ектениях* [Обычного напева; Киевского роспева], *Блажен муж* [Сокрашенного киевского роспева; напева Зосимовой пустыни; напева Почаевской Лавры], *Свете тихий* [обычного напева; сокрашенного киевского роспева (по переложению И.Дворецкого); Киевского роспева (переложение А.Касторского)], *Прокимны дневные* [Знаменного роспева], *Пение на сугубой ектенье* [Киевского роспева; обычного напева; сокрашенного знаменного роспева], *Сподоби, Господи, в вечер сей* [напева Киево-Печерской лавры; киевского роспева, глас 8], *Пение на просительной ектенье* [уральского напева], *«Господи, помилуй» на литии* [обычного напева; греческого роспева], *Ныне отпущаеши* [киевского роспева, глас 6; обычного напева; напева Киево-Печерской лавры (по переложению иеромонаха Нафанаила)], *Богородице Дево* [Греческого роспева; обычного напева, глас 4], *Буди имя Господне* [Обычного напева; напева Киево-Печерской лавры, глас 4], *Псалом 33 «Благословлю Господа на всякое время...»* [обычного напева (по переложению П.Мироносицкого)].

Вып. 2 Полиелейная воскресная утреня. Неизменяемые песнопения.

Вып. 3 «Господи воззвах» 8-ми гласов с запевами.

Вып. 4 Подобны 8-ми гласов.

Вып. 5 Догматики 8-ми гласов.

Вып. 6 «Бог Господь» 8-ми гласов с тропарями и богородичными воскресными.

Вып. 7 Тропари двунадесятых и великих праздников, особо чтимых святых.

Вып. 8 Величания и прокимны на утрени в праздники всего года.

Вып. 9 Степенна и прокимны на утрени 8-ми гласов.

Вып. 10 Ирмосы 8-ми гласов (воскресные).

Вып. 11 Ирмосы двунадесятых праздников с припевами на 9-й песни.

Вып. 12 Литургия оглашенных (ектении, антифоны, прокимны на весь год, трисвятое, алилуарии 8-ми гласов).

Вып. 13 Литургия верных (херувимская песнь, ектении, «Милость мира», «Достойно» и прочее последование литургии).

Вып. 14 Задостойники и причастные стихи в праздники всего года.

Вып. 15 Песнопения из разных чинопоследований (Венчание, Елеосвящение, Отпевание, Панихида, Молебные пения, Архиерейское священнослужение).

Вып. 16 Псалмы и другие избранные песнопения, исполняемые после запричастного стиха.

Вып. 17 Песнопения Триоди Постной (Недели: о мытаре и фарисее, о блудном сыне, о страшном суде, сыропустная, первая седьмица Великого поста, Литургия Преждеосвященных Даров).

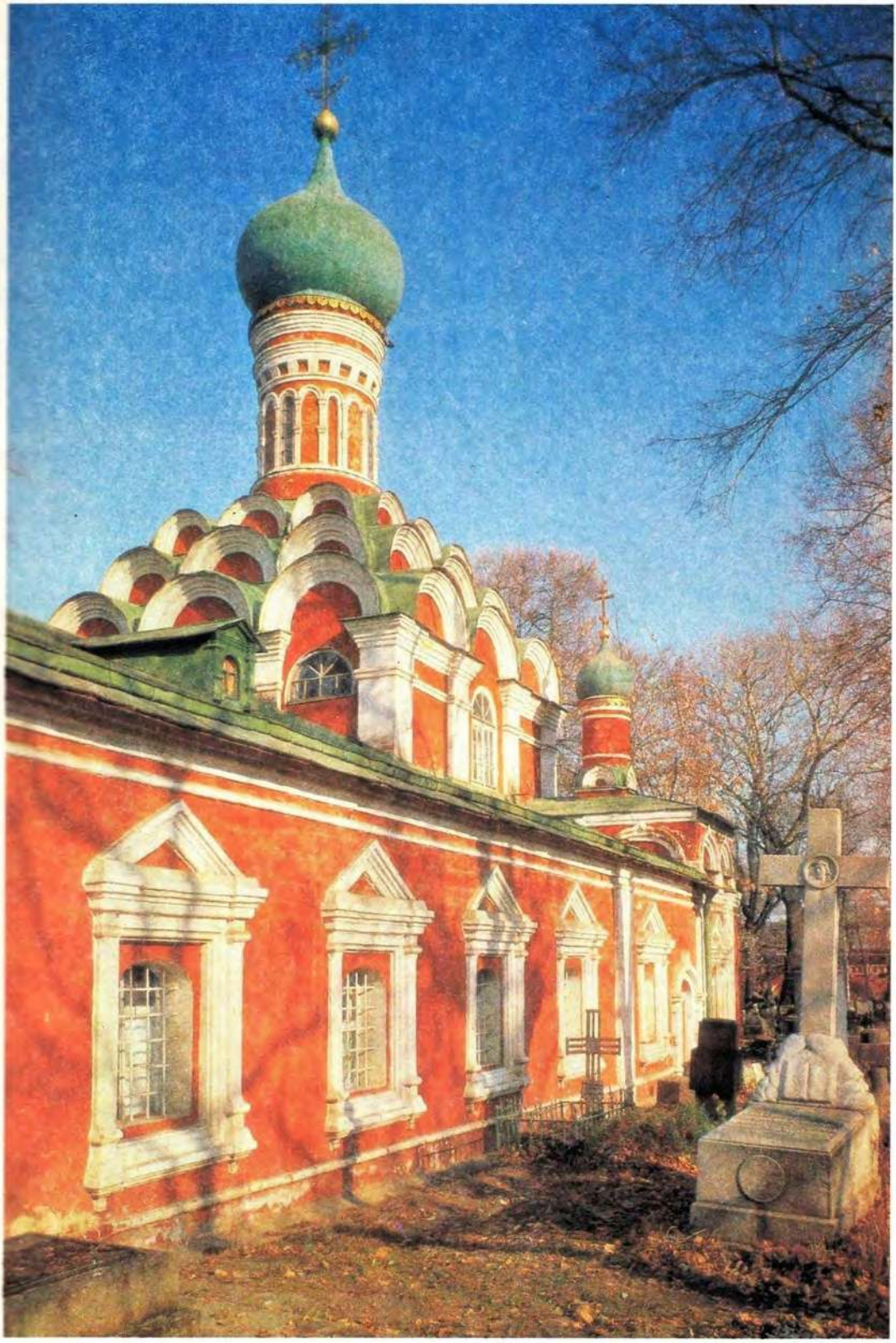
Вып. 18 Песнопения Страстной Седьмицы.

Вып. 19 Неделя Святой Пасхи (канон, припевы на 9-й песни, ексапостиларий, стихиры, антифоны и прочие песнопения, великие прокимны).

Вып. 20 Песнопения Триоди Цветной (ирмосы недельных канонов). Приложения: кондаки и светильны праздничные, седальны 8-и гласов, пение из чина Погребения Божией Матери.

Выпуск 1 выйдет в I квартале 1994 года, выпуски 2-6 в течение 1994 года. Издание будет распространяться в виде подписки на всю серию. Информация о ценах на выходящие выпуски серии будет рассылаться подписчикам по мере сдачи выпусков в печать. Для епархиальных управлений РПЦ, монастырей, духовных учебных заведений предоставляются скидки: от 50 экземпляров серии — 10%, от 100 экземпляров — 20%, от 500 экземпляров — 30%, от 1000 экземпляров — 40%. Тираж издания будет определен количеством поступивших заявок.

Заказы направлять по адресу: Россия, 103045, Москва, Сретенский т., 5. Российское Музыкальное Издательство. Тел. 207–20–40.

МАЛЫЙ СОБОР ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ, ГДЕ ПОКОЯТСЯ МОЩИ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ